

ISSN 2500-4190

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ
И
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Выпуск 33 * 2026

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор

Е.Н. Максимова, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Ответственный секретарь

А.Ю. Опара, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакция:

Л.Н. Гарас (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.А. Бармина, канд. филол. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; П.В. Кузенков, канд. ист. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; В.В. Лебединский, канд. ист. наук, Институт Востоковедения РАН. Москва, Россия; А.В. Миронов, д. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.В. Скребец, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Рябцева, д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; О.В. Ярмач, д. соц. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакционный совет:

В.К. Белозеров, д. полит. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия. А.А. Вартумян, д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия; С.И. Грачев, д. полит. н., профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия; А.Ф. Григорьев, д. культурологии, профессор, Ставропольский государственный педагогический институт. Ставрополь, Россия; П.Л. Карабущенко, д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия; Б.Г. Койбаев, д.полит.н., профессор, Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ, Россия; Г.В. Косов, д.полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; И.В. Крючков, д. ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия; В.Д. Нечаев, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Р.Г. Резаков, д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия; Р.Х. Усманов, д. полит. наук, профессор, Астраханский государственной университет. Москва, Россия; А.А. Ширинянц, д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

П18 Парадигмы истории и общественного развития : сборник научных трудов / Севастопольский государственный университет ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; гл. ред. Е. Н. Максимова ; отв. секретарь А. Ю. Опара. — 2016 (вып. 1) — . — Севастополь, 2026. — 128 с. : ил. — Вып. 33. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 2 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

Банищикова С. Л.	
«Политическое управление»: понятие и нормативное правовое регулирование	7
Рябцева Е. Е.	
Опросы общественного мнения как индикатор настроений мировой общественности	12
Севостьянова И. Е.	
Политическое лидерство и власть в эпоху перемен: типология лидеров в России конца XIX – начала XX века	21
Бичаков С. А.	
Конфликтность и протест в политической культуре арабского мира: ретроспективный анализ	28

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Гарас Л. Н.	
Сериалы («Турдизи») как инструмент «мягкой силы» Турецкой Республики	33
Максимова Е. Н., Гарас Е. Р.	
Корейская волна как инструмент «мягкой силы» Республики Корея	39
Рябцев А. Л.	
Образование и наука как фактор, определяющий лидерство Исламской республики Иран в регионе	45
Цыганов А. С.	
Значимость транзитной роли Черноморского региона в условиях современной геополитической ситуации	51
Опара А. Ю.	
Культурная политика Испании в Магрибе	56

Философия религии и религиоведение

Бояркин А. И.	
Церковная археология как элемент теологического образования	61

Социальная и политическая философия

Галяс И. А.	
А. П. Чехов – интеллигент, философ, гуманист	66
Чугунов С. В.	
Философия анархизма	72
Шавардова Е. Ю.	
Философские аспекты развития имиджелогии как науки	77

История философии

Ткаченко Р. В.	
Историко-философский анализ проблемы универсалий	82
Минченко Т. П.	
К вопросу о парадигмах войны и мира в русской философии и актуальности эллинского образования и воспитания	87

Отечественная история

Абаев Е. А.

Пароходофрегат «Владимир» от постройки к главным победам92

Белоглазов Р. Н., Сабельников М. А., Бражников В. М.

Проблема водоснабжения населения и гарнизона Севастополя в период Второй героической обороны 1941-1942 гг.100

Глушич А. М.

Советский спортсмен как актер спортивной дипломатии СССР в 1920-е гг.105

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Шахин Ю. В.

Основы миросистемного подхода и российская история: проблемы осмысления и применения110

Хапаев В. В.

Павел Степанович Нахимов: историография изучения биографии героя121

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

<i>Banshchikova S. L.</i>	
“Political Management”: The Concept and Regulatory Legal Regimen	7
<i>Ryabtseva E. E.</i>	
Public Opinion Surveys as an Indicator of the Attitudes of the Global Public.	12
<i>Sevostyanova I. E.</i>	
Leadership and Power in Russian Politics in the Late 19th and Early 20th Centuries: Typology of Leaders	21
<i>Bichakov S. A.</i>	
Conflict and Protest in the Political Culture of the Arab World: Retrospective Analysis	28

International Relations, Global and Regional Studies

<i>Garas L. N.</i>	
TV Series ("Turdizi") as a "Soft Power" Tool of the Republic of Turkey	33
<i>Maksimova E. N., Garas E. R.</i>	
Korean Wave as a Soft Power Tool of the Republic of Korea	39
<i>Ryabtsev A. L.</i>	
Education and Science as a Factor Determining the Leadership of the Islamic Republic of Iran in the Region.	45
<i>Tsyganov A. S.</i>	
Maintaining the Relevance of the Black Sea Region Transit Role Taking into Account the Current Geopolitical Situation	51
<i>Opara A. Yu.</i>	
Cultural Policy of Spain in the Maghreb	56

Philosophy of Religion and Religious Studies

<i>Boyarkin A. I.</i>	
Church Archaeology as an Element of Theological Education	61

Social and Political Philosophy

<i>Galyas I. A.</i>	
A. P. Chekhov – Intellectual, Philosopher, Humanist	66
<i>Shavardova E. Yu.</i>	
Image Studies: Philosophical Aspects	72
<i>Chugunov S. V.</i>	
The Philosophy of Anarchism	77

History of Philosophy

<i>Tkachenko R. V.</i>	
Historical and Philosophical Analysis of the Problem of Universals	82
<i>Minchenko T. P.</i>	
On the Issue of War and Peace Paradigms in Russian Philosophy and the Relevance of Hellenic Education and Upbringing	87

National History

Abaev E.A.

Steamfrigate “Vladimir”: From Construction to Major Victories92

Beloglazov R. N., Sabelnikov M. A., Brazhnikov V. M.

The Problem of Water Supply for the Population and the Garrison of Sevastopol During the Siege of Sevastopol (1941–1942).....100

Glushich A. M.

The Soviet Sportsman as an Actor of Sports Diplomacy of the USSR in the 1920s.....105

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

Shakhin Y. V.

Fundamentals of the World-System Approach and Russian History: Understanding and Application Problems.110

Khapaev V. V.

Pavel Stepanovich Nakhimov: The Historiography of the Hero's Biography121

УДК 323.2+342(470+571)

В статье рассматривается суть такого понятия как «политическое управление», представлены различные точки зрения современных авторов и мыслителей прошлого на значение данного явления в общественной жизни. Кроме того, автор анализирует нормативную правовую базу процесса политического управления в Российской Федерации, отмечая отсутствие указанного термина в отдельных нормативных правовых актах при активном использовании российским законодателем и иными субъектами правотворчества понятия «государственное управление».

Ключевые слова: политическое управление, нормативный правовой акт, политические процессы, акторы, объекты политического воздействия, отношения власти, правотворчество, государственное управление.

С. Л. Банщикова, доцент, канд. юрид. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: sveta-lb@mail.ru

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ»: ПОНЯТИЕ И НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Политическое управление на сегодняшний день – обыденное явление, неотъемлемая часть общественной жизни. Можно отметить, что с политическим управлением, так или иначе, сталкивается любой гражданин-обыватель и, тем более, субъект, участвующий в процессе управления тем или иным образом. Так, управление политическими процессами особо значимо для сохранения или изменения политического строя в том или ином государстве. Безусловно, политическое управление влияет практически на все сферы жизни, от уже приведенного примера (например, сохранение существующего режима в демократических обществах) до эффективного построения государства с иными субъектами международных отношений, что невозможно без понимания механизмов политического управления и поиска наиболее эффективных способов и технологий такого управления; кроме того, успешная разработка социальных программ и грамотная их реализация, развитие экономики страны также не могут обойтись без качественного политического управления. Не даром отдельные авторы, например, Е. Н. Богданов [1], называют политическим управлением государственное управление на высоком уровне.

Сегодня, как никогда, можно говорить о явной неустойчивости мирового порядка, о вопиющем нарушении норм международного права отдельными государствами. Нестабильность положения некоторых стран на мировой арене, да и неустойчивость отношений между многими субъектами международных политических отношений, которые, в той или иной степени, затрагивает и нашу страну, приводит к необходимости разработки новых механизмов урегулирования социальных, экономических и политических отношений, говорят о необходимости принятия эффективных управленческих решений в тех или иных ситуациях, требующих управленческого воздействия.

Как верно отмечают Л. Г. Титова и другие авторы, в настоящее время выполнение важнейшей цели – формирование «устойчивого сообщества напрямую связано с качеством политического управления», под которым учеными предлагается понимать способность политических акторов создавать механизм гибкого реагирования на изменяющуюся действительность, а также способность применять новые эффективные технологии, «властное влияние и манипулирование населением» [10].

Следует также указать на несомненную значимость качественного и эффективного политического управления как основания формирования активной гражданской позиции граждан российского общества, поскольку понимание сути и особенностей такого управленческого процесса, своей роли в данном процессе мотивирует граждан к активному участию в жизни общества и государства, создавая, таким образом, активное гражданское общество. Необходимость повышения качества политического управления, так или иначе, ставит перед государством задачи привлечения

образованных специалистов и подготовки квалифицированных кадров в указанной сфере деятельности, что должно отразиться на качестве принимаемых решений. Кроме того, важным является направление борьбы с коррупцией и иными проявлениями злоупотреблением властью, чему также способствует выработка эффективных способов и механизмов политического управления, отвечающего современным запросам общества.

Совершенствование способов и технологий политического управления, выбор эффективных методик на основе понимания сути данного процесса приведет к эффективному разрешению политических и иных конфликтов, как в российском обществе, так и на международной арене, и, как следствие, к стабилизации различных видов общественных отношений.

Об эффективном политическом управлении люди задумывались на протяжении столетий, еще Конфуций предлагал различные правила управления, которые, по его мнению, должны привести к развитию общества, например, «Если же руководить народом, беря за основу добродетель и сохранять мир и порядок при помощи ритуалов, то сам народ будет выражать покорность, стыд и исправляться» [6, с. 231].

И другие мыслители, такие как представители древнегреческой философской и политической мысли Аристотель, Платон рассуждали о значимости эффективного управления как о необходимости и благе для общества, в котором оно осуществляется. Так, Платон размышлял над устройством идеального государства, отмечал как важный признак управления – справедливость. В свою очередь Аристотель развивая идею справедливости, указывал, что политическое управление должно иметь своей целью справедливое устройство общества и достижение блага для всех членов общества.

Дошли до наших дней и рассуждения Гераклита, из которых видно, что определяя свою политическую позицию и философские воззрения на управление государством, мыслитель древности критикует демократию, отмечает большую эффективность правления первых лиц общества, важность законов и соответствие их Логосу, что, безусловно, свидетельствует об актуальности вопроса эффективного политического (государственного) управления для автора.

Политическое управление (иными словами – политический менеджмент) рассматривают как управление в политической сфере с целью регулирования политических отношений и иных, связанных с ними отношений в обществе для придания политическим процессам определенной направленности, получения возможности занять наиболее удачное положение в политическом пространстве отдельными акторами [9].

Политическое управление традиционно рассматривают как вид управления (управленческой деятельности), а также одну из форм общественных отношений между субъектами по поводу разработки и принятия политических решений, а также их реализации. Политическое управление – это целенаправленный процесс, где в рамках общей цели решаются задачи выдвижения политической цели изменения общества, определения наиболее значимых направлений такого изменения, принятия политических решений и прогнозирования политических последствий реализации таких решений.

Рассуждая о политическом управлении Г.В. Пушкарева, отмечает, что необходимо определить различия в государственном управлении и политическом, первое из которых, по мнению автора, опирается на нормотворчество и властное принуждение, а второе, в свою очередь, является, ничем иным, как особой разновидностью управляющего воздействия. Исходя из подобных рассуждений, политическое управление можно трактовать как управление в политике, где субъект управления не имеет права создавать общеобязательные нормы и основываться в своих действиях на право легитимного принуждения других к выполнению своей воли и, как следствие, должен искать иные способы и механизмы для решения своих управленческих задач [9].

Современные исследователи, анализируя рассматриваемую категорию, выделяют ряд характерных признаков, среди которых наиболее значимыми, на наш взгляд являются: тот факт, что политическое управление – это разновидность социального управления, продиктованного властными отношениями в политической сфере (по мнению И. М. Филяниной); также данный процесс является процессом самоорганизации политического субъекта, имеющим цель – преобразовать разнообразные политические силы в организованное единство по отношению к конкретной политической программе (отмечается А.В. Костюковым). И, наконец, следует отметить, что, по мнению О. Ф. Шаброва, политическое управление является отношениями политической власти в рамках государственного управления и отношения в других структурах общества, если они включены в политический процесс.

Как верно отмечает И. К. Харичкин, вышеуказанные признаки дают основание понимать политическое управление «как реализацию политическим субъектом политической власти в политическом процессе», причем, что важно – не только в государственном управлении, но и за его пределами, за сферой воздействия государства на жизнь в обществе. В политическом управлении (в

отличие от государственного) субъектом, наряду с государством, его институтами, выступают и институты гражданского общества (и не обязательно политические), а также политическая элита, наделенная властью и политическая элита влияния, различные элементы политической системы, что, несомненно, так или иначе влияет на все сферы общественной жизни, в том числе, политику и экономику, социальную сферу и иные [16].

Политику и управление сложно разделить, понимая под политикой особую область общественной жизни, где субъекты реализуют свои значимые для них законные интересы через властные отношения, а управление как некий целенаправленный процесс упорядочивания чего-либо. Следует также отметить тесную связь политической власти (способность субъекта навязать свою волю в политической сфере другим – тем субъектам, на которых оказывается воздействие) и управления, поскольку такой процесс воздействия (навязывания) и будет выступать управлением в области политики.

Как верно отмечает Ю. А. Перевезенцева процесс политического управления является «стержнем любой политической системы» [8]; под данным процессом автор предлагает понимать функционирование в обществе таких политических механизмов, где субъекты и объекты связаны отношениями власти-подчинения. Политическое управление может рассматриваться в качестве регулятора политической системы, а именно – способа ее урегулирования, приведения в некое образцовое состояние.

Легальное определение рассматриваемого нами понятия в нормативных правовых актах РФ на сегодняшний день отсутствует. Политическая наука предлагает различные точки зрения на суть данного понятия; кроме предложенных выше, также интересным представляется мнение А. Х. Муратова о том, что политическое управление – процесс воздействия политических организаций, отражающих те или иные интересы политических институтов, функционирование которых ведет к определенным политическим результатам, на общественное развитие [7].

Управлением согласованными социальными интересами, управлением, которое нацелено на согласованный результат, на достижение конкретной цели называет политическое управление В. И. Буренко. Автор отмечает, что управление как процесс сосредотачивает в себе политическую и властную составляющие, первая из которых проявляется в способности государства «обеспечивать эффективную реализацию согласованных целей, в том числе используя технологии господства-подчинения (властвование)» [2]. Субъектом управления в таком процессе, по мнению автора, является государство, «потому это управление часто называют государственным» [2]. И, действительно, при анализе нормативных правовых актов, можно отметить, что в законах и подзаконных актах понятие «государственное управление» активно используется субъектами правотворчества. В качестве примеров следует назвать в первую очередь Трудовой кодекс РФ, где одна из глав названа «Государственное управление охраной труда и требования охраны труда» (гл. 34). Продолжая ряд примеров кодифицированными актами, можно отменить Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [4], где отдельные нормы (ст. 5) посвящены государственному управлению в области торгового мореплавания и, следовательно, используют указанное понятие, а также Кодекс внутреннего водного транспорта РФ [5], где, в частности нормами ст. 51 регулируется право бассейнового государственного управления на внутреннем водном транспорте на полное возмещение понесенных расходов; здесь законодатель говорит о конкретном субъекте такого управленческого процесса, употребляя термин «государственное управление», также об органах власти, осуществляющих государственное управление идет речь и в других статьях закона.

Нельзя не упомянуть в рамках рассматриваемой проблемы многочисленные указы Президента РФ, среди которых «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции», «О совершенствовании государственного управления в сфере информационных технологий» и иные.

Среди текущих федеральных законов следует назвать Федеральный закон № 68-ФЗ 1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [11], в тексте которого рассматриваемый термин используется в названии и содержании главы III. «Государственное управление в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций», а также Федеральный закон 1996 года «О радиационной безопасности населения» [12], где также, как и в предыдущем акте, законодатель использует данный термин в названии и содержании главы III. «Государственное управление в области обеспечения радиационной безопасности...». В свою очередь Закон РФ «О недрах» регулирует в ст. 36 процесс государственного управления недропользованием, перечисляя субъектов такого управления в указанной сфере [3]. Федеральным законом «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в ст.

21 определяется субъект, уполномоченный осуществлять государственное управление в области указанных отношений [13].

Законом 2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации», кроме таких понятий и их значений как «стратегическое планирование», «муниципальное управление» и других, федеральный законодатель вводит понятие государственного управления и определяет такое управление как «деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» (ст. 3) [14], что, безусловно оправдано целью разработки и принятия данного нормативного документа, а также кругом общественных отношений, регулируемых указанным актом. Вообще мнение законодателя в этом вопросе перекликается с распространенными точками зрения, так известный общественный деятель Пол Х. Эппелби в прошлом веке определял государственное управление как государственное руководство общественными делами. Профессор А. Е. Лунев предлагал рассматривать его как организаторскую деятельность с целью объединения усилий различных субъектов – граждан, государственных органов, юридических лиц и организаций для решения определенных задач. Г. В. Атаманчук рассматривал данный процесс как воздействие органов государства на общественные отношения. Всеми авторами, как и законодателем, разделяется мнение об осуществлении рассматриваемого процесса государством в лице его уполномоченных органов и компетентных должностных лиц.

Наиболее близок к теме исследования, на наш взгляд, закон 2001 года «О политических партиях» [15], но и здесь субъект правотворчества не дает толкования понятию «политическое управление» и не раскрывает его сути. Политические партии в России согласно указанному документу (статье 2) созданы для обеспечения возможности участия граждан в политической жизни, а также возможности выразить свою политическую волю; такие организации наделены правом представлять интересы отдельных физических лиц в органах публичной власти нашей страны. Можно ли при этом говорить об участии в процессе политического управления отдельных граждан? Полагаем, можно, особенно, если это касается политических лидеров.

Таким образом, на сегодняшний день законодатель не считает необходимым раскрывать суть политического управления, ограничиваясь использованием термина «государственное управление» и раскрывая его суть в отдельных нормативных документах. В то время как политическая наука говорит о том, что понятие политического управления значительно шире государственного управления (не смотря на существование отдельных мнений об их тождественности), что, на наш взгляд, должно быть со временем отражено в нормативных правовых актах, давая легальное определение данному понятию и закрепляя разграничения между политическим и государственным управлением.

Список литературы

1. Богданов, Е. Н. Конфуций о субъективных условиях эффективного государственного управления / Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин // Методология и теория юридической психологии. – URL: <file:///C:/Users/Asus/Desktop/Конфуций.pdf> (дата обращения: 14.02.2026).
2. Буренко, В. И. Политическое управление как системный процесс / В. И. Буренко // YOUTH WORLD POLITIC. – 2021. – № 1. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53990354> (дата обращения: 13.02.2026).
3. О недрах : Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2026).
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=508509&dst=100037&cacheid=8A834F3AA52EBD439B8BFAD883CB93B5&mode=splus&rnd=sxOrZBVdhl35YJlQ#XYbBaBVfmabsoP4> (дата обращения: 13.02.2026).
5. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499651&dst=100390&cacheid=8A834F3AA52EBD439B8BFAD883CB93B5&mode=splus&rnd=sxOrZBVdhl35YJlQ#yOGEaBVmU1q4T3Hp> (дата обращения: 13.02.2026).
6. Конфуций. Жизнь. Учение. Мысли, изречения и афоризмы / сост. В. В. Юрчук. – 3-е издание, с изменениями. – Минск : Современное слово, 2002. – 379 с.
7. Муратов, А. Х. Политическое управление и терроризм в условиях трансформации современного общества / А. Х. Муратов // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный

и отечественный опыт: сборник научных статей. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46524085_64564645.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

8. Перевезенцева, Ю. А. Политическое управление и базовые управленческие функции государства // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2016. – № 4. – С. 164–171. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29985570_31491677.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

9. Пушкарева, Г. В. Политология : учебник и практикум для вузов / Г. В. Пушкарева. — 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 338 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12298-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/583296> (дата обращения: 14.02.2026).

10. Титова, Л. Г. Политические институты, процессы и технологии / Л. Г. Титова, Т. С. Аكوпова // Социально-политические исследования. – 2002. – № 3 (16). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49770001_30000283.pdf (дата обращения: 19.12.2026).

11. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2026).

12. О радиационной безопасности населения : Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2026).

13. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 20.02.2026)

14. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2026).

15. О политических партиях : Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2026).

16. Харичкин И. К. О понятии «политическое управление» / И. К. Харичкин // Вестник университета. – 2012. – № 4. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18386503_20638558.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

Статья поступила в редакцию 24.02.2026

Banshchikova, S. L. “Political Management”: The Concept and Regulatory Legal Regimen

The article examines the essence of the concept of “political management” and presents various points of view of contemporary authors and past thinkers on the significance of this phenomenon in public life. Additionally, the author analyzes the regulatory legal framework of the political management process in the Russian Federation noting the absence of this term in certain regulatory legal acts, while the concept of “public administration” is actively used by Russian lawmakers and other lawmaking entities.

Keywords: political management, regulatory legal act, political processes, actors, objects of political influence, power relations, lawmaking, public administration.

УДК 303.425.6

Опираясь на результаты долгосрочных ежегодных опросов Международной Ассоциации Гэллупа (Gallup International), автор конструирует картину проблем, стоящих перед населением различных стран мира; определяет иерархию лидерства и анализирует отношение общественности к современным сверхдержавам.

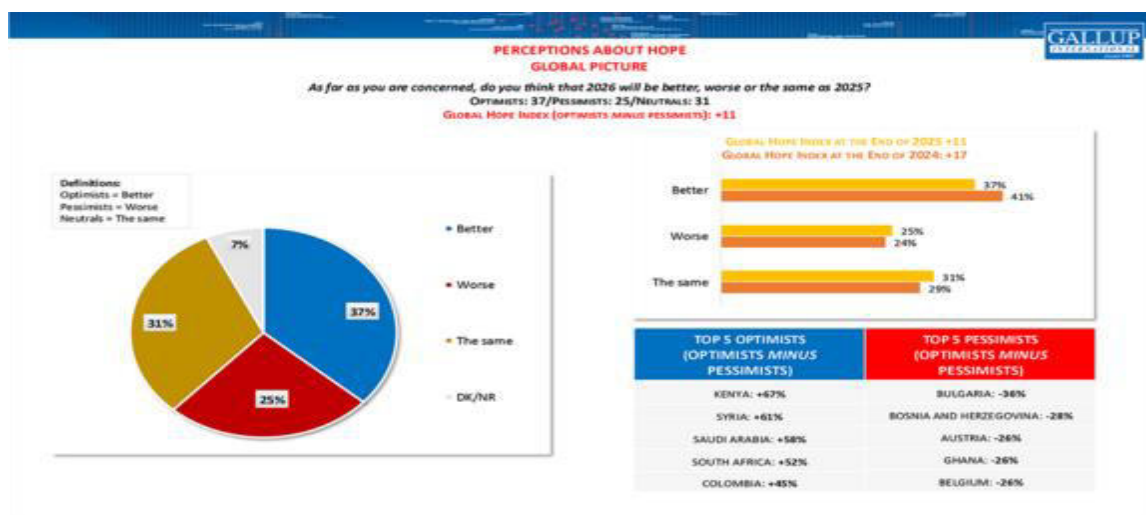
Ключевые слова: общественное мнение, оптимизм, иерархия проблем, сверхдержавы, мировые лидеры.

Е. Е. Рябцева, профессор, д-р полит. наук
 Севастопольский государственный университет
 E-mail: ryabtsevae@yandex.ru

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР НАСТРОЕНИЙ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Современная гуманитарная наука по-разному относится к институту «общественное мнение». Одни авторы считают, что такого института не существует, другие абсолютизируют его, позиционируя как инструмент манипулирования или средство зондажа общественных настроений. На наш взгляд, оба подхода являются крайностями. Объективная реальность же такова, что не учитывать состояние общественного мнения ни исследователи, ни, тем более, политики не могут. Наиболее адекватным источником по изучению общественного мнения являются опросы. А самой авторитетной организацией, проводящей опросы общественного мнения как в США, так и по всему миру, является Международная Ассоциация Гэллупа (Gallup International).

Ежегодно, проводя опрос с 1977 г., Gallup International задает вопрос своим респондентам: Что касается вас, как вы думаете, будет ли будущий год лучше, хуже или таким же, как прошедший? Международное исследование Гэллупа (EOY), самое продолжительное в мире глобальное исследование общественного мнения, показывает, что взгляды людей на 2026 год резко разделились. Последнее исследование, проводимое на конец 2025 года (EOY), охватывает 60 стран и основано на опросах 59 636 взрослых, что делает его одной из наиболее полных скоординированных на международном уровне оценок общественных настроений в любой точке мира. Как показывают результаты исследования, мир, вступающий в 2026 год, сохраняет надежду, но в разных регионах она неодинакова. Во всем мире 37 % респондентов считают, что 2026 год будет лучше, чем 2025-й, в то время как 25% ожидают, что он будет хуже, а 31% не ожидают серьезных изменений. Это дает чистый показатель надежды +11, что указывает на то, что оптимизм по-прежнему перевешивает пессимизм на глобальном уровне. По сравнению с опросом, проведенным в конце 2024 года, когда 41 % ожидали, что наступающий год будет лучше, а 24 % – хуже, мы несколько менее оптимистичны в отношении 2026 года [1].

Источник: [1].

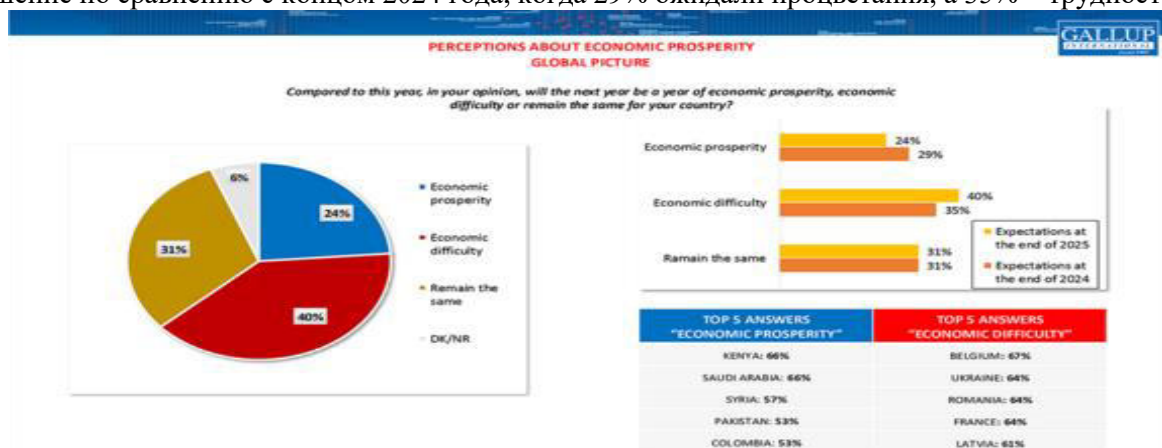
Надежда сильнее всего ощущается на Глобальном Юге, особенно в Арабском мире, Южной Азии, Африке и Латинской Америке, в то время как оптимизм остается сдержанным в Западной и Восточной Европе, где ожидания стагнации более распространены. Топ-5 стран с наибольшей надеждой (Чистая надежда) Кения (+67), Сирия (+61), Саудовская Аравия (+58), Южная Африка (+52), Колумбия (+45) Топ-5 наименее обнадеживающих стран Болгария (-36), Босния и Герцеговина (-28), Австрия (-26), Бельгия (-26), Гана (-26). В 60 опрошенных странах явное большинство сохраняет позитивный настрой (больше людей надеются на следующий год, чем отчаиваются), хотя уровень оптимизма сильно варьируется в зависимости от региона (см. диаграмму 2).

Источник: [1].

Американская исследовательская компания Gallup выяснила, что беспокоило людей в большинстве стран мира в минувшем году. Всего в ходе опроса было выявлено 12 проблем, больше всего волнующих людей. Помимо экономики, это ситуация с работой / рынком труда, политическая ситуация, личная безопасность, нехватка еды /средств на пропитание и жилье, социальные проблемы (дискриминация различного вида, расизм и т. п.), загрязнение окружающей среды / экология, ситуация с медициной / здравоохранением, доступность образования / обучения, ситуация с миграцией/беженцами, ситуация в сфере СМИ (свобода слова и прессы, цензура, проблемы в распространении и получении информации).

Большинство опрошенных заявили, что главной проблемой в своей стране они считают состояние экономики. Только каждый четвертый (24%) ожидает экономического процветания в 2026 году, в то время как 40% ожидают экономических трудностей. Еще 30% ожидают, что условия останутся прежними, в результате чего чистый показатель благосостояния составит -16. Это явное ухудшение по сравнению с концом 2024 года, когда 29% ожидали процветания, а 35% – трудностей.

Источник: [2].

Экономический пессимизм особенно выражен в странах с развитой экономикой, особенно в Западной и Восточной Европе. Напротив, позитивные экономические ожидания в целом сосредоточены в Арабском мире, Южной Азии, Африке и некоторых частях Латинской Америки, что отражает различия в экономических траекториях и ожиданиях. Топ-5 самых экономически оптимистичных стран (чистый уровень благосостояния) Саудовская Аравия (+54), Кения (+47), Сирия (+35), Колумбия (+34), Пакистан (+26). Топ-5 самых экономически пессимистичных стран Бельгия (-59), Франция (-54), Латвия (-54), Украина (-54), Германия (-53). Во всем мире больше стран демонстрируют чистый негативный, чем чистый позитивный эффект в отношении экономических ожиданий (см. диаграмму ниже).

Источник: [2].

На втором месте со значительным отрывом оказалась проблема работы / рост безработицы / условия труда (10% опрошенных). Третье место в списке заняла политика/проблемы в правительстве/ситуация с коррупцией чиновников. При этом такие вопросы входят в число наиболее часто упоминаемых национальных проблем, как правило, в странах с высоким уровнем дохода. На четвертом месте в списке самых беспокоящих оказалась ситуация с безопасностью [2].

Говоря о том, что больше всего волнует те или иные регионы мира, Gallup отмечает, что, помимо экономики, которая стоит на первом месте везде, кроме Северной Америки (там первенство принадлежит политической ситуации), страны Африки, Ближнего Востока и бывшего СССР волнуют проблемы работы / рынка труда. В Азии и Европе на втором месте находится политика, а в Латинской Америке – ситуация с безопасностью.

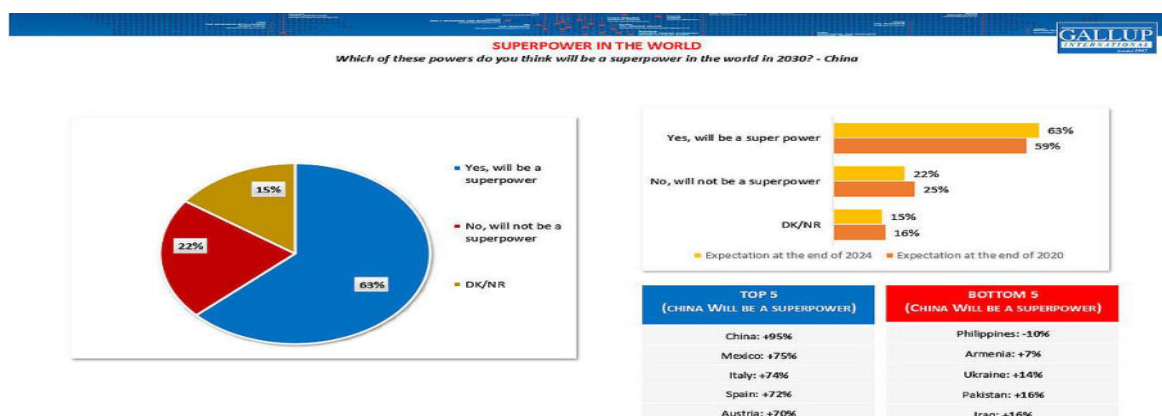
Беспокойство распространяется не только на экономику, но и на глобальную стабильность. В целом по миру 40% респондентов ожидают, что в 2026 году в мире станет еще более беспокойно, в то время как 26% считают, что он станет более мирным. Еще 28 % не ожидают серьезных изменений, в результате чего чистый показатель «Мир» составляет – 14. Ожидания более беспокойного мира наиболее сильны в Западной Европе, Северной Америке и Австралии, в то время как относительно более оптимистичные взгляды наблюдаются в Арабском мире, Южной Азии и некоторых частях Африки, где сохраняются надежды на стабилизацию. Топ-5 самых оптимистичных в отношении глобального мира (Чистый мир): Сирия (+50), Кения (+48), Саудовская Аравия (+43), Перу (+41), Армения (+33). Топ-5 самых пессимистичных в отношении глобального мира: Нидерланды (-61), Германия (-59), Бельгия (-57), Греция (-54), Гана (-52).

Страны можно условно объединить в отдельные глобальные «Группы настроений», если рассматривать надежды, экономические ожидания и взгляды на мир во всем мире. Лишь небольшая группа стран демонстрирует устойчивый оптимизм во всех трех измерениях, включая Саудовскую Аравию, Кению, Южную Африку, Колумбию, Пакистан и Молдову – страны, расположенные в основном на Глобальном Юге. Гораздо большая группа людей с надеждой смотрит в будущее, но обеспокоена состоянием экономики и/или глобальной стабильности, включая Индию, Аргентину, Мексику, Перу, Малайзию, Филиппины, Японию, Южную Корею и Соединенные Штаты. На другом конце спектра находится широкая группа стран, преимущественно в Западной и Восточной Европе, которые настроены пессимистично по всем трем показателям, включая Германию, Францию, Бельгию,

Нидерланды, Австрию, Грецию, Польшу, Румынию и Болгарию. Наконец, небольшое число обществ, в частности, Япония, Южная Корея и Норвегия отличаются тем, что ожидают незначительных перемен, а не явного улучшения или упадка, что отражает стабильность, но ограниченный оптимизм.

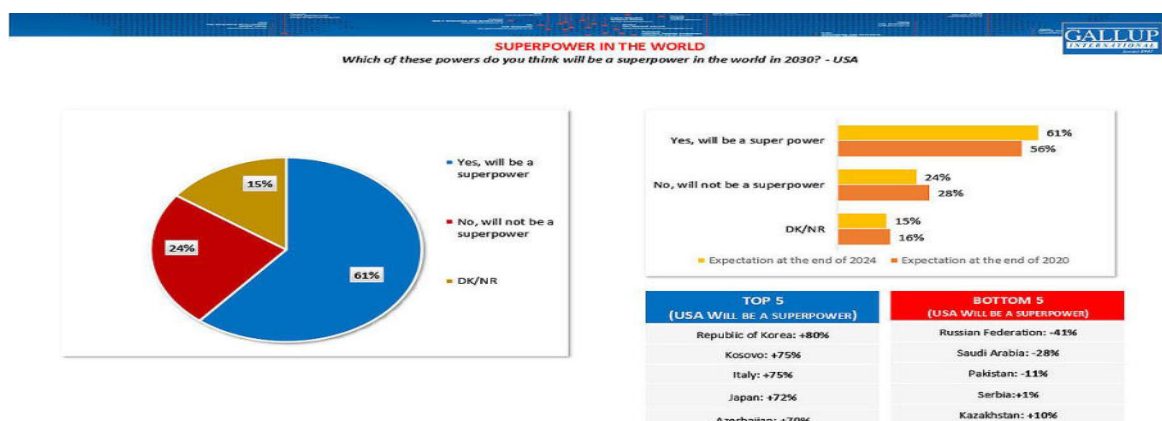
Демографический анализ показывает, что наибольший разрыв наблюдается по возрасту: люди в возрасте до 34 лет в целом сохраняют оптимизм (чистая надежда +28), в то время как люди в возрасте 55 лет и старше настроены пессимистично в отношении надежды (-6), экономики (-29) и мира во всем мире (-30). Гендерные различия минимальны, мужчины и женщины демонстрируют схожие взгляды на надежду, экономические перспективы и мир. В целом, оптимизм преобладает среди молодежи и представителей стран Глобального Юга, в то время как пожилые люди в более богатых странах больше всего беспокоятся о будущем [2].

Задавая вопросы о будущем, интервьюеры не могли обойти стороной вопросы глобальных лидеров. Результаты глобального опроса, проведенного в 37 странах, показывают, что в мире существуют три сверх державы: Китай, США и Россия. Также граждане считают, что две сверхдержавы, США и Китай, значительно опережают Россию.

Источник: [3].

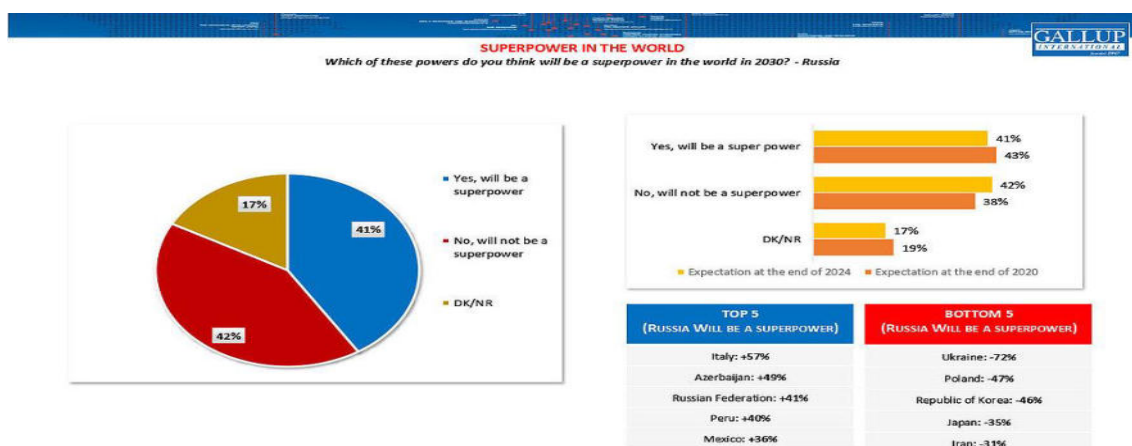
На вопрос, считают ли они США сверхдержавой в 2030 году, 61 % ответили «да», а 24 % – «нет». Интересно, что, согласно опросу взрослого населения Китая, 60% согласны с тем, что США станут сверхдержавой, в то время как население России гораздо более цинично относится к роли США (только 24% считают США сверхдержавой в будущем). Во всех 37 странах 63 % согласны с тем, что Китай станет сверхдержавой к 2030 году, при этом 97 % респондентов в Китае согласны с этим, а 54 % американцев согласны с тем фактом, что Китай останется сверхдержавой к 2030 году.

Источник: [3].

Пожалуй, именно отношение к России наиболее интересно в том смысле, что мнения разделились поровну. Несмотря на то, что президент В.В. Путин усиливает влияние России во многих странах мира и налаживает более глубокие отношения с незападными блоками, 41% всех опрошенных согласны с тем, что Россия останется сверхдержавой к 2030 году, в то время как 42% считают, что

этого не произойдет. Итальянцы (75%) больше всего убеждены в том, что Россия останется сверхдержавой к 2030 году (больше, чем сами россияне, с этим согласны 66%).

Источник: [3].

За пределами этих трех стран больше никто серьезно не конкурирует, даже потенциальная мощь европейского блока ставится под сомнение: только 33 % опрошенных заявили, что они станут сверхдержавой, а 48 % – что нет. Проживая в, пожалуй, самой могущественной стране Европы, немцы не верят, что ЕС станет сверхдержавой к 2030 году (24 % считают, что станет, 60 % – что не станет) [3].

Если проанализировать отношение интернациональной выборки к вопросу: оказывает положительное или отрицательное влияние внешняя политика США на их страну в целом, маятник слегка склоняется к отрицательному влиянию (36 %), а не к положительному (30 %). Неудивительно, что Иран (64 % негативного влияния) и Россия (58 %) наиболее негативно оценивают внешнюю политику США. Кроме того, существует множество объяснений того, почему результаты в Косово (71 % положительных результатов), на Филиппинах (60 %) и Украине (51 %) наиболее позитивно относятся к внешней политике США в их стране. Организация Gallup International задавала тот же вопрос двадцать лет назад. К странам, демонстрирующим наибольший рост восприятия влияния внешней политики США на их страну, относятся Украина (+36 % за двадцать лет), Индия (+26 %), Аргентина (+26 %), Малайзия (+17 %) и Польша (+17 %). И наоборот, те страны, где отношение к людям ухудшилось сильнее всего, – это Болгария (+21 % за двадцать лет), Грузия (+18 %) и Австрия (+13 %) [3].

Но самым продолжительным глобальным исследованием общественного мнения в мире оказался опрос об отношении к мировым лидерам, он проводился ежегодно с 1977 г. в разное время более чем 60 странах, выборка составляла от 58 тыс. до 64 тыс. взрослых респондентов. Последнее исследование, проводимое на конец 2025 г., охватывало 61 страну и основано на интервью с 64 097 взрослыми.

Таблица 1. Вопрос: Пожалуйста, укажите, какого мнения вы придерживаетесь о каждом из перечисленных ниже мировых лидеров: «благоприятного» или «неблагоприятного»?

Результаты приведены в таблице ниже.

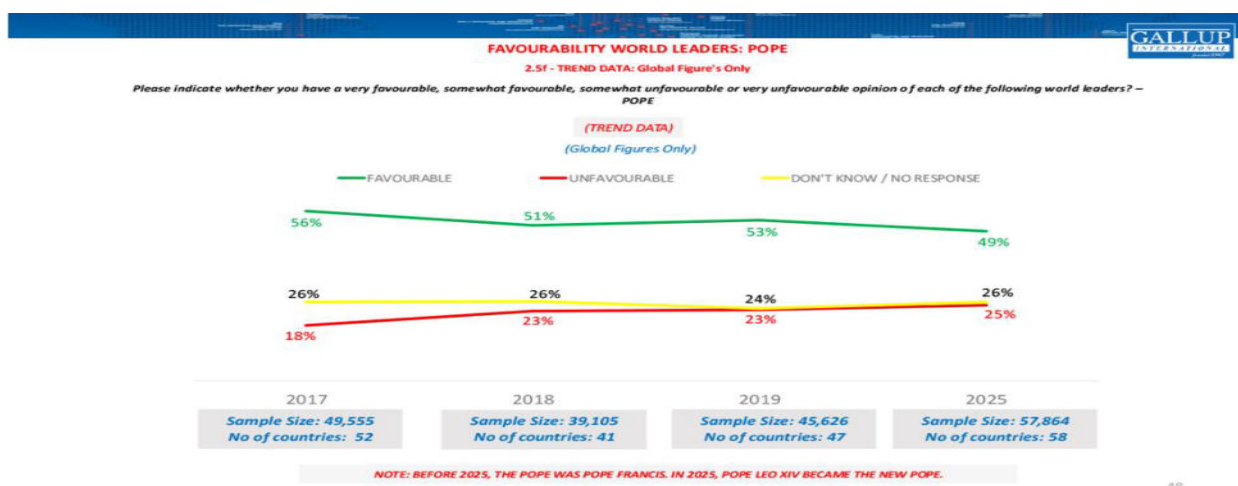
	благоприятного	неблагоприятного	разница
Папа Римский Лев	49 %	25 %	+ 24 %
Президент США Дональд Трамп	30 %	61 %	- 31 %
Председатель КНР Си Цзиньпин	29 %	52 %	- 23 %
Президент России Владимир Путин	25 %	66 %	- 41 %
Премьер-министр Индии Нарендра Моди	25 %	37 %	-12%
Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху	19 %	61 %	- 42 %

Источник: [4].

Первое место в своих предпочтениях респонденты отдали папе Льву. Во всем мире 49 % респондентов положительно относятся к папе Льву, в то время как 25 % относятся к нему отрицательно, а 26 % говорят, что не знают его или не имеют своего мнения, что дает чистый показатель благоприятствования +24 – единственный однозначно положительный глобальный показатель среди всех измеренных лидеров. Папа Лев доминирует в большинстве регионов мира, демонстрируя сильную положительную чистую благосклонность в Африке (+36), Северной Америке (+35), Латинской Америке (+34), Восточной Европе и Австралии (по +31) и Западной Европе (+29), оставаясь единственным незначительно позитивный в Западной Азии (+3) и переходящий в негативный в основном в арабском мире (-18).

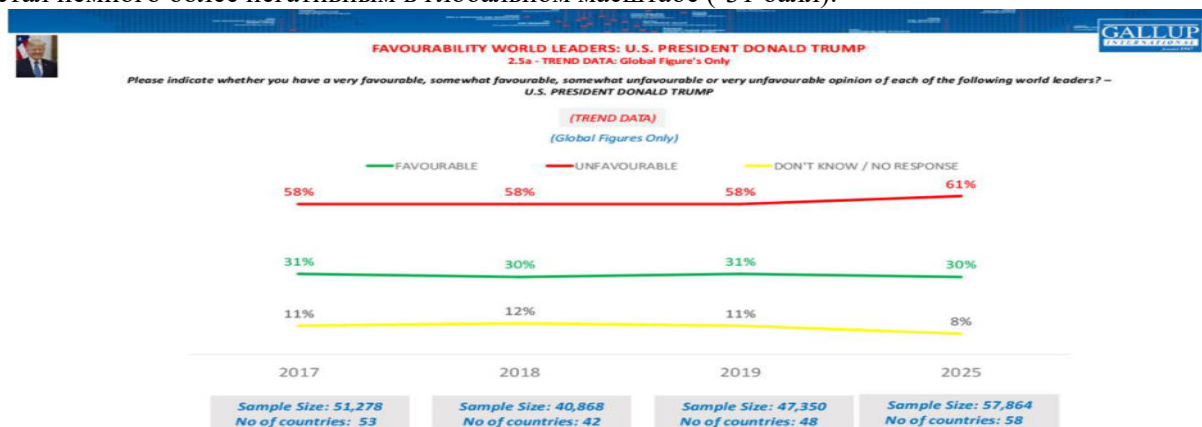
Среди пяти протестированных политических лидеров Дональд Трамп имеет самый высокий рейтинг благоприятствования в мире (30%), немного опережая председателя КНР Си Цзиньпина (29%). За ними следуют Владимир Путин и Нарендра Моди, у которых рейтинг благоприятствования по всему миру составляет 25%. Моди, который все чаще позиционирует Индию как сверхдержаву, в то время как популярность у себя на родине часто не пользуется глобальной поддержкой, его имидж формируется не столько одобрением, сколько ограниченным признанием. В самом низу рейтинга находится премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, о котором положительно отзываются только 19% респондентов. (см. табл. 1)

Анализируя данные опросов, можно проследить динамику отношения респондентов к мировым лидерам. В 2017 году общий рейтинг популярности Папы Франциска в мире составил +38, а в 2025 году, при папе Лье, он остается положительным и составляет +24, сохраняя за папством статус института лидерства, пользующегося наибольшим доверием в мире.

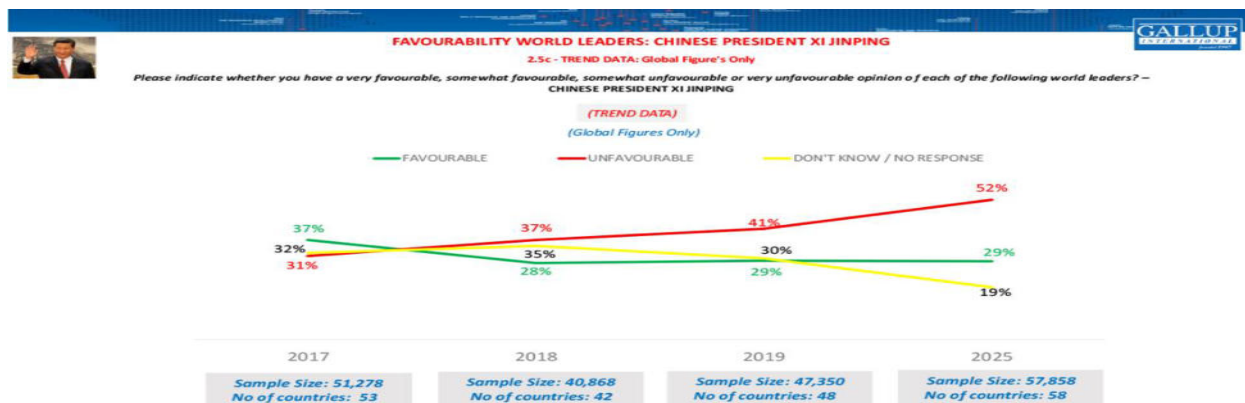
Источник: [4].

Отношение к Дональду Трампу, уже было сильно поляризовано в 2017 году (-27 баллов), в 2025 году стал немного более негативным в глобальном масштабе (-31 балл).

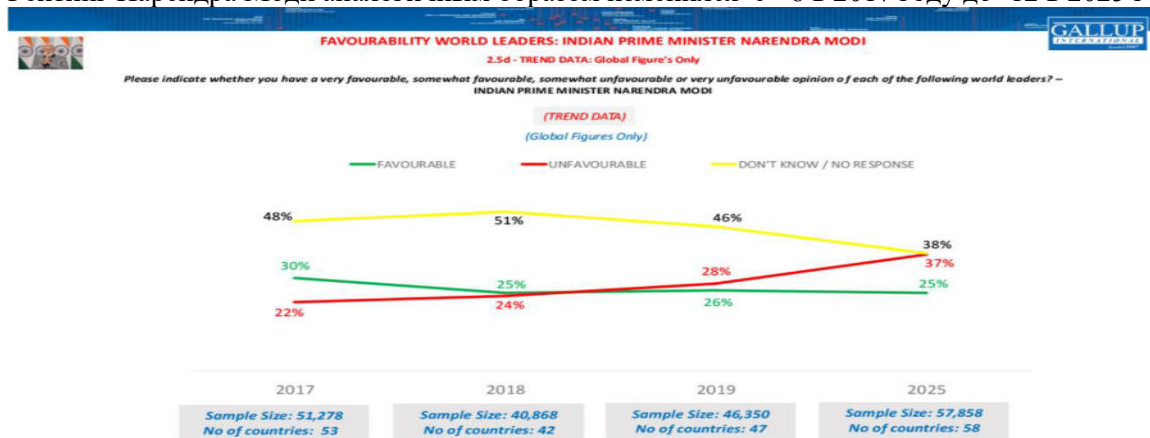
Источник: [4].

Рейтинг Си Цзиньпина в мире изменился с умеренно положительного показателя +6 в 2017 году до явно отрицательного -23 в 2025 году. в то время как Нарендра Модии аналогичным образом поднялся с +8 до -12.

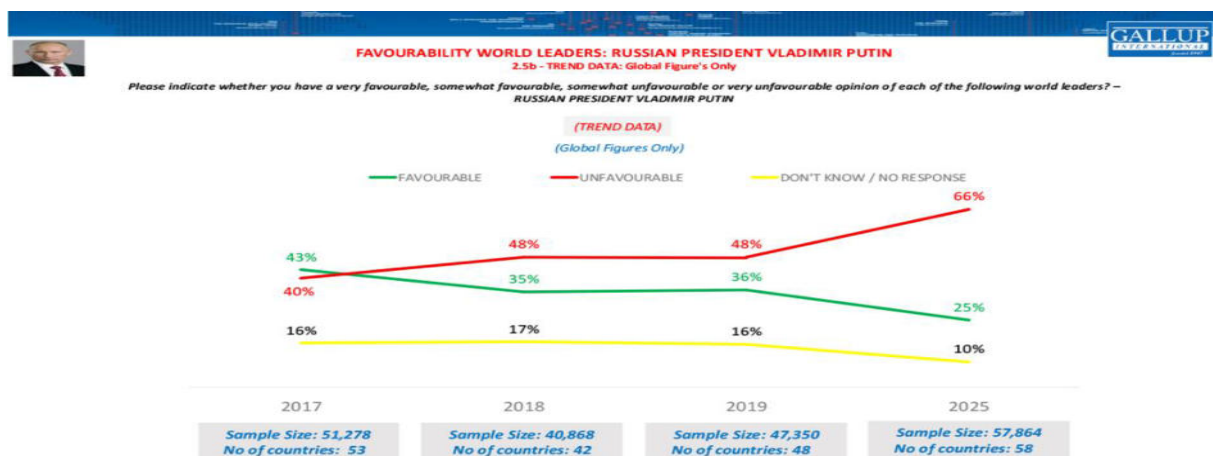
Источник: [4].

Рейтинг Нарендра Модии аналогичным образом изменился с +8 в 2017 году до -12 в 2025 году.

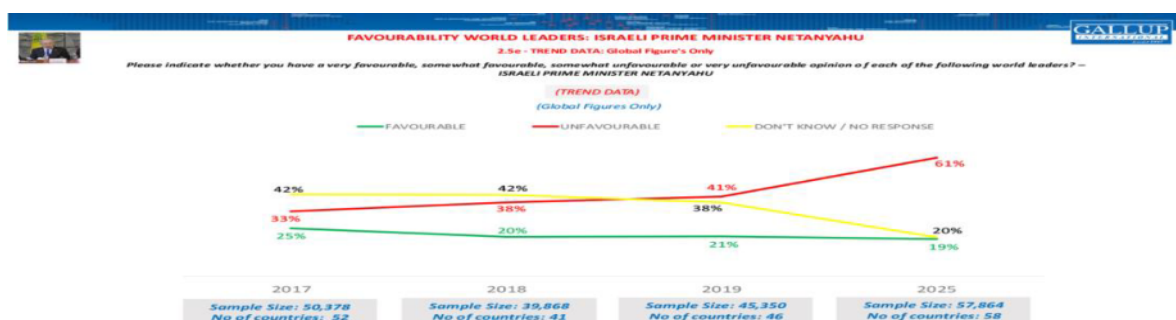
Источник: [4].

Имидж Владимира Путина претерпел одно из самых резких изменений, снизившись с +3 в 2017 году до -41 в 2025 году.

Источник: [4].

Бенджамин Нетаньяху следовал аналогичной траектории, снизившись с -8 в 2017 году до глубоко отрицательных -42 в 2025 году.

Источник: [4].

Однако сами по себе средние показатели по миру не в полной мере отражают влияние лидеров. Более глубоким показателем является охват страны – количество стран, в которых каждый лидер имеет положительный имидж в сети. Если судить по количеству стран с позитивным восприятием, то Папа Римский Лев лидирует с 51 страной, за ним следуют Си Цзиньпин с 18, Дональд Трамп и Владимир Путин с 13, Нарендра Моди с 11 и Биньямин Нетаньяху всего с 5. Этот рейтинг охвата населения по странам рассказывает более глубокую историю, чем только среднемировые показатели.

Показатели Дональда Трампа незначительно позитивны только в Южной Азии (+3), Африке (+2) и Северной Америке (+1), но крайне негативны в Западной Европе и Северо-Восточной Азии (-59 в каждой). Си Цзиньпин положительно зарекомендовал себя в Африке (+29), Латинской Америке (+10) и Западной Азии (+9), но столкнулся с резким неприятием в Северо-Восточной Азии (-82), Западной Европе (-50) и Северной Америке (-37). Нарендра Моди демонстрирует положительный рейтинг в Африке (+26), Южной Азии (+17) и незначительно в Латинской Америке (+2), но остается отрицательным в Северо-Восточной Азии (-41), Арабском мире (-31), Западной Азии (-30) и Западной Европе (-21). Владимир Путин вызывает негативное отношение в большинстве регионов, особенно сильное неприятие в Северо-Восточной Азии (-81), Западной Европе (-73), Австралазии (-54) и Северной Америке (-50), в то время как Биньямин Нетаньяху демонстрирует самое сильное региональное неприятие всех лидеров, особенно в Арабском мире (-79), Северо-Восточная Азия (-59), Западная Европа (-59) и Западная Азия (-50) [4].

Какие же ожидания у мировой общественности в 2026 г. Анализ результатов опросов общественного мнения авторитетной организацией Gallup International показывает, что мир разделился: на Глобальный Юг и Запад, причем регионы с формирующимся рынком и развивающиеся страны Глобального Юга сохраняют относительный оптимизм, в то время как страны с развитой экономикой Запада, и старшие поколения в разных регионах выражают растущее беспокойство.

Общественное мнение резко ухудшается, когда респондентов спрашивают об экономике, людей также волнует безработица, и только затем люди обеспокоены политическими проблемами. Также в целом по странам явное большинство негативно относятся к глобальному миру, что подчеркивает глубокую обеспокоенность по поводу геополитической нестабильности. В этой связи важным является отношение населения стран мира к великим державам. Респонденты отмечают три сверхдержавы: Китай, США и Россию, две мировые сверхдержавы продолжают доминировать в конкурентной борьбе, в то время как мнения о России разделились практически поровну.

Приведем высказывание Майкла Нитше, президента Gallup International, по поводу результатов долгосрочного ежегодного исследования: «Ввиду мрачных экономических перспектив и широко распространенных опасений по поводу мирного сосуществования во многих частях света, будет возрастать потребность в активных лидерах из сфер бизнеса, культуры и политики, которые смогут указать людям конструктивный путь продвигаться вперед и направлять настроения мировой общественности в позитивное русло» [4].

Действительно, анализ результатов долгосрочного ежегодного исследования показывает, что наметилась четкая глобальная иерархия лидерства, в которую входят Президент США Дональд Трамп, Председатель КНР Си Цзиньпин, Президент России Владимир Путин, Премьер-министр Индии Нарендра Моди, Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. Но показателен тот факт, что наблюдается разительный контраст в том, как мир относится к самым выдающимся мировым деятелям современности. В то время как политическое лидерство все чаще ассоциируется с поляризацией и

неприятием, Папа Лев становится наиболее позитивно воспринимаемым мировым лидером, пользующимся широкой доброжелательностью на всех континентах.

Список литературы

1. The Latest Findings from the World's Longest-Running Global Public Opinion Study // Gallup-international : [сайт]. — URL: <https://gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/the-latest-findings-from-the-worlds-longest-running-global-public-opinion-study-1> (дата обращения 05.02.2026).
2. Survey Results: A Divided World Looks to 2026 // Gallup-international : [сайт]. — URL: <https://gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/a-divided-world-looks-to-2026-optimism-in-the-global-south-anxiety-in-the-west-and-among-older-generations> (дата обращения 05.02.2026).
3. Survey Results: In a world of global competition, the US and China are tied as superpowers with opinion divided on Russia // Gallup-international : [сайт]. — URL: <https://gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/in-a-world-of-global-competition-the-us-and-china-are-tied-as-superpowers-with-opinion-divided-on-russia> (дата обращения 27.01.2025).
4. Survey Results: The Latest Findings from the World's Longest-Running Global Public Opinion Study // Gallup-international : [сайт]. — URL: <https://gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/the-latest-findings-from-the-worlds-longest-running-global-public-opinion-study> (дата обращения 30.01.2026).

Статья поступила в редакцию 6.02.2026

Ryabtseva, E. E. *Public Opinion Surveys as an Indicator of the Attitudes of the Global Public.*

Based on the results of long-term annual surveys conducted by the Gallup International Association, the author constructs a picture of the problems facing the population of various countries around the world; defines the hierarchy of leadership and analyzes public attitudes towards modern superpowers.

Keywords: public opinion, optimism, hierarchy of problems, superpowers, world leaders.

УДК 94(47)''188/192'':32-057.34

Статья посвящена исследованию феномена лидерства и власти в российской политике конца XIX – начала XX века. Рассматриваются исторические условия, повлиявшие на становление различных типов лидеров и характер власти в этот период. Особое внимание уделяется типологии лидеров, выделяя такие категории, как реформаторы, консерваторы и революционеры. Анализируются особенности и даны критерии выделения типов лидера, для каждого из которых приведены исторические примеры, показаны механизмы власти и практики воздействия на общество, обозначены преимущества и недостатки каждой модели. Основной целью работы является выявление закономерностей формирования лидерских качеств и механизмов осуществления власти в условиях социальных изменений и перехода от традиционного общества к индустриальному. В исследовании подчеркивается значимость исторического опыта для понимания современных политических процессов и совершенствования взаимодействия власти и общества.

Ключевые слова: лидерство, власть, российская политика, конец XIX – начало XX века, типология лидеров, реформы, консерватизм, революции, бюрократия, политическая курс, модернизация.

И. Е. Севостьянова, доцент, д-р полит. наук

Институт экономики права (филиал) ОУП ВО «АТусО» в г. Севастополе

E-mail: SevostyanovaIrina2017@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ВЛАСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: ТИПОЛОГИЯ ЛИДЕРОВ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Актуальность темы определяется важностью изучения прошлого опыта лидерства и власти в переломные моменты истории. Наследие России конца XIX – начала XX века даёт возможность осмыслить природу современных политических процессов. Масштабные трансформации характерные для того периода были, вызваны ростом промышленности, модернизацией, усилением социальной дифференциации и активизацией массового общественного движения. Промышленная революция меняла не только экономику, но и сознание людей. На фабриках формировался рабочий класс с собственными требованиями, в деревнях нарастало недовольство малоземельем, а интеллигенция искала пути модернизации страны. Происходящие процессы порождали разные типы лидеров – от сторонников осторожных реформ до радикалов, призывавших к полному переустройству общественного строя.

Конкуренция идей и стратегий в тот период во многом определила дальнейший ход истории. Изучение этого опыта помогает лучше понимать: как формируются лидерские качества в условиях кризиса; какие механизмы власти срабатывают, а какие дают сбой; почему одни элиты удерживают влияние, а другие теряют его. Эти знания важны сегодня: они позволяют избегать ошибок прошлого и искать более эффективные способы управления сложными общественными системами.

Политическая жизнь конца XIX – начала XX века была временем резких переломов. Крепостное право уже отменили, но старая система управления не успевала адаптироваться к новым реалиям. Рабочие организации выходили из подполья, крестьяне требовали земли, а власть пыталась балансировать между реформами и репрессиями. В результате баланс сил в обществе стремительно менялся: традиционные элиты теряли монополию на влияние, а новые группы – рабочие, предприниматели, интеллигенция – начинали играть все более заметную роль.

Перед страной стояла задача осмысления происходящих изменений и поиск адекватных стратегий реагирования на внутренние и внешние вызовы. Именно в этот период формируются лидеры, отражающие интересы и устремления различных слоев общества, каждому из которых присущи свои характерные признаки, установки и принципы. Рассмотрим три типа лидеров, отчетливо проявивших себя в событиях того времени.

1. Реформаторы. Представители этого типа стремятся проводить постепенные преобразования, направленные на эволюционное обновление общественно-экономической системы, смягчение накала социальных противоречий и предотвращение разрушительного взрыва. Их стратегия строится на поиске компромиссов и достижений договоренностей, при сохранении преемственности сложившихся традиций. Одним из выдающихся представителей этого направления стал премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин, инициатор аграрной реформы, направленной на улучшение благосостояния крестьян и укрепление социальной стабильности.

2. Консерваторы. Данный тип представлен людьми, приверженными сохранению существующих порядков и традиций, считающими любые изменения угрозой стабильности и безопасности государства. Их позиция основана на верности традиционным ценностям, поддержке сильной централизованной власти и недоверии к любым нововведениям. Один из виднейших сторонников этого направления – министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве, известный своими жесткими репрессиями против любого вида оппозиционной деятельности.

3. Революционеры. Лидеры этого типа выступают за глубокие преобразования всей общественной системы, зачастую готовы применять крайние методы ради достижения поставленных целей. Такие политические деятели, как Владимир Ильич Ленин и Лев Давидович Троцкий, стояли во главе движения, нацеленного на коренную трансформацию общества – его переустройство, основанное на идее построения социализма с упразднением существующей буржуазной системы. Они последовательно продвигали идеи народничества и коммунизма, создав разветвленную структуру подпольных организаций и сеть агитаторов.

Проблема лидерства приобретает особую актуальность в периоды острого выбора, когда будущее государства зависит от правильного определения стратегического курса. Решительные действия лидеров могут, как способствовать стабилизации обстановки, так и спровоцировать масштабные кризисы. Каждый лидер задает вектор преобразований, разрабатывает концепции развития и внедряет их в жизнь, нередко встречая сопротивление как внутри собственного окружения, так и со стороны внешних сил. При принятии решений лидеры вынуждены учитывать как объективные обстоятельства, так и субъективные факторы, включая личные амбиции, мотивы и моральные принципы.

Эпоха конца XIX – начала XX века наглядно демонстрирует значимость компетентного лидерства, эффективного управленческого опыта и глубокого анализа политических процессов. Исторический период, находящийся в центре исследования предоставляет обширный материал для осмысления роли личности в судьбах целых народов и государств, иллюстрируя многообразие методов и способов влияния на общественное мнение и государственные структуры.

При анализе типологии лидеров, необходимо выделить различные типы политических деятелей, проявивших себя в этот переломный исторический этап. Одним из основных типов является реформистский, это одна из ключевых групп в российском обществе конца XIX – начала XX веков, представители которого занимали важные государственные должности и оказывающих значительное влияние на формирование политического курса государства. Представители этого направления ориентировались на поэтапные преобразования, основанных на идеях умеренного либерализма и принципах правового государства. Основная цель их деятельности состояла в проведении социально-экономических реформ, направленных на снижение уровня социального напряжения и создание благоприятных условий для экономического роста.

Зарождение реформистских идей в России было обусловлено кризисом феодально-крепостнической системы, обострившимся в середине XIX века. Важнейшим событием этого периода стала отмена крепостного права в 1861 году по инициативе Александра II. Однако проведенная реформа не решила всех накопившихся проблем российского общества. Она спровоцировала серьезные экономические трудности среди помещичьего класса и создала новые проблемы для бывших крепостных, которые по-прежнему оставались в определенной зависимости от землевладельцев.

Среди видных реформаторов той эпохи особо выделяется фигура Сергея Юльевича Витте, занимавшего пост главы финансового ведомства Российской империи. Реализованные им преобразования стали значимым этапом модернизации экономики страны. Витте осуществил денежную реформу, введя золотой стандарт рубля, стимулировал развитие промышленности и железнодорожного строительства, что способствовало укреплению финансовой системы и повышению конкурентоспособности российских товаров на мировом рынке [1, с. 113].

Еще одним видным представителем реформистского течения был Петр Аркадьевич Столыпин, чьи аграрные преобразования вошли в историю как «столыпинская реформа». Ключевой целью этих мер стало формирование устойчивого слоя зажиточных крестьянских хозяйств. Реализованные инициативы способствовали росту сельскохозяйственного производства и стабилизации обстановки в сельской местности, хотя одновременно вызвали недовольство многих слоев общества.

Существенный вклад в реализацию внутренней политики императора Николая II внес Владимир Николаевич Коковцов. Занимая ключевые государственные посты, он проводил взвешенную бюджетную политику и способствовал реализации проектов по развитию инфраструктуры и перспективных отраслей экономики.

Однако внедрение реформ сталкивалось с рядом сложностей. Консервативные круги, заинтересованные в сохранении своего привилегированного положения, активно сопротивлялись преобразованиям, угрожавшим сложившемуся общественному укладу. Одновременно нарастало

недовольство среди крестьян и рабочего класса: отсутствовали действенные меры по обеспечению социальной справедливости и защите прав трудящихся. Разногласия среди реформаторов влияли на эффективность принимаемых решений. Даже продуманные инициативы нередко наталкивались на сопротивление коллег по правительству – яркий пример тому реформы П. А. Столыпина. Его попытки модернизировать аграрный сектор и административное устройство страны вызвали неоднозначную реакцию: часть чиновников видела в них угрозу устоявшемуся порядку, другие критиковали за недостаточную глубину преобразований. Это порождало затяжные дискуссии в верхах, замедляло реализацию планов и ослабляло общий курс на обновление.

Лидеры-реформаторы того периода пытались найти баланс: с одной стороны, продвигать модернизацию экономики и институтов, с другой – учитывать интересы разных социальных групп: помещиков, промышленников, крестьян, зарождающегося рабочего класса. Однако стратегия наталкивалась на два системных барьера. Во-первых, среди самих сторонников преобразований не было единства: разногласия касались темпов изменений, приоритетов и методов достижения целей. Одни настаивали на постепенной модернизации, другие требовали решительных мер – это порождало раскол и замедляло принятие решений.

Во-вторых, мощный противовес исходил от консервативных кругов. Аристократия, часть бюрократии и представители традиционных институтов видели в реформах угрозу своим привилегиям и устоявшемуся порядку. Они активно использовали административные рычаги, влияние в элитах и идеологическое давление, чтобы блокировать или смягчить нововведения. В результате реформаторы вынуждены были либо идти на компромиссы, ослаблявшие эффект преобразований, либо сталкиваться с открытым противостоянием.

В политическом ландшафте России конца XIX – начала XX века явно доминировали консервативные настроения. Власть и значительная часть элиты видели главную задачу в сохранении стабильности: любые серьёзные изменения воспринимались как риск для государственного устройства. Консерваторы отстаивали не просто статус-кво, а целую систему ценностей: опору на монархию, роль Церкви, сословные привилегии дворянства. Для них стабильность была не самоцелью, а условием сохранения исторической идентичности страны и механизмов управления, проверенных веками. Яркими представителями консерваторов были император Александр III, а также политические деятели Константин Победоносцев и Дмитрий Толстой.

Вступление Александра III на престол в 1881 году стало поворотным моментом в политической истории России. Трагическая гибель Александра II укрепила в новом императоре убеждение: либеральные эксперименты предшественника подрывали традиционные основы власти и создали питательную почву для радикализма.

Курс Александра III был сознательно противопоставлен реформам 1860–1870-х годов. Его политика строилась на трёх принципах:

- незыблемость самодержавия – как единственно возможной формы правления для России;
- ограничение выборных институтов – сокращение полномочий земств и городских дум, усиление роли назначаемых чиновников;
- идеологическое сдерживание – борьба с либеральными и революционными идеями через ужесточение цензуры, контроль над образованием и поддержку консервативной публицистики.

Император рассматривал любые попытки конституционных преобразований как прямую угрозу государственному устройству. В его понимании сильная власть не нуждалась в «сдержках и противовесах» – напротив, они ослабляли способность государства отвечать на внутренние и внешние вызовы. Это нашло отражение в жестких мерах контроля над обществом, усилении цензуры и репрессиях против оппозиционных движений [5, с. 345].

Константин Победоносцев, влиятельный государственный деятель эпохи Александра III, являлся идеологом консерватизма. Его идеи базировались на сохранении православной веры, самодержавия и народности как трех основополагающих принципов русской государственности [3]. Под влиянием Победоносцева усиливалась роль бюрократического аппарата, внедрялся жесткий контроль над образованием и культурой, ограничивалось право на свободу слова и собраний. Для Победоносцева стабильность и порядок были важнее индивидуальных свобод и гражданских прав.

Дмитрий Толстой, министр внутренних дел и образования во времена правления Александра II и Александра III, также выступал сторонником жесткой политики подавления любого проявления недовольства и борьбы с революционными настроениями. Политика Д. Толстого отличалась активным противодействием критически настроенной к режиму интеллигенции, поддержкой реакционных тенденций и противодействием прогрессивному развитию общества [2].

Таким образом, представители консервативного типа лидера выступали приверженцами строгого соблюдения традиций, отрицали возможность изменений и развития общества путем реформирования государственного строя и гражданского сознания. Их методы управления характеризовались высоким уровнем авторитаризма, жестким контролем центральных властей и неприятием альтернативных точек зрения. Основной целью консервативного лидерства являлось поддержание неизменности социальной структуры, предотвращение социальных потрясений и удержание существующего статуса-кво, несмотря на объективные потребности модернизации и адаптации общества к новым условиям.

Революционное направление возникло в условиях глубокого кризиса царской власти и нарастающего недовольства широких слоев населения. Оно сформировалось на волне распространения социалистических учений, среди которых особую популярность приобрели марксизм и анархизм. Именно в этот период начали складываться организованные группы революционно ориентированных деятелей, выступавших за коренные преобразования общественной системы посредством свержения старого режима.

Наиболее яркими представителями революционного типа лидерства стали такие фигуры, как Владимир Ильич Ленин, Лев Давидович Троцкий и Георгий Валентинович Плеханов.

Революционное движение начала XX века опиралось на идеи и практическую работу нескольких ярких лидеров. Каждый из них по-своему оказал влияние на развитие революционной теории и тактику борьбы за изменение общественно-политического строя.

Владимир Ленин, стоявший у истоков партии большевиков, разработал стратегию, в центре которой была идея перехода власти к рабочему классу. Он считал, что пролетариат способен стать главной силой исторических перемен, но для этого ему нужен организованный центр – сплочённая партия профессиональных революционеров.

Ленин настаивал на жёсткой структуре организации: без строгой дисциплины и чёткого подчинения, по его мнению, невозможно было добиться успеха в борьбе с существующим режимом. Решительность и единство действий он рассматривал как ключевые условия победы.

Лев Троцкий, один из главных организаторов Октябрьского переворота, предложил иную концепцию – теорию перманентной революции. Он утверждал, что революция в одной стране не может закрепиться, если не получит поддержки извне: процесс должен выйти за национальные рамки и охватить другие государства.

В период Гражданской войны Лев Троцкий взял на себя задачу формирования вооружённых сил новой власти. Именно он стоял у истоков создания Красной армии: выстраивал систему командования, налаживал снабжение, организовывал обучение бойцов. Благодаря напористости и организаторскому таланту Троцкого за считанные месяцы удалось сформировать боеспособные подразделения из разрозненных красногвардейских отрядов. Эти части не просто пополнили ряды вооружённых сил – они стали ударной силой, определившей исход ряда решающих столкновений Гражданской войны.

Георгий Плеханов, стоявший у истоков российского марксизма, подошёл к идеям Маркса не как к догме, а как к инструменту анализа. Он тщательно изучал социально-экономическую картину России: соотношение классов, уровень развития промышленности, положение крестьянства. На этой основе Плеханов показал, как универсальные марксистские концепции можно адаптировать к специфике страны – например, учесть роль крестьянства в революционном процессе.

Его труды стали своего рода «учебником» для нового поколения радикалов. Ленин и Троцкий, будучи молодыми активистами, изучали работы Плеханова, заимствовали отдельные положения и одновременно полемизировали с ними – так формировались их собственные концепции.

Революционные лидеры тех лет действовали в обстановке жёсткого противостояния с властью. Они осознанно шли на риск: публиковали запрещённые материалы, организовывали стачки, создавали нелегальные структуры. Тактика была гибкой: на легальном поле – профсоюзы, рабочие клубы, печать; в подполье – боевые дружины, сети связных, подготовка к вооружённым выступлениям.

Такой подход позволял вовлекать разные слои населения: от образованных радикалов до заводских рабочих и крестьян. Давление на режим не ослабевало – оно меняло формы, но сохраняло интенсивность.

Революционные лидеры эпохи отличались набором качеств, которые позволяли им мобилизовать общество и направлять его энергию в политическое русло:

– способность вдохновлять. Они не ограничивались декларациями – через яркие образы и понятные аналогии делали сложные идеи доступными для рабочих и крестьян. Лозунги превращались в ориентиры, а абстрактные концепции – в практические задачи.

– конкретика вместо обещаний. Вместо туманных рассуждений о «светлом будущем» революционеры предлагали пошаговый алгоритм: сегодня – создать профсоюз, завтра – провести стачку, послезавтра – выдвинуть требования. Такая ясность снижала уровень неопределённости и повышала вовлечённость.

– политическая стойкость. Революционные активисты начала XX века действовали в условиях постоянного риска: они меняли конспиративные квартиры, восстанавливали разрушенные полицией связи, продолжали распространять идеи даже после массовых арестов. Их мотивация выходила за рамки тактических побед – каждый шаг был подчинён стратегической задаче трансформации общественного строя.

Для этих людей политика была не профессией, а призванием. Они рассматривали существующую систему не как данность, а как исторический этап, изживший себя. В их сознании сформировалась чёткая дихотомия: старое – бюрократия, сословные привилегии, подавление свобод; новое – равенство прав, народный суверенитет, экономическая справедливость.

Миссия виделась им как историческая необходимость: не просто сменить власть, а перестроить принципы организации общества. Убеждённость в этом придавала их действиям особую последовательность – компромиссы с режимом воспринимались как предательство идеи.

Переходя к механизмам власти, отметим: разные типы лидеров выбирали различные тактики управления. Одни делали ставку на массовую агитацию и организацию протестов, другие – на создание жёстко структурированных подпольных ячеек. Различались и подходы к формированию коалиций: от временных союзов с либералами до полного отрицания любых компромиссов.

Консерваторы опирались на традиции и иерархию, реформаторы – на постепенное обновление институтов, радикалы – на решительный слом старых структур. Выбор стратегии зависел не только от личных убеждений, но и от конкретной ситуации: экономического положения, настроений в обществе, международной обстановки.

Различия в способах реализации властных полномочий позволяют глубже осмыслить общественные процессы того периода и выявить ключевые факторы, определявшие успех или неудачу отдельных политических деятелей.

Эффективность методов воздействия на общество зависела как от личных установок лидера, так и от внешних факторов, определяемых состоянием общества и экономики в целом.

1. Реформистская практика. Реформисты ориентировались на привлечение общественной поддержки и выстраивания переговорного процесса с представителями элит. Характерными чертами этого подхода выступали: активное использование парламентских процедур, участие в избирательном процессе, вовлечение интеллектуальных кругов и представителей среднего класса в обсуждение социально-экономических проблем. Например, аграрные реформы П. А. Столыпина реализовывались в рамках Свода законов Российской империи в соответствии с действующей правовой базой. Преобразования затрагивали нормы, регулирующие вопросы землевладения и крестьянского самоуправления, что требовало тщательной юридической проработки [4]. Аграрная реформа П. А. Столыпина стала итогом напряжённых дискуссий в Государственной думе, где столкнулись интересы разных политических сил. Разрабатывая её положения, авторы стремились найти баланс: с одной стороны, удовлетворить потребность крестьян в земле и правовой самостоятельности, с другой – не подорвать экономическое положение помещичьих хозяйств, остававшихся опорой сельского хозяйства страны.

Такой подход отражал особый тип политического руководства – не радикальный слом, а осторожная модернизация. Столыпин сознательно выстраивал диалог между слоями общества: учитывал требования крестьянства, интересы землевладельцев и стратегические задачи государства по повышению продуктивности аграрного сектора. Компромисс достигался через конкретные механизмы: возможность выхода из общины с закреплением надела в личную собственность; поддержка переселения на свободные земли; развитие кредитной системы для крестьянских хозяйств.

2. Консервативное направление в политике опиралось на стратегию сохранения статус-кво через жёсткие административные меры. Лидеры этого толка видели главную задачу в защите традиционных институтов власти и сдерживании любых проявлений общественной активности, которые могли привести к трансформации существующего порядка.

Для достижения этих целей использовались следующие инструменты:

– силовые структуры. Полиция и армия выступали как гаранты стабильности: пресекали массовые выступления, проводили аресты активистов, контролировали передвижения подозрительных лиц;

– судебная система. Через неё закреплялись ограничительные нормы: ужесточались наказания за «антигосударственные» высказывания, упрощалась процедура преследования оппозиционеров;

– административный контроль. Вводились ограничения на деятельность общественных организаций, ужесточалась цензура, ограничивались права самоуправления на местах.

Важную роль играла идеологическая поддержка режима. Государство активно продвигало идеи патриотизма, верности монарху и исторической преемственности. Через школы, церковь и официальные СМИ формировался образ «врага» – революционеров и либералов, якобы угрожавших целостности страны.

Ярким примером такой политики стала эпоха правления Александра III. После убийства Александра II новый император взял курс на укрепление самодержавия: ограничил земское самоуправление, усилил полицейский надзор, ужесточил университетский устав. Принятые меры были призваны не просто подавить оппозицию, а создать систему, где любые попытки перемен пресекались бы на корню.

Власти ужесточили наказания за распространение запрещенной литературы и проведение митингов, что демонстрирует репрессивный характер консервативного курса.

3. Революционная практика. Усилия лидеров были сосредоточены на мобилизации народных масс и построении нелегальных организационных структур, действующих за пределами правового поля. Их стратегия включала: распространение революционной идеологии среди рабочих и крестьян, создание подпольных организаций, подготовку массовых акций протеста и агитацию рабочего класса. Такой подход позволял аккумулировать общественное недовольство и трансформировать его в политическую активность. Революционные круги целенаправленно акцентировали внимание на острых социальных проблемах, содействовали созданию профсоюзов и кооперативов, формировали в обществе ожидание масштабных преобразований. Организация общероссийских стачек и демонстраций выступила важным этапом подготовки к событиям 1905 – 1907 годов, а впоследствии – Февральской и Октябрьской революциям.

Рассмотренные модели власти демонстрируют многообразие подходов к государственному управлению и взаимодействию с населением. При этом выбор конкретной стратегии не носил произвольный характер: механизмы власти формировались под воздействием реальных условий окружающей среды, уровня экономического развития, культурного контекста и социально-политических условий.

В конце XIX – начале XX века в России сосуществовали разные модели управления, каждая из которых имела свои преимущества и недостатки – они напрямую вытекали из особенностей существовавшей российской действительности. Реформаторский подход давал шанс на модернизацию и прогресс, но регулярно сталкивался с противодействием со стороны аристократии и бюрократического аппарата: группы были заинтересованы в сохранении привычного порядка вещей. Репрессивные методы помогали временно стабилизировать обстановку, однако их применение усиливало недовольство в обществе и закладывало основу для будущих кризисов. Революционные стратегии сулили радикальные перемены, но оборачивались политической нестабильностью и непредсказуемыми последствиями – вплоть до полного разлада системы управления и масштабных социальных потрясений. Успех той или иной линии зависел от сложного сочетания факторов: степени единства в обществе; состояния экономики; внешнеполитической ситуации.

Анализ механизмов власти в эпоху масштабных исторических перемен позволяет осмыслить динамику взаимодействия власти и общества в России конца XIX – начала XX века, выявить устойчивые закономерности в работе государственных институтов, оценить насколько выбранные подходы учитывали модели лидерского поведения в политической практике России конца XIX – начала XX века различаются целевыми установками и методами реализации: реформаторский тип делал акцент на эволюционном преобразовании институтов власти – модернизации законодательства, административных структур и социально-экономических механизмов без их полной замены; консервативный тип ориентировался на поддержание сложившегося политического порядка, институциональной стабильности и ценностных ориентиров, укоренённых в традициях; радикальный тип предполагал демонтаж существующих институтов и формирование принципиально новой системы властных отношений.

Однако ни одна из этих моделей не обеспечила комплексного преодоления системных кризисных явлений. Ключевым ограничителем стала фрагментация элитного слоя: отсутствие консолидации между влиятельными группами препятствовало выработке единой стратегии развития. Несогласованность управленческих решений приводила к тому, что отдельные меры не складывались в целостную политику, а порой прямо противоречили друг другу, усугубляя

институциональную нестабильность. Исторический опыт управления показывает: устойчивая власть строится не на жёстком доминировании, а на умении выстраивать баланс интересов. Успешные лидеры разных эпох добивались стабильности не через подавление инакомыслия, а через поиск точек соприкосновения между потребностями различных социальных групп – будь то ремесленники средневековых городах, промышленники XIX века или современные IT-специалисты.

В условиях ускоряющихся социальных трансформаций критически важной компетенцией политической элиты становится гибкость реагирования на внешние изменения. Динамика современного мира задаёт жёсткие требования к управленческим решениям:

- технологические инновации меняют структуру занятости – одни профессии исчезают, другие появляются, требуя новых образовательных стандартов;
- экономические потрясения (кризисы, санкции, колебания цен на ресурсы) смещают общественные приоритеты – от роста благосостояния к элементарной стабильности;
- цифровые платформы трансформируют взаимодействие власти и граждан: традиционные каналы коммуникации уступают место мессенджерам и соцсетям, где формируется новая публичная повестка.

Список литературы

1. Давыдов, М. Цена утопии. История российской модернизации / Михаил Давыдов. – 2-е издание. – М. : НЛЮ, 2023. – 536 с.
2. Десять лет истории науки: президент, реформатор, историк, еретик / Виталина Власова. – Текст : электронный // Indicator : [сайт]. – URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/desyat-let-istorii-nauki-prezident-reformator-istorik-eretik.htm>. — Дата публикации: 13.03.2023.
3. Полунов, А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А. Ю. Полунов. – Текст : электронный // Азбука веры : [сайт]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/k-p-pobedonostsev-v-obshhestvenno-politicheskoy-i-duhovnoj-zhizni-rossii/ (дата обращения 11.02.2026).
4. Свод законов Российской империи, Т. IX, ст. XXX. – Текст : электронный // Консультант: справочно-правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_ix/ (дата обращения 15.02.2026).
5. Уортман, Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2004. – 796 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026

Sevostyanova, I. E. *Leadership and Power in Russian Politics in the Late 19th and Early 20th Centuries: Typology of Leaders*

The article is devoted to the study of the phenomenon of leadership and power in Russian politics of the late 19th and early 20th centuries. It examines the historical conditions that influenced the development of different types of leaders and the nature of power during this period. Special attention is given to the typology of leaders highlighting categories such as reformers, conservatives, and revolutionaries. The article analyzes the characteristics and criteria for identifying different types of leaders, providing historical examples for each category, exploring the mechanisms of power and practices of influencing society, and highlighting the advantages and disadvantages of each model. The main goal of the work is to identify the patterns of formation of leadership qualities and the mechanisms of exercising power in the context of social changes and the transition from a traditional society to an industrial state. The study highlights the importance of historical experience for understanding modern political processes and improving the interaction between government and society.

Keywords: leadership, power, Russian politics, late 19th – early 20th century, typology of leaders, reforms, conservatism, revolutions, bureaucracy, political history.

УДК 323.2(=411.21)

В статье проанализировано значение конфликтности и протеста в политической культуре арабского мира. Автор рассматривает историческое развитие арабского мира, в котором закономерным являлась конфликтность арабского общества и каждый этап развития был непосредственно связан с протестом. Особое внимание в статье уделено определению путей модернизации арабского общества, а также влиянию идей арабского национализма (панарабизма) и панисламизма на формирование социально-политического конфликта.

Ключевые слова: арабский мир, фитна, панарабизм, панисламизм, Арабская весна, Ближний Восток и Северная Африка

С. А. Бичаков, старший преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: bichakov@mail.ru

КОНФЛИКТНОСТЬ И ПРОТЕСТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ АРАБСКОГО МИРА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Арабский мир как политическое и социокультурное пространство на протяжении столетий остается разрозненным и противоречивым, а конфликтность и разные формы протеста, являются неотъемлемой частью политической культуры населения Ближнего Востока и Северной Африки. Конфликтность и противоречивость арабского мира прослеживается как в истории, так и сегодня. Ввиду постоянной раздробленности и конфликтности арабского общества, на протяжении столетий формировались определенные формы социального и политического протеста.

По мнению отечественного исследователя В. А. Аваткова: «Арабская протестная культура, сформированная протяженными во времени историческими периодами нахождения населения в подчиненном положении, формирует очень тонкую дифференциацию между такими понятиями, как تمرد (араб. тамарруд – возмущение / бунт) ; ثورة (араб. саура – революция / извержение / приступ гнева/протест); انقلاب (араб. инкыляб – переворот / перемена / изменение / путч); عصيان (араб. исьян – мятеж) ; فتنة (араб. фитна – смута / соблазн / искушение); نهض (араб. нахда –подъем / вставание / восстание)» [1, с. 16 - 17].

Арабское население преимущественно исповедует ислам, их социальные и политические традиции неразрывно связаны с миром ислама, с позиции которого также существует четкая интерпретация таких понятий как «конфликт», «протест», «революция». Так, термин фитна упоминается в Коране свыше 30 раз, и всегда в негативном значении. В Коране сказано, что «ал-фитна» – большой грех, чем даже убийство. «Убивайте их, пока не прекратится фитна» [1, с. 18]. Согласно исламской политической традиции крупномасштабная смута (фитна) провоцирует образование анархии, которая приводит к негативным последствиям и разрушает общество изнутри.

Протестные события играли судьбоносную роль с момента зарождения арабского и исламского мира в форме первого единого и централизованного государства – Арабского халифата, при правлении четырех праведных халифов (632 – 661 гг.). Именно фитна привела к распаду этого могущественного государства и дальнейшей фрагментации арабского мира. Первая фитна и Сиффинская битва (657 г.) привели к окончательному расколу уммы и разделению мусульман на суннитов, шиитов и хараджитов, никогда больше мусульмане не были единой общиной. Также итогом гражданской войны стало изменение политической системы в государстве – на смену Исламскому халифату пришла держава Омейядов, при которой взамен общины верующих, управляемых религиозным лидером, устанавливается наследственно-монархическое правление.

К XV – XVI вв. политически раздробленное арабское население было завоевано турками-османами, и их дальнейшее существование было неразрывно связано с историей Османской империи вплоть до ее распада. В XIX в. Блистательная Порта начала переживать непрекращающиеся системные кризисы, приводящие к восстаниям и бунтам арабского населения в империи. В 1840-е гг. происходит попытка реформирования османского общества по «европейскому образцу». Начавшиеся реформы периода «танзимата», целью которых было укрепление турецкого государства, привели к обратному действию – возникает «движение Нахда», происходит созданию локальных культурных арабских центров в вилайетах империи [3, с. 136].

Развитие арабского языка и культуры, приводит к формированию идеи создания арабского государства (или государств) на Ближнем Востоке и Северной Африки. Выдающиеся деятели «культурного пробуждения» XIX в.: Рифаа аль-Тахтави, Ахмад Фарис аль-Шидьяк, Бутрус аль-Бустани, Хайреддин-паша аль-Туниси, Фрэнсис Марраш, в своих взглядах опирались на представления о социально-политическом развитии общества по лекалам европейского Просвещения, изучался, в том числе опыт Великой французской революции. Протестные идеи продолжали расти в арабском обществе, и привели к формированию двух направлений общественно-политического развития – арабскому национализму и идеям панисламизма. Так, основоположник светского арабского национализма Саты' аль-Хусри не отрицал идеи османизма и формирования единой нации (не разделяя население на турок и арабов) на основании двух ключевых факторов: арабского языка и единой истории [3, с. 141].

Если приверженцы светского пути развития арабского общества стали использовать европейское понятие «нация» рассматривали такие формы протеста как: бунты, революции, мятежи для того, чтобы создать независимое арабское государство, отделенное от Османской империи, представители исламского пути развития относились к протестам неоднозначно и их мнения были разделены. Отрицая европейскую модернизацию, представители панисламизма выступали за единый мир ислама, при котором революции и восстания могли его разделить, а не сплотить.

В начале XX в. во время Первой мировой войны протестные движения арабского населения усилились. Государства Антанты использовали протестные настроения арабов против турок с целью ослабления Османской империи и ее дальнейшего распада, а затем установления контроля над стратегически важными регионами бывшей империи европейцами. Так, в 1916 – 1918 гг. на Аравийском полуострове при поддержке Великобритании и Франции произошло Арабское восстание, которое привело к возникновению первых независимых национальных арабских государств на Ближнем Востоке в Новейшее время – Королевство Неджд и Хиджаз.

После завершения Первой мировой войны практически все территории арабского населения на Ближнем Востоке и в Северной Африке были захвачены и стали мандатами европейских государств, что привело к развитию протестного настроения уже против европейцев. В этот период позиции панарабистов и панисламистов сблизились и выступали против засилья европейской культуры, противоречащей традиционной общественной жизни и политической культуре арабского Востока.

Вторая мировая война послужила новым толчком развитию как национальных, так и религиозных идей освобождения арабских территорий от европейского господства. В середине XX в. процесс деколонизации привел к массовому возникновению национальных арабских государств. Таким образом, на Ближнем Востоке и в Северной Африке формировались два типа государств – национальные республики с объединенной идеологией социализма и арабского национализма и монархии с доминированием ислама в общественно-политической жизни общества.

В условиях холодной войны социалистическая идеология и либерализм становятся актуальной политической идеологией, наравне с традиционным исламом. С образованием независимых арабских государств незавершенность нациеобразования и недостаток ресурсов для форсирования модернизации стимулировали новый всплеск идей «единого арабского отечества». Идеи социализма переплетаются с идеологией панарабизма, согласно которому все арабские страны и граждане могли провозгласить свою принадлежность к арабской нации.

Однако арабский социализм не всегда признавался таковым в европейской и советской среде. Отрицание фундаментальных положений европейских классиков и марксистов формировал синкретическую идеологическую модель, в которой смешивались традиции арабского мира с идеями модернизации общественной жизни за счет секуляризма. Именно секуляризм, а не секуляризация лежали в основе таких панарабских движений как насеризм, баасизм, и даже в ливийской джамахирии. Не борьба с исламом, а формирование светского подхода к политике при сохранении ислама как опоры, объединяющей общество своими традициями и обычаями, являлась особенностью панарабской политической модели развития общества. В монархиях же социально-политическая жизнь развивалась в русле политического ислама, при котором ислам не мог быть отделен от политики, законодательства и культуры априори. Такое политическое размежевание на Ближнем Востоке и в Северной Африке еще больше разделило государства, в условиях противостояния сверхдержав, которые также вовлекались в ближневосточные конфликты XX в., порождая еще больше неопределенности в отношениях между арабскими сообществами. Так, новообразованные государства и их общества нуждались в экономической поддержке ведущих государств (в первую очередь США и СССР), вынуждая их быть лояльными своим внерегиональным союзникам, взамен на экономическую и техническую помощь со стороны выбранного лагеря.

Таким образом, во второй половине XX в. в арабском мире не существовало единства, а конфликт по поводу дальнейшего развития арабского общества происходил между идеями западной модернизации с одной стороны, арабского национализма и социализма с другой, и панисламизма с третьей, продолжая, становится все более открытым.

Непрекращающиеся внутренние конфликты на Ближнем Востоке и вовлеченность в них внерегиональных государств, привела к тому, что постепенно идея «арабской идентичности» сменилась пессимизмом, а ислам при нестабильном социально-экономическом и политическом развитии государств становился альтернативой для неудовлетворенного населения. В этот период исламизм становится действенной политической силой, с которой продолжают бороться светские политические режимы.

Как указывает отечественный исследователь Ю. В. Чайников: «В течение многих лет параметры арабской идентичности задавала дистанцировавшаяся от ислама и опиравшаяся на языковую общность идеология панарабизма, которая предлагала довольно эксцентричное соединение жесткого национализма, левацких тенденций и апеллиций к отдельным сюжетам арабской истории» [6, с. 20]. Но, в условиях нараставшего социально-экономического кризиса в арабском мире ислам начал превращаться в инструмент поддержания социального равновесия с позиции власти, с одной стороны, и инструмент мобилизации оппозиции – с другой. При этом идеологию, основанную на исламе как мировой религии, в силу ее природы трудно замкнуть в национальном пространстве, и она, так или иначе, выводит своих последователей на общемусульманский уровень, ослабляя другие идентичности. Такое развитие общества можно заметить в монархиях Аравийского полуострова и Персидского залива [6, с. 20].

Известный исламский мыслитель Абу аль-Али аль-Маудуди считал, что национализм внеисторичен, его начала укоренены в политической культуре Вавилона, Древнего Египта, Персии, Греции и Рима; вся концептуальная система национализма есть иррациональный подход, который разрушает более важные глубинные связи между человеческими существами, разделяя человечество на расовые группы, возводя языковые барьеры внутри одного религиозного сообщества и проводя искусственные территориальные границы [5, с. 8]. Основан ли национализм на единстве расы, языка или экономических интересов, он обязательно ведет к войнам и агрессии. Ислам же напротив, рассматривает всю планету как место обитания человечества, растворяя, таким образом, эти надуманные противоречия. «Именно Пророк выдвинул новую концепцию национализма, которая имела отношение к внутренней сущности человека. Те, кто познал истину поклонения Аллаху, – одна нация, кто не познал – другая. Таким образом, есть два вида национализма: ислам и неверие. Лояльность «мусульманина-националиста» определенной духовной и политической системе, а не территории, расе или языку, есть мерило, определяющее место его жительства и суть деятельности» – отмечал мыслитель [5, с. 9].

С окончанием холодной войны и изменением мировой системы, ускорением процессов глобализации, 1990-е гг. ознаменовали в арабском мире эру политических реформ с целью повышения уровня легитимности власти и организации политического участия. Конфликтность в арабском мире наступила в новых пределах: между западным путем модернизации – демократизации и либерализации общества, поддерживая глобализацию (вестернизацию); усилением авторитарных режимов, построенных на идеях арабского национализма; политического ислама как традиционного и консервативного пути развития арабского общества.

В новое тысячелетие арабский мир вступил в период неопределенности и разобщенности. На социально-политическое развитие арабского общества также влияли незавершенные межнациональные и межконфессиональные конфликты. Также нестабильность порождало глубоко укоренившееся взаимное недоверие арабских государств, что было связано с отсутствием четко определенной страны-лидера, играющей роль полюса в регионе. Как пишет отечественный арабист Г. Г. Косач, арабское геополитическое пространство «многослойно и многоуровневое, с нечетко различимым центральным звеном и его столь же многослойной «периферией». Более того, это пространство условно и нестабильно. Оно способно создавать многочисленность конкурирующих «центров силы» [2, с. 60]. Таким образом, интересы суверенных арабских государств противоречили панарабской идеологии и приводили к политической раздробленности региона. Так, самоидентификация арабов в первую очередь определялась их принадлежностью к государству, этническая же принадлежность, основывалась на общности языка, истории и культуру, которая была ущемлена политической и экономической конкуренцией между государствами.

В начале второго десятилетия XXI в. произошли события арабской весны, которые охватили весь арабский мир. Арабская весна 2010 – 2011 гг. вновь наглядно продемонстрировала конфликтогенный

потенциал арабского общества. Протестные события являлись следствием накопившихся политических, социальных и экономических проблем арабских государств, которые оказались общими для значительной части арабского населения. Арабскому обществу требовалась политическая модернизация и развитие общественных институтов, однако авторитарное правление в большинстве монархических государств Ближнего Востока и Северной Африки приводило к несменяемости политического режима, отсутствия обеспечения транзита власти и ущемления демократических институтов.

В результате правления одних и тех же лиц происходила монополизация власти в арабском обществе, что в свою очередь порождало главные внутренние социально-политические причины арабских волнений – клановость; коррупцию, пронизывающую все уровни власти, носящая системный характер; и безработицу, приводящую к стагнации в социально-экономической жизни общества. Отсутствие решения данных проблем, приводило к падению авторитета власти правительств. Неудачные реформы в экономическом секторе, повлекли за собой рост социального неравенства, что лишь усиливало недовольство властью среди арабского населения.

К тому же процессы глобализации (вестернизации) во многом усилили протестный потенциал арабского общества. Вестернизация ставила целью не просто модернизировать арабское общество, а добиться принятия жителями арабского Востока западного образа жизни, ценностей и даже образа мышления. Навязывание западной модели развития приводило к конфликту в традиционном арабском обществе.

Несмотря на то, что события арабской весны в западных СМИ и в части научного сообщества были растиражированы как революционные события, на самом деле «арабское пробуждение» таковым не являлось. События арабской весны привели к различным сценариям социально-политического развития охваченных протестами государств – от смены правительства до начала гражданской войны. Однако коренного перелома в социально-политической конъюнктуре арабского мира не произошло. Социальные протесты начала второго десятилетия XXI в. усугубили многие социальные противоречия арабского общества, в том числе усилился раскол между представителями традиционного пути развития с доминирующим положением религии (ислама) и национального (светского) пути, основанного на заимствовании западных элементов развития общественных отношений.

Протестными событиями 2010 – 2011 гг. не упустили возможность воспользоваться приверженцы исламизма. Арабская весна увенчалась триумфом, пусть и временным, исламского фундаментализма, последствием которого стали успехи исламистов в Ливии после свержения Муаммара Каддафи, формирование мощной исламистской оппозиции в Сирии, приход к власти в Египте в 2012 г. выходца из «Братьев-мусульман» (запрещены в РФ) Мухаммада Мурси и, наконец, провозглашение в 2014 г. Исламского государства – Великого халифата (запрещенное в РФ) [4, с. 48].

Сегодня конфликтность арабского мира продолжает сохраняться. Во многом протестные события служат «трамплином» для перехода арабского общества от одного этапа к другому. Социально-политические противоречия в обществе продолжают сохраняться как по линии развития автохтонности, приверженности традициям и сохранения ислама, как фундаментальной основы арабской цивилизации, так и по заимствованию прогрессивных идей из неарабского (и неисламского) мира – таких как демократизация политики и либерализация общественных отношений. Однако с нарастающей активностью внерегиональных сил на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также по опыту протестов арабской весны, идеи панарабизма сегодня перестали быть актуальными. И именно противоречия между национальными государствами арабского Востока и внутри каждого государства отдельно формируют новый конфликтный и протестный потенциал арабского мира.

Список литературы:

1. Аватаков, В. А. Восприятие концепта революции в арабском мире / В. А. Аватаков, Д. А. Тарасенко // Политика и общество. – 2017. – № 11. – С. 15 – 34.
2. Косач, Г. Г. Арабский мир как феномен. Структура и идентичность региона / Г. Г. Косач // Свободная мысль. – 2021. – № 6. – С. 57 – 70.
3. Кудряшова, И. В. Нацестроительство на Ближнем Востоке: от мусульманской уммы к нации-государству? / И. В. Кудряшова // Политическая наука. – 2008. – С. 132 – 166.
4. Малащенко, А. В. Ислам: век XXI / А. В. Малащенко. – М. : Институт Ближнего Востока, 2019. – 230 с.
5. Панин, В. Н. Политический процесс в арабском мире / В. Н. Панин // Южно-российский журнал социальных наук. – 2004. – № 2. – С. 6 – 15.

6. Чайников, Ю. В. «Арабская весна»: образ переем в арабском мире (обзор) / Ю. В. Чайников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика : реферативный журнал. – 2018. – № 1. – С. 18 – 35.

Статья поступила в редакцию 5.03.2026

Bichakov, S. A. *Conflict and Protest in the Political Culture of the Arab World: Retrospective Analysis*

The article analyzes the significance of conflict and protest in the political culture of the Arab world. The author examines the historical development of the Arab world, the conflict-prone nature of Arab society, with each stage of development being directly linked to protest. The article pays special attention to the definition of the ways of modernization of Arab society, as well as the influence of the ideas of Arab nationalism (pan-Arabism) and pan-Islamism on the formation of socio-political conflict.

Keywords: Arab world, fitna, pan-Arabism, pan-Islamism, Arab Spring, Middle East and North Africa

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 791.242:327.8(560)

В статье рассматривается такой феномен массовой культуры как сериалы. Подчеркивается их полифункциональность и социальная значимость. Отмечается, что сериалы оказывают влияние на формирование мировоззренческих ориентиров, ценностей и паттернов поведения. Указывается, что современное турецкое государство, позиционируя себя не только в качестве регионального лидера, а и в роли глобального игрока, стремится повысить свою привлекательность, активно используя разнообразные инструменты «мягкой силы». Акцентируется внимание на том, что Турция, будучи крупнейшим в мире экспортером сериалов, стремится вызвать у зрителей других стран симпатию к своей культуре, ценностям и образу жизни, что, несомненно, приносит ей уже как экономические, так и политические дивиденды.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, «мягкая сила», массовая культура, турецкие сериалы (турдизи), Турецкая Республика.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

СЕРИАЛЫ («ТУРДИЗИ») КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Введение. Трансформация миропорядка, сложившегося во второй половине XX века, ослабление позиций Запада при одновременном подъеме политического влияния и экономического роста незападных стран, лишь усиливают их конкуренцию. В сложившихся условиях принципиально изменяется сама борьба за власть: до холодной войны власть достигалась в значительной мере милитаристским воздействием или «жесткой силой», а в современных условиях международное влияние реализуется преимущественно немилитаристскими средствами – инструментами «мягкой силы», базирующейся на способности государства привлекать и вызывать симпатию к своей культуре, ценностям и образу жизни.

Уникальной возможностью выходить за рамки национальных границ, формировать положительный образ страны, укреплять её влияние и создавать предпосылки для экономических и политических дивидендов обладает такая форма современной культуры как кинематограф. Сегодня кинематографисты как стран «ядра» (США, Великобритания и др.), так и «полупериферии» (Индия, Южная Корея и других), добившись немалых успехов в популяризации своих национальных культур, стремятся презентовать свою кинопродукцию всему миру, укрепить и/или расширить влияние своего государства.

Активно использует кинематограф в контексте реализации своей внешней политики Турецкая Республика. Турция, стремясь закрепить своё региональное лидерство, в качестве одного из механизмов реализации своей «мягкой силы» использует фильмы и сериалы, посредством которых активно продвигает национальные ценности, традиции и мировоззрение, конвертируя культуру в инструмент политического и экономического влияния, что способствует популяризации страны на международной арене, делая ее бенефициаром.

Цель статьи – выявить особенности использования телесериалов («турдизи») как инструмента «мягкой силы» турецкого государства.

Степень разработанности проблемы. Вопросы внешнеполитической стратегии современных государств и роль в ней несиловых методов получает свое развитие в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Автор концепции Дж. Най, совместно с Р. Кохейном определили сущность понятия «мягкая сила» и в своих научных трудах раскрыли особенности концепции «мягкого влияния». Данная концепция получила дальнейшее развитие в трудах таких авторов, как Е. Г. Борисова, Дж. Галларотти, Дж. Гаррисон, М. М. Лебедева, С. Люкс и др. А. В. Торкунов, М. А. Неймарк, О. А. Наумов и др.,

рассматривая общие вопросы теории «мягкой» силы, подвергают критическому анализу часть положений Дж. Ная. И. В. Радиков, Я. В. Лексютина и др. фокусируются на анализе специфики разнообразных инструментов «мягкой силы», которые позволят государству повысить статус на мировой арене.

Разным сторонам феномена массовой культуры пристальное внимание уделяют социологи, культурологи, философы, филологи, политологи и др. Акцентируя внимание на уникальности массовой культуры «по обхвату» аудитории, такие исследователи как О. Астафьева, Т. Адорно, Дж. Кавелти, М. Каган, Ю. Лотман, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хоркхаймер, А. Флиер и др., уделяют внимание ее различным аспектам, таким как: причины ее появления, специфика, виды, особенности воздействия на человека и т.п., каждый по-своему решая поставленный перед собой исследовательский вопрос. Н. Н. Капанян, Л. О. Попова, Д. А. Пономарев, О. В. Ромаха, А. Я Сарна и др. особое внимание уделяют анализу такого явления в массовой культуре как сериал, выявляя их особенности, жанровость, функции.

Вопросы внешнеполитического курса Турции, а также её роли в современном глобальном мире рассматриваются в работах таких авторов, как В. А. Аватков, М. Э. Бостанов, А. Б. Бурашникова, В. Н. Панин, И. А. Свистунов и других. Кроме того, практика внедрения концепции «мягкой силы» во внешнюю политику Турции находит отражение в исследованиях Е. Мустафаева, И. А. Сотниченко, Р. Р. Сулейманова, С. Хага, М. Хелда, П. В. Шлыкова и др. К теме культурной дипломатии и роли в ней массовой культуры, в частности сериалов в продвижении культурных ценностей Турции в различных странах и регионах обращаются Н. Агырсевен (N. Ağırseven), М. О. Йегин (M.O. Yeğin), В. Каруза Подгорелец (V. Karuza Podgorelec), Г. Мамедова, Л. Ночера (L. Nocera), А. Орки (A. Örki), Э. Рахте (E. Rahte) и др.

Турецкая республика, являясь страной с крупной динамично развивающейся экономикой – 17-е место [7] в мире по уровню ВВП, входит в пул стран со средним уровнем дохода на душу населения – превышает 13 тыс. долларов США. Турецкая экономика одна из самых диверсифицированных экономик Ближнего Востока с уровнем дохода выше среднего. За период 2000-2018 гг. ВВП страны увеличился почти в 2,4 раза. Так, будучи одной из самых быстрорастущих экономик, сегодня на фоне обесценивания лиры, высокого уровня инфляции и иных последствий выхода из затяжного кризиса, экономика страны остается все еще достаточно хрупкой.

Тем не менее, Турция относится к странам с высоким уровнем Индекса человеческого развития (ИЧР), который в 2025 году составил 0,853, что соответствует 51-у месту в мире из 193 [6]. Данный показатель демонстрирует значительное улучшение, так как в 2017 году по ИЧР страна занимала 64-е место в мире (0,791). Отмечается и увеличение ожидаемой продолжительности жизни: на 2024 год достигла 77,4 года [8], а в 2017 г. – 76,0 лет [10].

Фиксируется и рост уровня грамотности населения (с 2008г. по 2024г.): среди женщин с 86,9% до 96,2%, а среди мужчин – с 96,7% до 99,3% [16]. На 2024 год 97,8% (в 2008 г. – 91,8% [10]) населения в возрасте шести лет и старше являются грамотными, не смотря на сохраняющиеся различия по признаку пола и региональной локализации. В 2024г. увеличилась доля выпускников высших учебных заведений, составив 44,9% в возрастной группе 25-34 лет, в сравнении с 13,5% в 2008 г. С 2008 г. по 2024 г. в возрастном диапазоне 25-34 лет выросла доля выпускников высших учебных заведений: среди женщин с 12,5% до 48,9%, среди мужчин с 14,6% до 41,1% [16]. Отметим, что грамотность, являясь важным жизненным навыком, позволяет людям не только более активно участвовать в делах своего сообщества, а и отражает качество человеческого капитала, проецируясь на экономические процессы.

На фоне проблем в сфере безопасности и финансовых кризисов, а также реструктуризации турецкой политической системы в начале XXI века, Турция, как отмечает аргентинский специалист по международным отношениям П. Ботта, заняла международную позицию, соответствующую ее собственному представлению о себе как о средней державе. Ключевой особенностью которой является стремление к диверсификации отношений и позиционированию себя как глобального игрока [11, р. 266]. Отметим, что концепция «средней державы» определяется не только географическими, демографическими, экономическими, военными, культурными или историческими факторами, а скорее, это некая совокупность всех этих элементов, движимая четким намерением выйти за рамки простого статуса еще одного государства в международной системе.

Наделенная исторической «глубиной», региональным влиянием, военной мощью и стратегическими амбициями, Турция стремится выступать не только влиятельным актором, а и «претендует на роль архитектора нового миропорядка» [3, с. 110], данные амбиции подтверждает заявление президента Р. Эрдогана, сделанное в 2022 году, который заявил, что XXI век будет «Веком Турции» [13].

Имея выход к Черному и Средиземному морям, расположившись в точке слияния Европы, Азии и Африки – на пересечении энергетических, торговых, транспортных и иных международных маршрутов – Турция находится в центре обширной сети геополитических связей, соединяя соседние страны и континенты. Локализация на «оси» Азии и Европы делает государство участником событий, разворачивающихся в регионе и позволяет оказывать воздействие на глобальные процессы. Уникальное географическое положение Турции и мощный демографический потенциал (население свыше 87 млн человек – 18 место), конвергированные с изощренной гибкостью и стратегическим видением правящих элит, предоставляет Анкаре возможность действовать в различных форматах сотрудничества в разных сферах.

Внешняя политика турецкого государства многовекторна и направлена на реализацию курса, сформулированного премьер-министром А. Давутоглу «ноль проблем с соседями», что способствовало как экономическому процветанию, так и усилило влияние и привлекательность страны в исламских обществах. В отношениях с соседями турецкое государство ориентируется преимущественно на фактор культурной близости и внешнеполитические идеологемы (неоосманизм, пантюркизм и исламизм).

Пик популярности турецкой версии исламской демократии пришелся на время «арабской весны», когда Р. Эрдоган и его команда смогли продемонстрировать образцовые достижения страны – сильную экономику, исламскую демократию и амбициозную внешнюю политику, сделавшие Турцию образцом для мусульманских стран региона. Тем не менее «арабская весна» и сирийский конфликт трансформировали внутри- и внешнеполитические отношения. Как отмечают в статье В. А. Аватков и А. И. Сбитнева, не смотря на «охлаждение отношений республики с «коллективным Западом» и ее планомерный «разворот на Восток», современная Турция по-прежнему позиционирует себя как одно из самых демократических государств мира» [2]. В новой конфигурации биполярности, стремясь закрепить свои позиции страны-лидера в Центральной Азии, на Южном Кавказе, Ближнем Востоке, на Балканах, Турция выстраивает политику, ориентированную на занятие ниши не-Запада [1, с. 26], и опирается преимущественно на продвижение своей привлекательности посредством «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы» была предложена в 90-е годы XX века американским политологом-международником Джозефом Наем-младшим, который акцентировал внимание на том, что современное государство, чтобы сделать себя привлекательным в соответствии со своими собственными доктринами и оказывать влияние на другие общества, должно наращивать свой потенциал, активизируя «мягкую силу». Иллюстрируя различные формы власти, в международных отношениях, Джозеф Най объясняет: «Власть – это способность влиять на других для достижения желаемых результатов. Вы можете влиять на их поведение тремя основными способами: угрозами принуждения («кнутом»); поощрениями или платежами («пряником»); или привлечением и убеждением, которые заставляют других хотеть того, чего хотите вы» [15, р. 7].

Сдвиг в сторону «мягкой силы» в международных отношениях представляет собой важное признание той роли, которую ценности, идеи и культура играют в формировании глобальной политики. Государственная политика, ориентированная на «мягкую силу», включает, в том числе и культурную политику и культурную дипломатию на мировой арене. На протяжении веков различные общества обменивались разнообразными материальными и нематериальными культурными элементами через такие области, как изобразительное искусство, литература, аудиовизуальное искусство и др. Общества, эффективно «передающие» свою культуру зарубежным странам получают преимущества во многих областях по сравнению с другими обществами.

В эпоху распространения массовой культуры, одной из самых распространенных форм современной массовой культуры становятся телесериалы. Конкурируя, в том числе с полнометражными фильмами, за такой ценный ограниченный ресурс массового потребителя как внимание и время, «потребление» которых приносит прибыль производителям медиаиндустрии. Сериалы становятся действенным элементом «мягкой силы убеждения», а их просмотр – частью образа жизни и повседневных практик различных социальных групп.

Кинематограф, уже – сериал сегодня приобретает функциональность пространства, в котором «реализуется семантика возможных миров» [9, с. 131]. По мнению К. Уильямса, общие характеристики телевизионных сериалов таковы: берут начало из народных сказок; имеют мифологическую основу; опираются на иронию; отражают культурные элементы; раскрывают социальные проблемы личности.

Телесериал, являясь полифункциональным феноменом, давно вышел за пределы развлекательной функции и ухода в мир иллюзорного от «напряженной и стрессогенной жизни». В контексте теории структурного функционализма Т. Парсонса, сериал выполняет функцию воспроизводства структур, демонстрируя зрителям определенные ценности и образцы поведения,

которые выполняют функцию социального стабилизатора. Как отмечает Н.Н. Капанян, сериалы могут не только поддерживать социальные установки, а и «ускорять социализацию, являясь социальным катализатором; могут замедлять негативные социальные явления, выступая в качестве социального ингибитора» [5] и др.

Отражая повседневную культуру определенных общностей и общества в целом, телесериал является инструментом воздействия на общественное сознание, формирование жизненных целей личности, культурных ценностей, паттернов поведения, транслирует ролевые модели, оказывает влияние на формирование нашего образа жизни и т.п. То есть наряду с реконструкцией существующего социокультурного порядка с его институтами и особенностями, сериал способен программировать социокультурные процессы, порождая и разрушая устойчивые образования. Сериал помогает, по мнению американского специалиста в области массовой культуры Дж. Кавелти, «аудитории исследовать в воображении границу между разрешенным и запрещенным и осторожно, надежно подстраховавшись, попробовать шагнуть за эту границу» [4].

В сериалах сочетаются сюжетные перипетии, авторы виртуозно подбирают к зрителю ключ личной привязанности к персонажам. К тому же, современные сериалы – даже исторические – во многом оказываются похожи на формы нашего современного бытия. Отсюда потребность возвращаться к их героям (вдобавок к увлекательному сюжету и качественной подаче).

Современные телесериалы являются одним из наиболее успешных видов культурной деятельности, которую страна может осуществлять в рамках своей культурно-дипломатической деятельности по отношению к другим зарубежным обществам. Сериалы становятся инструментами для выражения национальной идентичности, продвижения культурных норм и формирования имиджа в международном общественном мнении.

Мощным инструментом «мягкой силы» и внешней политики Турции, формирующим позитивный имидж страны, стали турецкие сериалы («турдизи»). Сериалы оказывают существенное «влияние на продвижение Турции и турецкой культуры в регионах, где они продаются» [12, р. 98]. Рост продаж турдизи за рубеж, начавшийся с сериала «Гюмюш» в 2007 году, демонстрирует непрерывный рост, а с выходом в 2009 году сериалов «Тысяча и одна ночь» и «Великолепный век», экспортные показатели резко выросли. В первые годы экспорта турецкие сериалы продавались в странах Ближнего Востока и Азии. Сегодня, по данным Турецкого союза экспортеров, турдизи продаются примерно в 170 странах мира и достигают оборота продаж в 800 млн долларов. За последние сорок лет, особенно с 2000-х годов, происходит формирование многомиллионной зрительской аудитории турдизи. Турецкие сериалы пользуются популярностью в самых разных регионах, от Центральной Азии до Балкан, от Европы до Южной Америки. Амбициозной целью Турции является продвижение турдизи на китайский медиарынок. Отметим, что в 2024 г. турдизи, сохранив свои позиции в рейтинге самых просматриваемых сериалов мира, также показали рост спроса на них: например, в период с 2020г. по 2023 г. – на 184%. Турция стала третьей страной в мире по экспорту телесериалов после США и Великобритании [12, р. 98].

Позиционируя себя в качестве «образца» и/или «источника вдохновения» для политического, социального и экономического прогресса в мусульманском мире, Турция стремится повысить свою привлекательность. Через современные драмы и исторические саги транслируются ценности неоосманизма, культурные коды и т.п. Наверное, самым известным сериалом является история о Сулеймане Великолепном («Великолепный век»), который одновременно поставил перед зрителем миф о славном прошлом Османской империи, но также продвигал и символизировал новый (гео)политический дискурс умеренного исламизма правящей партии Партия справедливости и развития (ПСР) и быстрое экономическое развитие (основанное на экспорте и промышленном производстве в Анатолии), что привело к росту среднего класса, чьи жизни и интерьеры стали главными героями и декорациями многочисленных турецких мыльных опер. В то же время, как культурный продукт, сериалы стали символизировать расширение влияния Турции на те регионы, которые когда-то входили в состав Османской империи.

Акцентируя внимание на развитии страны, вестернизации и демократизации турецкого общества, власти государства презентуют достижения социально-политических реформ, выпячивая одни (например, официальное провозглашение секуляризма, предоставление избирательных прав женщинам, переход к многопартийности и т.п.), замалчивая другие (отношение к национальным меньшинствам, в частности курдам). Можно предположить, что некоторые жители Ближнего Востока благодаря турецким сериалам они узнали, что мусульмане могут жить одновременно современной и религиозной жизнью.

Например, сюжеты, затрагивающие темы братства, единства и справедливости, могут способствовать созданию более позитивного восприятия Турции как потенциального партнера в решении региональных конфликтов. Это особенно актуально в контексте сложной политической ситуации на Ближнем Востоке, где Турция стремится играть роль ключевого посредника. Например, сериал «Разведка» («Ташкилат» 2021г.) можно рассматривать в качестве медиаинструмента, укрепляющего позиции Турции и ее имидж сильной нации, проецирующего международную аудиторию образ Турции как «сильного», «современного» и «решительного» государства. Национальные символы, героические персонажи и борьба с внешними угрозами, часто появляющиеся в сериале, могут создать у зрителя чувство безопасности и сформировать позитивное восприятие государственных институтов. Такой контент наиболее эффективный, особенно среди зрителей стран, имеющих исторические и культурные связи с Турцией.

Кроме того, успешные турецкие сериалы способствуют развитию туризма, так как зрители, вдохновленные увиденным на экране, стремятся посетить места съемок и познакомиться с культурой страны. Это создает дополнительные экономические возможности и укрепляет культурные связи между Турцией и другими государствами. Например, изначально пользовались успехом среди иностранных туристов роскошные виллы на обоих берегах Босфора в Стамбуле, где снимались сериалы «1001 ночь», «Жемчужина», «Запретный плод» и другие, а в последнее время поток посетителей сместился в разные районы Турции. Примером этого служит живописный город Мардин на юго-востоке Анатолии, недалеко от границы с Сирией, где во втором сезоне снимался культовый сериал «Далёкий город».

Согласно «Глобальному индексу мягкой силы» Турция в 2025 году потеряла 1 позицию в рейтинге, заняв 26 место из 193 государств [14, р. 13], набрав 52,9 из 100 баллов. Отметим, данный индекс учитывает 55 показателя, в опросе приняли участие более 170 000 респондентов из более ста государств. Исследование показывает наибольшее влияние в международных отношениях с помощью культуры, бизнеса и дипломатии.

Вывод. Турция, благодаря своему геополитическому и геостратегическому положению на суше и на море, в Европе и Азии, своему месторасположению на важных транспортных путях и своей роли моста между континентами в историческом, культурном, религиозном, экономическом, политическом и военном плане, обладает мощным потенциалом. Анкара сегодня выстраивает стратегию, направленную на достижение регионального лидерства с последующим прицелом на лидерство мировое, для этого активно используя инструменты «мягкой силы».

Турецкая республика стремится к формированию своего привлекательного имиджа в общественном мнении, в том числе международной общественности, для успешного позиционирования и позитивного восприятия политики государства в целом, для этого используя такую форму массовой культуры как кинематограф.

Индустрия телесериалов активно продвигает турецкую культуру в разные страны и регионы мира. Турдизи прямо или косвенно способствуют развитию туризма, раскручивают индустрию развлечений и музыки, содействуют продажи разнообразных товаров и развитию сектора услуг, привлекают иностранных студентов, задают тон в моде и еде, активизируют изучение турецкого языка. Именно подобные эффекты, делают Турцию экономическим и политически бенефициаром использования сериалов в качестве инструмента «мягкой силы»

Список литературы:

1. Аватков, В. А. Республика Корея и Турецкая Республика: сопоставительный анализ «братства по духу» / В. А. Аватков, Я. В. Агафонова // Регионология. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 10-29.
2. Аватков, В. А. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом / В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №1 (117). – С. 270-288.
3. Гузаеров, Р. И. Турция как средняя держава в системе международных отношений / Р. И. Гузаеров // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 97-112.
4. Кавелти, Дж. Изучение литературных формул. – URL: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Капанян, Н. Н. Влияние кинематографа на создание образа героя нашего времени в молодёжном сегменте современного российского общества / Н. Н. Капанян // Вестник Южно-Российского Государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2020. – № 5. – С. 84–90.
6. Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития 2025. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 20.02.2026).

7. Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта 2025. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gross-domestic-product-ranking> (дата обращения: 20.02.2026).
8. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни 2024. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index> (дата обращения: 20.02.2026).
9. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 381 с.
10. Спад в экономике Турции – угроза для долгосрочного развития страны // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – 2019. – № 44. – URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/22280.pdf> (дата обращения: 20.02.2026).
11. Botta, P. Türkiye's Role as a Middle Power / P. Botta // Global Affairs. – 2024. – No. 1. – P. 265-274.
12. Cengiz, M. F. Quantitative Research on Turkish TV Series in Algeria: Analytical Study / M. F. Cengiz, M. Djellouli // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2025. – Vol. 7, No. 3. – P. 96-121.
13. Erdogan declares determination to turn 21st century into "Türkiye Century". – URL: <https://caliber.az/en/post/erdogan-declares-determination-to-turn-21st-century-into-turkiye-century> (дата обращения: 20.02.2026).
14. Global Soft Power Index 2025. – URL: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_45671/objava_195259/fajlovi/Global%20Soft%20Power%20Index%202025.pdf (дата обращения: 26.01.2026).
15. Nye, J. S. Soft Power and Public Diplomacy Revisited / J. S. Nye // The Hague Journal of Diplomacy. – 2019. – Vol. 14, No. (1–2). – P. 7-20.
16. Ulusal Eğitim İstatistikleri, 2024 // TurkStat. – URL: <https://veriportali.tuik.gov.tr/tr/press/53937> (дата обращения: 20.02.2026).

Статья поступила в редакцию 10.03.2026

Garas, L. N. *TV Series ("Turdizi") As A "Soft Power" Tool Of The Republic Of Turkey*

This article examines the phenomenon of TV series as a popular culture phenomenon, emphasizing their multifunctionality and social significance. It is noted that TV series influence the formation of worldviews, values, and behavioral patterns. It is noted that the modern Turkish state, positioning itself not only as a regional leader but also as a global player, strives to enhance its appeal by actively using a variety of soft power tools. It is emphasized that Turkey, as the world's largest exporter of television series, strives to inspire sympathy for its culture, values, and way of life among viewers in other countries, which undoubtedly brings it both economic and political dividends.

Keywords: foreign policy, international relations, soft power, popular culture, Turkish TV series (Turdizi), Republic of Turkey.

УДК 327.8:316.722(519.5)

В статье рассматривается феномен корейской волны (халлю), который связан с популяризацией корейской культуры (культурной экономики) за пределами страны. Отмечается, что халлю из небольшой региональной волны культурного экспорта превратилась в глобальное культурное явление с охватом аудитории, как азиатских стран, так и стран Ближнего Востока, Запада и др. Подчеркивается, что халлю трансформировалась в своем развитии: от дорам и К-поп до корейской культуры и медиакоммуникаций. Авторы отмечают, что К-волна сегодня выступает инструментом «мягкой силы» Республики Корея, позволяя ей позиционировать себя как страну «средней величины» в международном порядке, но при этом продвигать свою значимую роль по всему миру, выстраивая выгодный и привлекательный имидж как на региональном, так и на глобальном уровне.

Ключевые слова: «Чудо на реке Хан», Республика Корея, корейская волна (халлю), страна «средней величины», имидж страны, «мягкая сила».

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

Е. Р. Гарас, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: lizasevas18@gmail.com

КОРЕЙСКАЯ ВОЛНА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Важным инструментом внешнеполитической стратегии современного государства, стремящегося укрепить свои позиции на мировой арене, становится «мягкая сила», базирующаяся на способности привлекать и вызывать симпатию к своей культуре, ценностям и образу жизни. Одной из стран, которая активно и довольно успешно использует «мягкую силу» является Республика Корея. Актуальным в данном контексте является анализ феномена корейской волны (халлю) и его уникальной возможности выходить за рамки национальных границ, формировать положительный образ страны, укреплять ее влияние как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в мире в целом.

Различные аспекты «мягкой силы» получают разработку в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей: М. В. Братерского, Ю.С. Лысенко, Дж. Ная, Е. В. Пименовой, А. Ю. Старостина, А. В. Торкунова и др. Вопросами оценки эффективности «мягкой силы» занимаются Е.М. Харитонов, О.Ф. Русаков и др. Теоретическому обоснованию роли и места в современных международных отношениях держав среднего уровня, их стратегий по отношению к великим державам, в том числе на примере Республики Корея, посвящены исследования Э. Варпаховского, В. В. Вершининой, А. В. Воронцова, А. С. Королёва, И. В. Кудряшовой, С. Ли (S. Lee), Ю. Сона (Y. Sohn) и др. Специфика экономической и политической трансформации Южной Кореи в период: после Корейской войны (1950-1953) и до современности, анализируется в трудах Ц. Бу (Jiashu Bu), И. С. Гладкова, Б. Хау (B. Howe), М. Шимчак (M. Szymczak), С. Карадаша (S.Karadaş), Х.С. Умарова и др. Ч. Ким, В. С. Степанова, О. Л. Панченко, А.Э. Матосян, Л. Чэн (Cheng), Д. Шим (Shim) и др. изучают особенности корейской волны (халлю), ее составные элементы и этапы, а также рассматривают ее в фокусе «мягкой силы» Южной Кореи.

Цель статьи: выявить особенности корейской волны (халлю) как инструмента «мягкой силы» Республики Корея, проследить и охарактеризовать основные этапы развития.

Южная Корея сегодня одна из развитых экономик мира с населением свыше 51 млн человек (27 место в мире): занимает 12-е место [4] в мире ВВП на душу населения, превышающим 30 тыс. долларов США. Отраслевая структура ВВП на 2023 год выглядит следующим образом: 1,6 % – сельское хозяйство, 31,59 % ВВП – промышленность, 58,42 % – сфера услуг [1]. Высокий уровень экономического роста страны обусловлен активной инновационной политикой и значительным уровнем адаптивности к глобальным вызовам современности.

Республика Корея сегодня входит в пул стран с высоким уровнем Индекса человеческого развития (ИЧР), который в 2025 году составил 0,937, что соответствует 20-му месту в мире из 193 [3]. На фоне демографических изменений и некоторого экономического замедления страна продолжает демонстрировать устойчивость. Однако, внутривнутриполитический кризис 2025 г. и импичмент президента Юн Сок Ёля, негативно отразившись на имидже страны, повлекли за собой издержки политического и экономического плана.

Следует отметить, что еще относительно недавно, в 60-е гг. XX века, Южная Корея с населением 25 млн. человек была одной из самых бедных стран мира с неразвитой экономикой, сильно зависящей от сельского хозяйства и иностранной помощи (репарации от Японии, помощь от США и др.). Так, отраслевая структура ВВП на 1964 год выглядела следующим образом: 46,53 % – сельское хозяйство, 19,35 % ВВП – промышленность, 29,85 % – сфера услуг [1]. В 1960 году ВВП Южной Кореи на душу населения составлял около 70 дол. США [2, с. 130]. Однако политика правительства по реализации пятилетних планов-реформ (с 1962 г. по 1986 г.), направленных на стремительную индустриализацию, ориентацию производства на экспорт, повышение уровня образования населения и т.п., способствовали экономическому росту и росту конкурентоспособности страны.

Уже к 80-90-м годам XX века Южная Корея становится крупным игроком в мировой экономике. Несмотря на последствия Азиатского финансового кризиса 1997 года и помощь МВФ, благодаря эффективности стратегического планирования и государственного регулирования, в начале 2000-х годов страна достигает значительных экономических показателей, высокого ВВП на душу населения (сопоставим с некоторыми европейскими странами), заметным становится рост уровня жизни населения и т. п. [12]. Так, ВВП на душу населения в 1980 г. составлял 1600 долларов, а в 2005 г. он достиг 20 тыс. долларов [2, с. 130].

Подобный феномен экономического успеха в развитии за относительно небольшой период – менее чем за полвека, стали называть «Чудо на реке Хан» («Miracle on the Han River»), которое сопровождалось аналогичным политическим чудом – демократическим переходом, за которым последовала консолидация [10, р. 17].

Конечно, несмотря на значительные успехи в развитии Южной Кореи, существуют проблемы: колебания качества жизни населения, опасность политической и экономической стагнации на фоне низкого уровня политического доверия и высокого уровня политической неудовлетворенности. Тем не менее, как отмечает К. Брэдфорд, стремительная «история успеха Южной Кореи – это история о целенаправленности, о способности общества определять свое будущее, а не пассивно развиваться только за счет рыночных сил, и о роли лидерства, институтов и нарратива в определении судьбы» [10, р. 19].

Современная Республика Корея, балансируя между ключевыми акторами в регионе, стремясь быть мостом между великими державами, продвигает свою значимую роль по всему миру посредством «мягкой силы». Следует отметить, что «мягкая сила» Южной Кореи, особенно после Корейской войны была ниже, чем когда-либо, а ее негативный национальный имидж превалировал в общественном мнении.

Сегодня Южная Корея, как отмечает британский теоретик международных отношений и специалист по Азии Б. Хау (B. Howe), активно использует имидж «средней державы», с исключительной траекторией экономического развития, «уникальной страны, которая превратилась из страны-реципиента в страну-донора ОЭСР» [11]. Южнокорейское государство активно стремится конвертировать свои достижения в улучшение имиджа и повышение репутации страны, данная проблематика находит отражение в заявлениях лидеров. Так, в 2008 г. президент Ли на мероприятиях, посвященных 60-летию Южной Кореи, заявил о необходимости наращивания мощи страны, акцентировав внимание на необходимости ребрендинга, так как «ценность бренда Кореи составляет лишь около 30 % экономической мощи страны» [7, р. 73]. Президент Корейского фонда Им Сон Джун подчеркнул, что «XXI век – это эпоха мягкой силы, которая делает акцент на культуре, знаниях, технологиях, обмене ценностями и международном обмене» [7, р. 73]. Следует отметить, что в этом же году Корейским фондом и Институтом Восточной Азии был приглашен профессор Гарвардского университета Джозефа Най, прочитавший лекции и принявший участие во встречах, посвященных теме наращивания «мягкой силы» Кореи [7, р. 74].

Власти Южной Кореи понимали, что трансформация системы международных отношений не только усиливает соперничество между государствами, а и заставляет их искать инновационные инструменты для достижения своих внешнеполитических целей. В борьбе за лидерство и влияние приобретает особую значимость «мягкая сила». Страны, эффективно применяющие «мягкую силу» получают возможность более успешно продвигать свои интересы, налаживать прочные связи с другими народами и находить союзников для решения общих проблем.

Отметим, что Джозеф Най, будучи автором термина «мягкая сила», предложил новаторский подход, что способствовало его интеграции в политический и научный дискурс. «Мягкая сила», отмечает Дж. Най, является противоположностью «жесткой силы», основанной на военном и экономическом давлении. В отличие от жесткой власти, «мягкая сила» не использует принуждение, а опирается на инструменты имиджевой привлекательности [15]. Мягкая сила, по мнению Джозефа Ная,

– это культурная и идеологическая аттрактивность того или иного государства, в основе которого лежит умение достичь целей посредством привлекательного образа, а не путем принуждения. Дж. Най добавляет, что «мягкая сила формируется благодаря привлекательности культуры, политических идеалов и внешней политике страны. Если внутренняя политика воспринимается как легитимная в глазах мирового сообщества, мягкая сила расширяется» [16, р. 3-5]. Стратегии мягкой силы особенно важны для средних или региональных держав, поскольку большинство из них не обладают значительными материальными или силовыми возможностями для влияния на международные процессы. «Мягкая сила» позволяет не только улучшить свое глобальное положение, но и извлекать экономическую выгоду благодаря привлекательности [14].

По мнению южнокорейского исследователя Ю. Сон, в меняющемся мире стране, которая берёт на себя роль державы среднего уровня в регионе, ввиду обладания ограниченными ресурсами, необходимо использовать сетевую дипломатию и «мягкую силу» [21, р. 33]. Реализация Республикой Кореи своей «мягкой силы» базируется на конвергенции текущей геополитической ситуации и историко-культурного контекста. «Мягкая сила» Южной Кореи основывается на истории о том, как относительно небольшие страны способны преодолевать трудности, становясь неким практическим примером для возможного подражания в мире, в котором не каждая страна может быть похожа на такие державы как США или Китай. Тем не менее, на фоне стремительного социально-экономического развития, угрожающего потерей социокультурной идентичности, происходит апелляция к южнокорейскому традиционному символическому порядку, образу жизни, нормам и ценностям, но уже в новых условиях посредством массовой культуры.

Коренным образом изменила восприятие и общий национальный образ Южной Кореи такое культурное явление как корейская волна. Термин «корейская волна» / «К-волна» – «халлю» по-корейски – используется для описания растущей популярности корейской популярной культуры, начавшийся в Восточной Азии в 1990-х годах и продолжившийся в последнее время в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в странах Европы, РФ, Соединенных Штатах и др.

Анализ особенностей халлю заслуживает особого внимания, так как она из небольшой региональной волны культурного экспорта превратилась в глобальное культурное явление, основывающееся на тесном сотрудничестве государственных и негосударственных субъектов, то есть как бы «дублирующее» отношения только в культурной сфере, унаследованные от стремительной индустриализации страны. Поэтому по своему успеху корейскую волну можно сравнить со взлетом корейской экономики в 1960-х и 1970-х годов. В этом смысле халлю вполне можно назвать культурной версией экономического «Чуда на реке Хан». К корейской волне принято относить сериалы, музыку, моду, косметику, туризм, телепередачи, кухню и др.

Халлю по сути является непреднамеренным «успехом без плана» [13]. Среду ключевых факторов, сделавших возможным подобный феномен, можно выделить: конкурентоспособность корейской индустрии культуры, политико-экономические изменения в странах Восточной Азии, развитие шоу-бизнеса, государственная поддержка и глобальные цифровые сети. Каждый из этих факторов по-своему способствовал успеху халлю. Эффект корейской волны был осознан и проанализирован правительством, что привело к созданию комплексного плана развития, начиная от финансирования и инвестиций до маркетинга и др. Сегодня в Южной Корее активно действует Министерство культуры, спорта и туризма, которое занимается вопросами финансовой поддержки интеллектуальной собственности и культурной продукции.

В своем развитии К-волна прошла ряд этапов: сначала были преимущественно сериалы («K-drama»), после подключилась музыка («K-pop»), третьим этапом стало общее увлечение корейской культурой, а сейчас ведется речь о четвертой волне, которая связана с медиакommunikацией [5, с. 61].

Халлю начала формироваться в Азии, включая Китай, в 1990-х годах. В 1993 году телевизионная дорама «Ревность» впервые была экспортирована в Китай. С 1997 года популярность приобретают и иные драмы, например, как «Что такое любовь», и корейская волна, связанная с распространением телевизионных драм «накрывает» страны Азии. Поворотным моментом в начале 2000-х можно считать успех драмы «Зимняя соната», который выводит Южную Корею на мировую арену.

Следует отметить, что в 80-е годы XX века южнокорейская киноиндустрия претерпевает значительные изменения в связи с государственной политикой и изменениями в глобальной медиадинамике. Как отмечает специалист по коммуникациям и новым медиа Д. Шим [20], речь можно вести преимущественно об упадке отечественной корейской киноиндустрии в этот период. Занимаясь вопросами исследования особенностей азиатской коммуникации и трансграничных медиакультурных потоков, Шим подчеркивает, что процессы либерализации СМИ вывели на рынок голливудские

фильмы которым корейские постановки значительно уступали. О корейском кино и музыке отсутствуют упоминания и в «Оксфордской истории мирового кино» (1996 г.), и в «Мировой музыке: краткий путеводитель» (1994г.) [20, р. 25]. Тем не менее, первоначальные трудности корейской индустрии в кратчайший период были преодолены, и уже в 2002 году одно из крупнейших международных агентств информации и новостей Ассошиэйтед Пресс сообщило о феномене так называемого «ким-шика» (“kim chic”). Данное явление предполагало распространение всего корейского – от еды и музыки до формы бровей и стилей обуви – в Азиатском регионе, где длительный период приоритетное лидерство в культурной сфере было у США и Японии. Южная Корея из «затерянного кинематографического захолустья ... Азии» [18] трансформируется в «Голливуд Востока» [23, р. 147].

Распространение халлю, как отмечает Л.-Ч.Ченг (L.-Ch. Cheng), можно объяснить частично тематикой корейских дорам, затрагивавших такие важные вопросы как семья и любовь, присущие всем культурам на фоне изображения эстетической привлекательности кинообразов южнокорейских актеров [7, р. 77]. Немаловажным аспектом успешности халлю было и позитивное восприятие самого государства Южная Корея в азиатском регионе, так как японская культура воспринималась все-таки через призму колониального прошлого. Тем не менее усилия республики Корея не вызвали активизации интереса со стороны широкой аудитории крупных западных стран, в силу чего культурное богатство Кореи еще в первом десятилетии XXI века оставалось практически незамеченным. Для повышения статуса национального бренда и формирования «образа более привлекательной Кореи» в 2009 году создается Комитет по национальному бренду. Данный Комитет совместно с МИД Республики Корея и др. сосредотачивал свою работу на экспорте корейской культуры и ее культурной продукции, а также уделял особое внимание вопросам сегментирования целевой аудитории и определенных стратегий продвижения за рубежом, включая страны Америки и Европы. Следует отметить, силу некоторых стереотипов еще времен «холодной войны» господствующих в сознании европейского и американского населения. Все еще встречаются люди, которым весьма затруднительно разграничить Южную и Северную Корею, а также которые при слове «Корея» вспоминают лишь Корейскую войну и голод.

Наряду с дорамами в начале-середине 2000-х годов поднимается волна корейской поп-музыки (К-пор). Южная Корея стремилась создать свою собственную уникальную поп-культуру, особенно на фоне растущей японской индустрии поп-культуры с аниме и мангой во всем мире, которой и стала К-пор. Как отмечает американский исследователь международных отношений и публичной дипломатии Т. Шафи, индустрия К-пор неразрывно связана с правительством Южной Кореи, а К-пор айдола часто работают в качестве «дипломатов», которых специально отправляют в международные поездки в качестве представителей Южной Кореи [19, р. 186].

Информационное сопровождение поездок, выступлений и официальных встреч айдолов лишь увеличивает «мягкую силу» страны. В целях усиления международного влияния южнокорейское государство использует продуманную стратегию, например, участие популярных К-пор групп в значимых событиях международного и межгосударственного уровня. Среди таких событий следует указать: выступление группы EXO на церемонии закрытия зимних Олимпийских игр 2018 года; встреча группы BTS с президентом США Дж. Байденом в Белом доме; выступление BTS в Организации Объединенных Наций и др. [19]. Стоит отметить, что популярность группы количественно оценивается с помощью индекса репутации бренда К-пор, который ежемесячно публикуется Корейским институтом бизнес-исследований. Согласно данным рейтинга топ-30 Star Brand Reputation за январь 2026 года, лидирует группа BTS [17], а репутация личного бренда айдола в феврале 2026 года по результатам анализа больших данных, расположилась в следующем порядке: первое и второе место соответственно занимают Чимин и Чонгук из BTS, на третьем месте – Дженни из Black Pink [22].

Южная Корея наращивает свое «мягкое» глобальное влияние. Так, 35 корейских культурных центров присутствуют в 30 странах [6], таких как Индонезия, Филиппины, Индия, Австралия, США и др. К-пор группы, такие как BTS, EXO, BLACKPINK и другие, захватывают музыкальную индустрию и оказывают влияние посредством музыки на жизнь многих большого количества людей. Музыка и дорамы из Южной Кореи пробудили интерес к корейской кухне, языку, косметике, автомобилям и т. д. Например, в 2024 году Южная Корея обогнала Францию и стала крупнейшим экспортером косметики в США. Специализированные магазины K-beauty открываются, в том числе в Европе: от Парижа до Варшавы, а местные розничные магазины и аптеки расширяют ассортимент корейской косметики [8]. Участники группы BTS Ви и Чонгук в 2024 году стали амбассадорами корейского косметического бренда Titir и Chanel Beauty соответственно. Музыкальная индустрия К-пор и индустрия развлечений

в целом сегодня являются значительной частью экономики Южной Кореи, при этом только музыкальная группа BTS ежегодно приносит более 3,5 млрд долларов США. В 2023 году К-поп артисты и их товары принесли более 9 млрд долларов только в США.

Необходимо отметить и высокий уровень развития цифровых технологий в республике Корея. Благодаря передовой инфраструктуре ИКТ, высокой скорости интернет-доступа и наличию ряда крупных ИТ-компаний, таких как Samsung Electronics, SK Hynix, LG Electronics и Naver, страна является одним из ведущих мировых центров информационных и коммуникационных технологий. Южная Корея инвестирует значительные средства в инновационные разработки, включая передовые полупроводниковые изделия, высокоскоростные сети следующего поколения, искусственный интеллект, большие данные, квантовые вычисления и кибербезопасность. Корея, пропагандируя корейскую культуру и высокие технологии, постепенно заставила весь мир пользоваться своей продукцией и путешествовать в свою страну.

Согласно данным «Глобального отчёта по анализу трендов халлю 2025 года на основе иностранных СМИ и социальных данных» Азия лидирует в охвате халлю (44%), за ней следует Европа (20,8%) и Северная Америка (16,9%). В то время как К-поп занимал наибольшую долю в большинстве регионов, включая Азию, Европу, Северную и Латинскую Америку, «К-литература» занимает высокие места в Африке, а «К-фильм» – в Океании, демонстрируя, что халлю выходит за рамки музыки, акцентируя внимание на литературе и фильмах. Региональный ландшафт халлю диверсифицируется, а корейская кухня получает глобальное внимание благодаря контенту халлю[6].

Согласно «Глобальному индексу мягкой силы» Южная Корея в 2025 году повысила свой рейтинг на 3 позиции, заняв 12 место из 193 государств [9, р. 12], набрав 60,2 из 100 баллов. Рост обусловлен большей узнаваемостью и статистически значимыми улучшениями по ряду показателей. Такие характеристики, как «передовые технологии и инновации» и «достижения в науке», подчеркивают передовые достижения Южной Кореи, а глобальный успех К-поп, признанных фильмов и телешоу укрепил ее позиции в сфере искусства, развлечений и СМИ, повысив ее международный авторитет [9, р. 36].

Вывод. С момента окончания холодной войны государства пытаются получить влияние нетрадиционными и немилитаристскими средствами, такими как, например, культурное влияние. Культура, как важный элемент «мягкой силы», играет значительную роль в формировании имиджа страны на международной арене. Отличительной чертой современных международных отношений, оказывающей влияние на динамику структуры мироустройства, стала возросшая роль развивающихся незападных (азиатских) стран, которые как, например, Южная Корея стремятся расширить и упрочить свое влияние как в азиатском, регионе, так и в глобальном масштабе. Корейская волна (халлю) выступает инструментом «мягкой силы», используемым правительством для трансляции как внутри, так и за пределы страны ее положительных сторон и нацеленность на формирование позитивного представления о Республике Корея в целом. Мощь корейской волны делает ее одним из эффективных инструментов «мягкой силы» Кореи, что способствует не просто постановке социально-политических и экономических целей, а их успешному достижению. В стране, где ранее приоритетной были инструменты «жесткой силы», халлю демонстрирует, как конвергенция усилий государственных и негосударственных акторов может «работать» на улучшение «мягкой силы» страны.

Список литературы:

1. Доля сферы услуг в ВВП. Южная Корея // Statbase : [сайт]. – URL: <https://statbase.ru/data/kor-services-value-added-share/> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Иванов, Д. В. Траектории социальных изменений в Южной Корее: от догоняющей модернизации к виртуализации и глэм-капитализму / Д. В. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. – 2012. – Вып. 4. – С. 130-143.
3. Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития 2025 // Гуманитарный портал : [сайт] / Центр гуманитарных технологий. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта 2025 // Гуманитарный портал : [сайт] / Центр гуманитарных технологий. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gross-domestic-product-ranking> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Степанова, В. С. Корейская поп-культура в России: основные направления развития / В. С. Степанова, О. Л. Панченко // Казанский вестник молодых учёных. – 2019. – №3 (11). – С. 61-68.

6. 2025 Hallyu Expands Beyond Music to Literature, Film, Tourism, and Consumer Spending // Ministry of Culture, Sports and Tourism [Republic of Korea] : [сайт]. – URL: <https://www.mcst.go.kr/english/policy/pressView.jsp?pSeq=595> (дата обращения: 26.02.2026).
7. Cheng, L.-Ch. The Korea Brand: The Cultural Dimension of South Korea's Branding Project in 2008 / L.-Ch. Cheng // SAIS U.S. - Korea Yearbook 2008. – URL: <https://usakoreainstitute.org/wp-content/uploads/2010/02/Cheng.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
8. Chitrakorn, K. K-pop broke taboos by being inclusive. Now, K-beauty is starting to do the same // CNNstyle : Cable News Network. – URL: <https://edition.cnn.com/2026/02/18/style/k-pop-broke-taboos-by-embracing-inclusion-now-k-beauty-is-too> (дата обращения: 26.02.2026). – Дата публикации: 19.02.2026.
9. Global Soft Power Index 2025 // Univerzitet Crne Gore : [сайт]. – URL: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_45671/objava_195259/fajlovi/Global%20Soft%20Power%20Index%202025.pdf (дата обращения: 26.01.2026).
10. Howe, B. M. South Korea: Transformative Challenges to the Economic and Political “Miracle on the Han River” / B. M. Howe // Asian Affairs: An American Review. – 2020. – Vol. 47 (1). – P.16-40. DOI: 10.1080/00927678.2019.1704469
11. Howe, B. M. Korea's Role for Peacebuilding and Development in Asia / B. M. Howe // Asian Journal of Peacebuilding. – 2017. – Vol. 5, No. 2. – P. 243-266.
12. Huang, J. South Korea: Becoming a Developed Nation Through Reforms and Macroeconomic Policies / J. Huang // Advances in Economics Management and Political Sciences. – 2024. – Vol. 141(1). – P.37-43. DOI:10.54254/2754-1169/2024.GA18918
13. Kim, J. Success without Design: Hallyu (Korean Wave) and Its Implications for Cultural Policy / J. Kim // The Korean Journal of Policy Studies. – 2016. – Vol. 31, No. 3. – P. 101-118.
14. Lee, K. S. New Approach of South Korea's Middle Power Diplomacy: Focusing on Global Agenda Setting / K. S. Lee // Global Politics Review. – 2016. – Vol. 2, No 2. – P. 40-57.
15. Nye, J. Smart power / J. Nye // New Perspectives Quarterly. – 2009. – Vol. 26, No 2. – P. 7-9.
16. Nye, J. Soft Power and Great-Power Competition. Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China / J. Nye. – Singapore: Springer. 2023. – 187 p.
17. OSEN BTS Tops Star Brand Reputation Rankings // The CHOSUN Deily. – URL: <https://www.chosun.com/english/kpop-culture-en/2026/01/29/17HQSFCHGBEJFIB6H2XTTD3VCM/> (дата обращения: 26.02.2026).
18. Segers, F. 'Korea Moves' / F. Segers // Hollywood Reporter. – 2000. – Vol. 362, No 34. – P. 14-16.
19. Shafie, T. K-pop Idols as Diplomats: South Korean Celebrities and Soft Power / T. Shafie // Athens Journal of Politics & International Affairs. – 2025. – Vol. 1, Is. 3. – P. 179-202.
20. Shim, D. Hybridity and the rise of Korean popular culture in Asia / D. Shim // Media, culture & society. – 2006. – Vol. 28. No 1. – P. 25-44.
21. Sohn, Y. Middle Powers' Like South Korea Can't Do Without Soft Power And Network Power / Y. Sohn // Global Asia. – 2012. – Vol. 7. No. 3. – P. 30-34.
22. Wansik, M. 1st place BTS Jimin, 2nd place BTS Jungkook, 3rd place BLACKPINK Jennie / M. Wansik // Starnews [сайт]. – URL: <https://www.starnewskorea.com/en/music/2026/02/24/2026022407162489733> (дата обращения: 26.02.2026).
23. Wijesinghe, H. Korean Wave Creating New Appetite Beyond Entertainment: The Role of the Korean Entertainment Industry in Promoting Korean Culture / H. Wijesinghe, V. Karunasena, D. Suduwelikanda, S. Iddagoda // Technium Social Sciences Journal. – 2025. – Vol. 74. – P.147-159.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026

Maksimova, E. N., Garas E. R. Korean Wave as a Soft Power Tool of the Republic of Korea.

This article examines the phenomenon of the Korean Wave (hallyu), which is associated with the popularization of Korean culture (the cultural economy) beyond the country's borders. It notes that hallyu has evolved from a small regional wave of cultural exports into a global cultural phenomenon reaching audiences in Asian countries, the Middle East, the West, and elsewhere. It emphasizes that hallyu has undergone a transformation in its development: from dramas and K-pop to Korean culture and media communications. The authors note that the K-wave today serves as a soft power tool of the Republic of Korea, allowing it to position itself as a “medium-sized” country in the international order while simultaneously promoting its significant role worldwide building a favorable and attractive image both regionally and globally.

Keywords: “Miracle on the Han River”, Republic of Korea, Korean Wave (hallyu), medium-sized country, image of the country, soft power. .

УДК [001+37](55)

Проведен анализ научной политики Исламской республики Иран. Исследуются данные по уровню грамотности населения, бюджетные затраты на образование и науку. Приводятся данные по международной публикационной активности и уровню цитируемости иранских ученых, патентной активности и сотрудничеству с зарубежными странами.

Ключевые слова: уровень грамотности, государственная политика, образование, наука, публикационная активность, уровень цитируемости, патентная активность.

А. Л. Рябцев, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ryabtsevae@yandex.ru

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ЛИДЕРСТВО ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В РЕГИОНЕ

Исламская республика Иран – крупнейшее «государство-империя» в Западной Азии, обладающее всем набором ресурсов, чтобы позиционировать себя в качестве регионального лидера. В геополитическом, экономическом, военном отношении, участием в ядерной программе Иран уже заявил о своей роли в регионе. Но для укрепления региональной позиции, интеграции в мировое сообщество, для дальнейшего развития двухсторонних отношений следует рассмотреть еще ряд факторов. Важную роль в формировании концепции лидерства Ирана играют образование и наука.

Уже более 45 лет государство продолжает жить под «санкциями», которые лишь усиливаются. Ограничительные меры пронизывают все сферы жизнедеятельности: заморожены все авуары страны и золотой запас, введены запреты на продажу углеводородов, угрозы со стороны США партнерам и инвесторам. В последнее время наблюдается прямая военная угроза и террористические действия стран Запада по отношению к руководству и ученым Ирана. Мощное информационное давление на страну – это не исчерпывающий перечень мер, характеризующих жизнь в условиях блокады. Но республика за эти годы сумела создать реальную экономику с опорой на собственные силы, что стало основной идеей развития. Но не только военная и экономическая мощь определяют статус государства. В современном мире образование и наука стали основой развития государства.

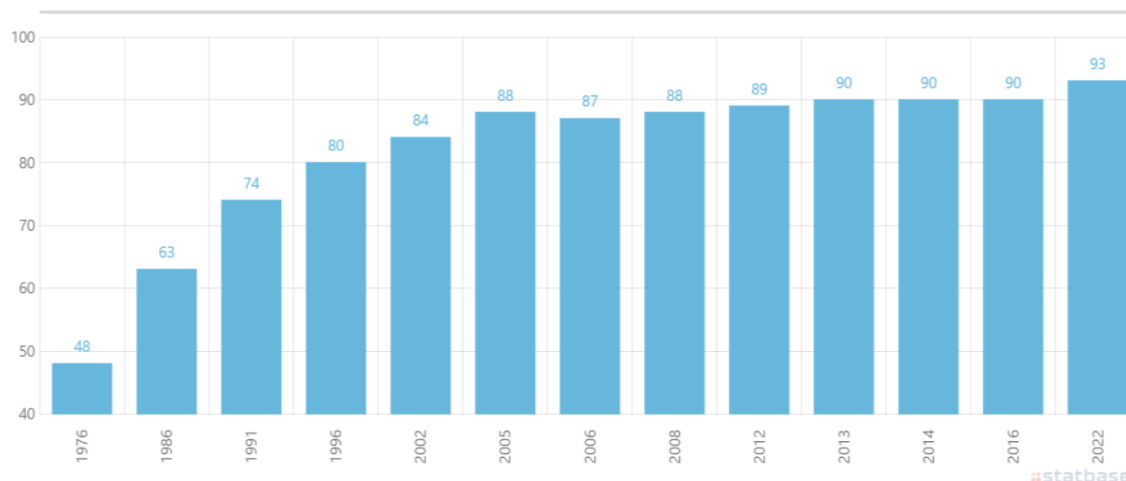
Несмотря на колоссальное «санкционное» давление задачей номер один для Исламской республики Иран стала ликвидация безграмотности. До Исламской революции 1979 г. уровень грамотности в стране составлял 47,5%, а около 14,2 миллиона человек (52,5 процента) были неграмотными [8]. В этом же году по приказу имама Хомейни (РА) была создана Организация движения за грамотность для ликвидации неграмотности в стране.

По данным ЮНЕСКО, «уровень грамотности населения Ирана в 2022 г. составил 93,00% всех жителей в возрасте старше 15 лет (см. график 1). В 2016 г. он был равен 90,00%. Это первый год роста после падения (учитываются годы с опубликованными данными). За все время наблюдения с 1976 года этот показатель увеличился в 1,94 раза. Максимальная величина уровня грамотности в Иране была достигнута в 2022 году со значением 93,00% населения старше 15 лет. Самое низкое значение наблюдалось в 1976 году, когда 48,00% населения Ирана старше 15 лет умели читать и писать» [4].

Некоторые показатели по отдельным группам:

- уровень грамотности женщин 15–24 лет — 98,93%;
- уровень грамотности мужчин 15–24 лет — 98,69%;
- уровень грамотности молодежи 15–24 лет — 98,81% [18].

График 1. Уровень грамотности населения Исламской республики Иран

Источник: [13]

Бесспорно, успехи в области преодоления неграмотности базируются на продуманной государственной политике, которая включает систему нормативных актов: Закон ИРИ об образовании (1992), в постановления и распоряжения правительства, нормативные документы Министерства образования, Министерства здравоохранения, Министерства труда и социального развития, Министерства внутренних дел и пр. В Иране образование провозглашено приоритетным направлением современного государственного строительства и социальной политики.

Для достижения целей в сфере образования руководством страны были приняты такие документы, как «Национальный генеральный план по науке и образованию» (National Master Plan for Science and Education – NMPSE), одобренный в 2011 году; «Видение 2025» [14] и «Научно-техническая перспектива к 2026 году» [14].

«Исламская Республика Иран опирается на божественную силу и возрождение культуры, создание новой исламско-иранской цивилизации во имя национального прогресса, распространения справедливости и вдохновения в мире, страны с праведными, культурными, здоровыми и воспитанными в духе Ислама и революции людьми и с учеными, достигшими мировых высот, способными делать и развивать науку, технологии и инновации, а также использовать свои достижения, с такими учеными, которые войдут в высший состав мировой научно-технической сферы наряду с иными выдающимися научными авторитетами», - написано в самом тексте документа [14].

Что же предусматривает государственная политика Ирана в сфере образования и науки? Цели поставлены конкретные: расходы на науку должны составить 4% ВВП, привлечь негосударственное финансирование, повысить количество патентов и публикационную активность, а также к 2025 г. пять иранских университетов должны войти в топ-10 мировых рейтингов. В Иране создано Министерство науки, исследований и технологий для реализации политики в сфере науки и образования.

Цели и задачи, поставленные руководством Ирана, опираются на современные реалии, когда наука требует все больших и больших затрат. В исследовании, проведенном Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, мировые инвестиции в исследования и разработки приближаются к \$3 трлн в год. США остаются лидером научных затрат в долларовом выражении. Однако темпы развития Китая выступают драйвером научного неравенства [5].

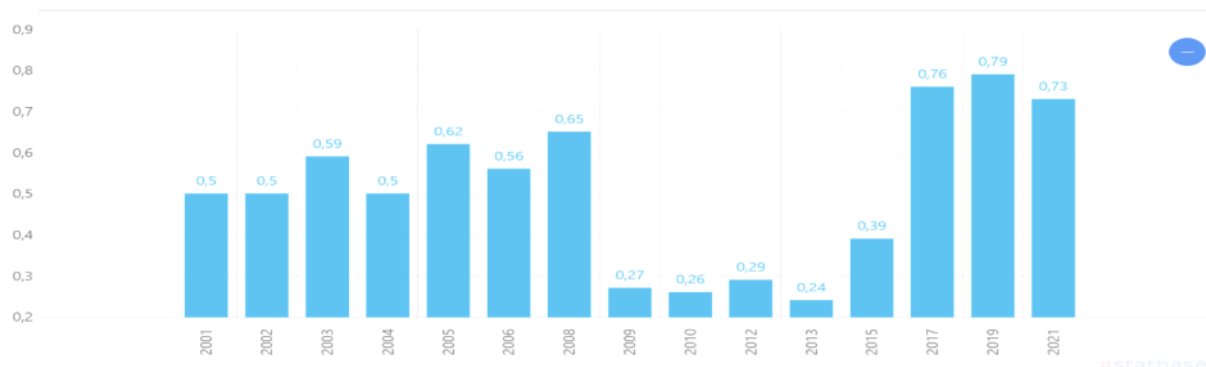
В бюджете Ирана доля государственных расходов на образование в 2020 году составила 22,67%, в 2022 году - 18,82%. С 1991 года этот показатель увеличился в 1,03 раза. Максимальный уровень расходов на образование в общих расходах бюджета Ирана был зафиксирован в 2002 году со значением 26,51%. По данным ЮНЕСКО на 2024 год, Иран тратит на образование около 23,1% от общих государственных расходов страны, что составляет примерно 5% своего ВВП [13].

«Современная наука трансформировалась из области производства знаний в глобальную индустрию развития и может обеспечить долгосрочную конкурентоспособность компаниям и технологический суверенитет государствам» – отмечает директор Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Леонид Гохберг [5].

Наибольшая доля от годового ВВП на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) в мире: в Израиле (5,56%), в Южной Корее (4,93%), в Бельгии (3,46%), в США (3,46%), в Швеции (3,42%) [2]. Расходы Ирана на НИОКР в 2019 году они

были равны 0,79% ВВП (это максимальный показатель за время наблюдения), в 2021 году составили 0,73% ВВП (см. график 2). По данным на 2024 год, расходы Ирана на НИОКР составляют 0,79% от ВВП. На сайте gtmarket.ru представлен рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР, в котором Иран занимает 47 место. Россия – 43-е место [2].

График 2. Затраты на науку Исламской республики Иран

Источник: [13].

Следует отметить, что одним из главных показателей научного прогресса является международное участие в публикации научных статей. В 2023 году иранские учёные опубликовали 7 265 статей с международным участием. Глава Центра науки исламского мира (ISC) Ахмад Фазелзаде отметил, «что в 2022 году Иран занимал 17-е место в мировом рейтинге и второе место среди исламских стран по числу научных публикаций. Однако в 2023 году страна продемонстрировала улучшение своих позиций, подтверждая растущую значимость иранских университетов и исследовательских центров [5].

В 2024 году Иран занял 14-е место в мире и 2-е среди исламских государств в списке стран с самыми цитируемыми научными учреждениями и институтами, согласно рейтингу сервиса поиска высокочитируемых статей Essential Science Indicators (ESI). Наибольшее их количество приходилось на клиническую медицину [6].

По информации на 2025 год, «1142 иранских учёных были представлены в международном рейтинге наиболее цитируемых исследователей (WOS-ESI). В список одного процента самых цитируемых учёных мира вошли три ведущих исследователя тегеранского университета Шахид Бехешти — Алиреза Шарифи, Саидреза Хордаписе и Самад Наджадебрахими» [1].

В период с 1 ноября 2024 года - 31 октября 2025 года Nature Index отслеживал основные научные статьи из 145 мировых научных журналов группой независимых экспертов. Индекс Nature показывал, что Иран опубликовал больше всего статей по следующим темам исследований (см. табл. 1).

Таблица 1. Количество публикаций по темам в период с 1 ноября 2024 года – 31 октября 2025 года

	Темы исследований	Количество статей
1	Физика элементарных частиц и высоких энергий	82
2	Астрономические науки	49
3	Физическая химия	23
4	Клинические науки	19
5	Химия макромолекул и материалов	10
6	Органическая химия	6
7	Квантовая физика	9
8	Теория вычислений	5
9	Аналитическая химия	5
10	Неорганическая химия	5

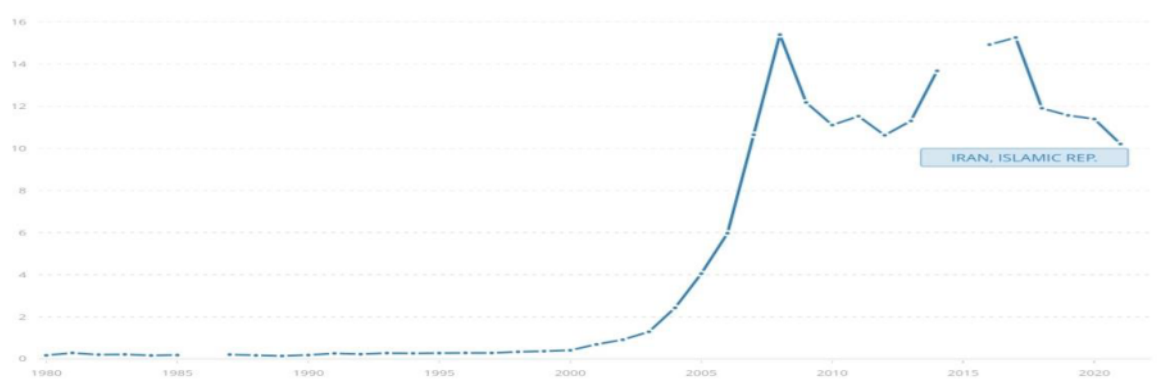
Источник: [12].

Бесспорно, приведенные данные, свидетельствуют о высоком научном потенциале ученых Исламской республики Иран в сфере фундаментальных наук, которые требуют длительных исследований и значительных затрат.

Также, как и развитие фундаментальной науки, развитие прикладных отраслей, количество поданных патентных заявок и внедрение в производство результатов научных исследований является показателем научного потенциала страны. Патентование в Иране началось с 1976 года. Процесс шел,

но медленно. До начала 21 в. патентов было не более тысячи. Но увеличение финансирования на науку и образование стало стимулом высокого роста патентов. В 2000 году патентных заявок было 410, в 2008 году – 15403, т.е. увеличение более, чем в 35 раз (см. график 3).

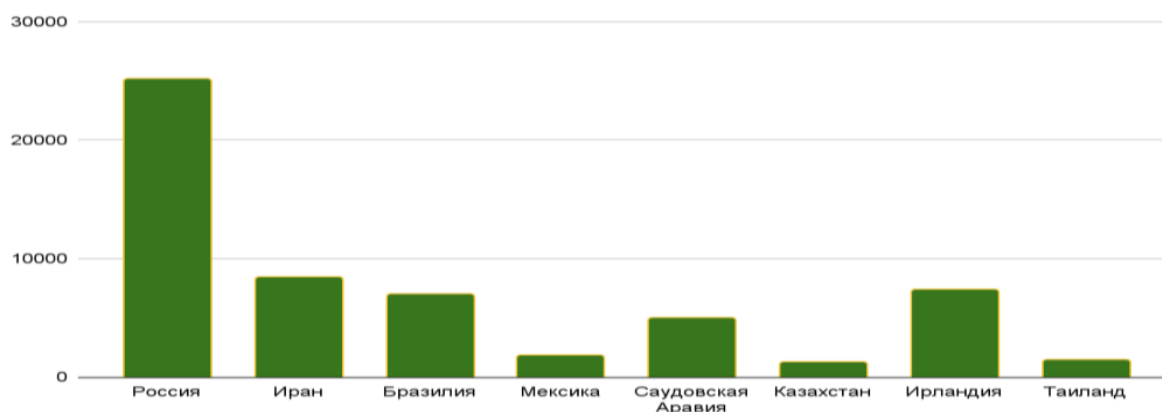
График 3. Количество патентных заявок в Иране с 1980 г. по 2021 г.

Источник: [17].

Уменьшение числа патентных заявок вызвано введением санкций в 2018 г. Хотя к сильному снижению числа это не привело, общее число остается примерно 10000, что позволяет оставаться на 16-м месте в рейтинге и опережать такие государства как Индонезия, Италия, Таиланд и др. [17].

График 4. Сравнение числа заявок на патенты в Иране и ряде других стран за 2022 год

Источник: [7].

В 2022 году число патентов снизилось на 19%, хотя даже в такой ситуации Иран занял 24 место в глобальном рейтинге. «Среди конкретных направлений лидировали медицинская техника, гражданское строительство, другое специальное оборудование, компьютерная техника и фармацевтическая продукция» [11].

Такие показатели определяются рядом факторов. Это успехи в развитии национальной системы образования, и становление системы здравоохранения и питания, внедрение двуязычия. И, конечно же, совершенствование университетского образования.

В 2025 году в число лучших учебных заведений Азии вошли 85 университета Ирана, что на 10 больше предшествующего показателя. Технологический университет имени Шарифа стал 69-м в международном рейтинге [9]. Всего в рейтинг лучших вузов Азии 2025 года вошли 853 университета из 35 стран. Первое место занял китайский Университет Цинхуа.

«В десятку лучших вузов страны также вошли Технологический университет имени Амира Кабира, Научно-технологический университет Ирана, Тегеранский университет и другие учебные заведения» [16]. «Уточняется, что показатели эффективности университетов оценивались по пяти ключевым критериям: уровень преподавания, исследовательская среда (объем научной работы), качество исследований (цитируемость, оригинальность и влияние научных трудов), международный потенциал (участие сотрудников и студентов в международных инициативах), промышленность (финансирование от коммерческих проектов и количество зарегистрированных патентов)» [15].

Высокие показатели не в последнюю очередь зависят от степени и уровня научного сотрудничества. Результаты сотрудничества с Nature Index приводят к высококачественным исследованиям по всему миру. В таблице 2 представлены ведущие страны, сотрудничающие с Ираном.

Таблица 2. Процентное соотношение сотрудничества Ирана с зарубежными странами

	Страна	Доля стран
1	Китай	19,8%
2	США	19,1%
3	Германия	15,8%
4	Канада	8,1%
5	Великобритания	8,1%
6	Италия	6,8%
7	Турция	6,3%
8	Франция	5,6%
9	Швейцария	5,6%
10	Южная Корея	4,9%

Источник: [12].

Наибольшие доли участия в сотрудничестве демонстрируют следующие учреждения Ирана: Институт фундаментальных исследований (IPM), Тегеранский университет, Дамганский университет, Шарифский технологический университет, Университет Тарбиат Модарес, Мазандеранский университет (UMZ), Университет Фирдоуси в Мешхеде (FUM), Университет Рази, Университет Шахида Бехешти (SBU), Институт перспективных исследований в области фундаментальных наук (IASBS). В отчете Австралийского института стратегической политики (ASPI) отмечается, что «Иран входит в десятку ведущих научно-технических сверхдержав мира, обогнав даже Японию» [10].

Не смотря на санкции, иранские ученые достигли значительных успехов в области авиации и гиперзвуковых двигателей, разработок биотоплива, биологии и генной инженерии, в сфере искусственного интеллекта. Страна является центром исследований в области аппаратных ускорителей и многие годы занимает лидирующие позиции в мировой научной среде. Эти достижения подчёркивают роль Ирана в развитии новейших технологий и его вклад в мировую науку [3].

Анализ политики Ирана в сфере образования и науки свидетельствует, что первоначально она была ориентирована на высокие показатели количественного роста: в первую очередь, публикационной активности и вхождения университетов в международные рейтинги. Цели были достигнуты. Затем основной упор был сделан на усиление практической отдачи от науки в университетах и развитие международной кооперации. И в этом направлении иранская наука движется успешно. Но пока еще результаты научных исследований не вносят ощутимый вклад в рост экономики. В немалой степени это связано с сдерживающим фактором санкций и значительными затратами на комплексную безопасность страны.

Заметные успехи Ирана в научной сфере, на наш взгляд связаны в первую очередь с национальной ориентированностью системы образования, ее практической наполненностью и созданием общей среды образования – науки – производства. Кроме этого, страна, активно участвуя в мировых исследовательских проектах, укрепляет свою репутацию как глобального лидера в области науки и технологий.

Список литературы:

1. В Иране назвали самых цитируемых ученых. – Текст : электронный // Вестник Кавказа : [сайт]. – URL: <https://vestikavkaza.ru/news/v-irane-nazvali-samyh-citiruemyh-ucenyh.html> (дата обращения 09.12.2025).
2. Гуманитарный портал [сайт]. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure> (дата обращения 20.01.2026) – Текст : электронный.
3. Иран стал мировым лидером по научным публикациям в 2023 году. – Текст : электронный // KG24.NEWS : [сайт]. – URL: <https://kg24.news/universe/iran-stal-mirovym-liderom-po-nauchnym-publikatsiyam-v-2023-godu.html> (дата обращения 25.12.2025).
4. Каталог статистики и мировых данных. – Текст : электронный // Statbase : [сайт]. – URL: <https://statbase.ru/data/irn-literacy-rate/> (дата обращения 20.12.2025).

5. Научный мир: сколько тратят на исследования и как изменится мир в будущем. – Текст : электронный // БКС Экспресс : [сайт]. – URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/nauchnyi-mir-skolko-strany-tratiat-na-issledovaniia-i-kak-izmenitsia-nauka-v-budushchem> (дата обращения 25.12.2025).
6. TV BRICS : официальный сайт. – URL: <https://tvbrics.com/> (дата обращения 22.12.2025) – Текст : электронный.
7. [Подборка статистических данных по странам. Иран]. – Текст : электронный // WIPO : [сайт] / Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). – URL: https://www.wipo.int/ipstats/ru/statistics/country_profile/Iran (дата обращения 25.12.2025).
8. Российское информационное агентство IRAN.RU : [сайт]. – URL: https://www.iran.ru/news/culture/121277/Iran_bлизok_k_likvidacii_negramotnosti (дата обращения 22.12.2025). – Текст : электронный.
9. Тегеран Таймс : [сайт]. – URL: <https://www.tehrantimes.com/> (дата обращения 20.01.2026). – Текст : электронный.
10. Australian Strategic Policy Institute : [сайт]. – URL: https://www.aspi.org.au/all-work/?filter_category=report (дата обращения 25.01.2026). – Текст : электронный.
11. Nature Index Global. – Текст : электронный // Nature Index : [сайт]. – URL: <https://www.nature.com/nature-index/research-leaders/2025/country/all/global> (дата обращения 20.01.2026).
12. Nature Index Iran. – Текст: электронный // Nature Index : [сайт]. – URL: <https://www.nature.com/nature-index/country-outputs/Iran> (дата обращения 25.12.2025).
13. UNESCO UIS United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) Institute for Statistics. Data Centre. – Текст: электронный – URL: <https://statbase.uis.unesco.org/data/iran-research-and-development-expenditure/> (дата обращения 25.12.2025)..
14. UNESCO science report: towards 2030. Iran. – URL: https://www.unesco.org/sites/default/files/uis15_iran_ru.pdf (дата обращения 20.01.2026) – Текст: электронный.
15. UNIRANKS. – URL: <https://www.uniranks.com/ranking/ru/verified-universities/иран?page=3> (дата обращения 20.01.2026) – Текст: электронный.
16. UNIVERSITYRANKINGS. – URL: <https://www.universityrankings.ch/results&ranking=QS®ion=World&year=2025&q=Iran> (дата обращения 20.01.2026) – Текст: электронный.
17. World Bank Data. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD?end=2021&locations=IR&start=1980&view=chart> (дата обращения 25.12.2025) – Текст: электронный.
18. World Education Statistics 2024. UNESCO Institute for Statistics. – URL: <https://www.uis.unesco.org/en> (дата обращения: 10.10.2025) – Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026

Ryabtsev, A. L. *Education and Science as a Factor Determining the Leadership of the Islamic Republic of Iran in the Region.*

The article provides an analysis of the scientific policy of the Islamic Republic of Iran. The author investigates the data on the literacy rate of the population, budget expenditures on education and science. Special attention is paid to the data on the international publication activity and the citation rate of Iranian scientists, patent activity and cooperation with foreign countries.

Keywords: literacy rate, public policy, education, science, publication activity, citation rate, patent activity.

УДК 327:339.1/.5(262.5)

В условиях современного быстроменяющегося мира с переходом к многополярному мировому порядку решающее значение приобретают торговые связи между мировыми центрами силы, развитие которых обеспечивают логистические транзитные коммуникации, проходящие в разных направлениях. В статье проводится исследование причин неизменности транзитной роли Черноморского региона в условиях обострения геополитической ситуации. С учетом повышения конкуренции между мировыми державами, рассматриваются важнейшие факторы, влияющие на прохождение и изменение маршрутов основных транснациональных транспортных коридоров.

Ключевые слова: Черноморский регион, транзитная роль, межнациональный транзитный маршрут, морская деятельность, обострение геополитической ситуации, транспортный коридор, транспортная логистика.

А. С. Цыганов, ст. преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: a.ciganov@sevsu.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ТРАНЗИТНОЙ РОЛИ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Черноморский регион, включающий акватории Черного и Азовского морей, ввиду своего выгодного расположения в центре Евразийского континента обладает уникальным геополитическим положением вследствие пересечения в нем ключевых межнациональных транзитных маршрутов. Например, через данный регион проходят маршруты международных трансконтинентальных транспортных коммуникаций «Восток – Запад» и частично «Север – Юг». При этом, усовершенствование существующих транспортных коридоров или создание новых жизненно необходимо для обеспечения национальных интересов каждого уважающего себя государства, особенно на фоне быстрорастущей взаимной конкуренции мировых морских держав, преимущественно за счет развития мультимодальной транспортной логистики для бесперебойного экспортирования и импортирования товаров. В современных условиях, на фоне экономического кризиса, деградации мировой денежной системы и упадка экономики в развитых государствах мира, для получения преимуществ «западными» странами, существенно обострилась борьба за доступ к ресурсам и рынкам с использованием механизмов недобросовестной конкуренции и введения санкций в различных сферах, в том числе проводится оказание всевозможного давления на Россию и дружественные страны «глобального юга» [7]. Необходимо отметить, что Российская Федерация не является исключением в своем стремлении к обеспечению собственных национальных интересов, для чего в регионе активно и целенаправленно осуществляется морская деятельность, направленная на эффективное функционирование и развитие экономики государства. В соответствии с Морской доктриной РФ, одним из важнейших факторов для обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны в современном мире является способствование укреплению морской инфраструктуры государства, в первую очередь обеспечение развития транспортной логистики [8].

Сложившаяся в текущий период геополитическая ситуация на евразийском континенте и в мире в целом указывает на безальтернативность проведения логистических поставок товаров и грузов через Черноморский регион по нескольким причинам, которые будут рассмотрены в исследовании. В дополнение, географические и геополитические особенности Черноморского региона оказывают существенное воздействие на тенденции расположения транспортных коммуникаций межнациональных транзитных коридоров, проходящих через его территорию. В исследовании также рассматриваются важнейшие факторы, влияющие на расположение в регионе транспортных коммуникаций и интенсивность поставок товаров и грузов по ним.

Во-первых, в мировой практике принято, что перевозка грузов по морским транспортным коммуникациям считается наиболее распространенным способом доставки товаров и грузов преимущественно за счет низкой стоимости, однако при этом способе отмечаются и существенные недостатки. Наиболее значительным недостатком является зависимость при выборе транспортных путей от необходимости обеспечения безопасности перевозок в регионах и странах с нестабильной геополитической обстановкой. Например, еще в 2024–2025 гг., в результате нападений йеменских хуситов на суда в Красном море, объемы морских перевозок по интенсивному ранее маршруту через

Суэцкий канал сократился более чем на 50 %, из-за чего судоходные компании вынуждены перенаправлять транспортные потоки на другие маршруты, что привело к значительному увеличению затрат на топливо и перегруженности портов [1]. В настоящее время геополитическая ситуация на Ближнем востоке вновь существенно обострилась, что непосредственно отразилось на работе южных ветвей маршрутов поставок товаров и грузов по транснациональным транзитным коридорам в направлениях «Восток – Запад» и «Север – Юг». Так, начиная с 28 февраля 2026 года вооруженными силами Израиля и США наносятся многочисленные комбинированные удары по различным объектам Ирана, включая удары по объектам морской инфраструктуры (порты и транспортная логистика). В следствие чего Ираном также принимаются ответные меры, в том числе проводится нанесение ударов по морским портам, транспортной логистике, судам в море (отмечены удары по нескольким танкерам под различными флагами), нефте- и газоперерабатывающей инфраструктуре стран региона, осуществляется фактическая блокада (или вполне реальная угроза полного перекрытия) Ормузского пролива, который является важнейшей мировой артерией для поставок энергоресурсов как в Европу, так и в страны Юго-Восточной Азии. На данный момент в Оманском и Персидском заливах, а также в Аравийском море остановлено движение около 200 танкеров. С учетом прохождения через Ормузский пролив около 20 % объемов мировой торговли нефти и 30 % поставок сжиженного природного газа (СПГ), эти действия приводят как к многочисленным прямым издержкам, так и к издержкам, которые начали накапливаться на будущее, что гарантировано нанесет удары по экономике стран региона Персидского залива, которые тотально зависимы от внешних поставок по всему спектру товаров, а также мировой торговле в целом. В результате действий сторон конфликта резко эскалировавшая обстановка в регионе Персидского залива уже значительно повлияла на мировые поставки нефти и СПГ, в первую очередь на выбор операторами маршрутов поставок энергоресурсов и на формирование цен на них [4]. Кроме этого, поддерживающие Иран, йеменские хуситы приняли решение возобновить боевые действия и вернулись к системным атакам на суда в Красном море, что существенно влияет на довольно интенсивный маршрут поставок товаров и грузов через Суэцкий канал. При этом необходимо заметить, что Иран в прошлом, в том числе во время так называемой «двенадцатидневной» войны в июне 2025 года не производил перекрытие Ормузского пролива. Однако, учитывая активные действия новых иранских властей и их партнеров в настоящее время, нельзя исключать перекрытие (блокаду) Ормузского пролива и нападения на суда в Красном море в будущем. Учитывая вышесказанное, использование альтернативных транспортных коридоров через Черноморский регион с востока на запад и с севера на юг континента позволит уменьшить затраты на транспортировку и безопасность перевозки грузов, а также соответственно сократить сроки доставки товаров и грузов и, по сравнению с традиционными маршрутами, такими как через Суэцкий канал и Ормузский пролив.

Во-вторых, Россия, благодаря своему выгодному территориальному расположению, занимает уникальное транзитное положение на континенте, в том числе и в рассматриваемом регионе Черного и Азовского морей. Прежде всего, необходимо учитывать, что Российская Федерация играет довольно значимую роль в рассматриваемом регионе по причине обладания значительной, более 30 % от всей акватории моря, частью территориальных вод и исключительной экономической зоны в Черном море, а также черноморских прибрежных территорий. Также, вся акватория Азовского моря с прибрежными территориями принадлежит исключительно России [10]. Кроме этого, Керченский пролив, соединяющий Азовское и Черное моря, целиком и полностью принадлежит РФ. В связи с изложенным, морским (речным) транспортным средствам нет необходимости платить пошлины, проводить таможенные процедуры, переоформление, перевалку грузов на железнодорожный и автомобильный транспорт, поэтому нельзя не отметить преимущества прямых путей из Каспийского моря и северных районов России по внутренним водным путям через Волго-Донской канал в Азовско-Черноморский бассейн и в обратном направлении. Следует отметить, что российские черноморские порты меньше подвержены влиянию западных санкций и больше ориентированы на дружественные страны несмотря на то, что непростая геополитическая ситуация затронула и рассматриваемый регион. При этом ситуация с использованием портов и коммуникаций Балтийского бассейна совершенно иная. Так, в последнее время отмечались случаи задержания судов под российским флагом или судов, перевозящих грузы из российских балтийских портов, европейскими странами, в первую очередь балтийскими. Поэтому, некоторые участники рынка морских перевозок в качестве одной из альтернатив использования портов Балтийского бассейна рассматривают порты Черного и Азовского морей. Основным транспортным транзитным узлом региона для поставок товаров и перевозки грузов между Европой и Россией и в обратном направлении является Турция. В этом случае, используя для перевалки логистические мультимодальные центры России и Турции, грузы по различным маршрутам будут

перегружаться на морской транспорт и перевозиться по морям Азово-Черноморского бассейна. Этим же путем российские товары могут доставляться в Северную Африку, страны Южной и Юго-Восточной Азии. Кроме этого, логистика транспортных коридоров, проходящих через Черноморский регион, задействуется для перевозки товаров из Азии в Европу и в обратном направлении, а также для обеспечения региональных грузопотоков. Для обеспечения перевозки грузов используются существующие морские (речные) транзитные магистрали между портами Причерноморских и Прикаспийских государств, Азовского моря и по рекам Волга и Дон на территории России. Для развития морской логистики указанных маршрутов в соответствии с Указами Президента и Постановлениями Правительства РФ проводится усовершенствование морской логистической и портовой инфраструктуры, в первую очередь касательно модернизации работы мультимодальных логистических центров для эффективной перевалки грузов [5]. Данные факторы, учитывая возможность использования прямых российских внутренних транспортных коммуникаций для доставки товаров и грузов с портов Дальнего востока, Балтийского и Белового морей через Транссибирскую магистраль и внутренние водные пути, значительно упрощают перемещение грузов и товаров на значительные расстояния исключая необходимость различных логистических и таможенных издержек, что существенно сокращает сроки доставки и повышает безопасность на транспорте.

Необходимо отметить неизменность транзитной роли геостратегического и геополитического положения Черноморского региона в поставках ресурсов и товаров даже с учетом проведения активных боевых действий на территории Украины и в Черном море. При наличии отдельных фактов нападения на суда в Черном море, транзитная роль Черноморского региона не снижает своей актуальности с учетом препятствования судоходству со стороны европейских стран посредством создания множественных проблем РФ, связанных с усложнением транзита грузов, в том числе непосредственно с захватов судов так называемого российского «теневого» флота в Балтийском и Северных морях Атлантического океана. Следует обратить внимание на многочисленные факты препятствования поставкам российских энергоресурсов в европейские страны, такие как подрывы подводных газопроводов «Северный поток – 1, 2» в Балтийском море, прекращение поставок по газопроводам и нефтепроводам по территории Украины. Однако при этом были значительно увеличены объемы прокачки газа по трубопроводам «Голубой поток» и «Турецкий поток», которые проходят по дну Черного моря. Также, в результате прекращения подачи Украиной нефти по трубопроводу «Дружба» в Венгрию и Словакию рассматривается возможность поставок нефти в эти страны по морю через порты Адриатического моря и далее через Хорватию [2]. Кроме этого, после повреждения в ноябре 2025 года в результате ударов украинских беспилотных морских дронов оборудования в Новороссийске Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), обеспечивающего 80 % экспорта нефти Казахстана, нынешняя администрация президента США Трампа жестко предупредила украинское правительство о нежелательности таких действий в дальнейшем в связи с экзистенциальной угрозой для американских инвестиций в регионе, в первую очередь для крупнейшего акционера – американской энергетической компании Шеврон Корпорэйшн [6].

В-третьих, учитывая географические и экономические особенности региона, в ряде случаев перевозка грузов осуществляется по мультимодальным логистическим маршрутам через другие страны региона с использованием железнодорожного, морского (речного) или автомобильного транспорта. Начиная с 90-х гг. прошлого века страны Евросоюза продвигают создание альтернативных транспортных маршрутов в Азию через страны Черноморского региона, в том числе развивают проект транснационального транзитного коридора ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe Caucasus Asia) из Европы в Азию через страны Закавказья. За счет финансовой поддержки Евросоюза осуществляется интеграция морской транспортной логистики государств Кавказа и Центральной Азии, имеющих выход к Каспийскому и Черному морям, в соответствии с проектом «Логистические процессы и морские магистрали II» (LOGMOS) [9]. Основными игроками в этой международной организации являются Евросоюз и КНР, которые обладают наиболее протяженными коммуникациями и терминалами. Вместе с тем Китай в рамках возрождения Великого шелкового пути развивает в регионе один из маршрутов проекта «Один пояс, один путь» через Центральную (Среднюю) Азию и Кавказ в Европу. Морские государства Черноморского региона – Грузия, Турция, Румыния и Болгария – принимают активное участие в развитии морской логистики в Черном море. В настоящее время пилотные проекты ТРАСЕКА в Черном море предполагают использование новых мультимодальных технологий и унификацию стандартов для оптимизации грузовых потоков между портами региона и внутренними районами стран, не имеющих выхода к морю, через логистические «узловые» центры [3]. Например, в рамках принятых планов по интеграции экономик ТРАСЕКА проводятся мероприятия по

реконструкции и расширению мощностей портов Поти и Батуми (Грузия), упрощению таможенных и портовых процедур, применению полноценных контейнерных перевозок. Необходимо заметить, что при всех существующих разногласиях между нашими странами и довольно сильному внешнеполитическому давлению, Грузия на протяжении длительного времени отказывается вводить санкции против РФ, что положительно влияет на развитие торговли и логистических маршрутов в регионе. Международный транспортный маршрут «Восток - Запад» является мультимодальным маршрутом протяженностью более 11 тысяч км с использованием железнодорожного и морского транспорта по маршруту Северо-Западный Китай, порты на Каспийском и Черном морях, и далее в третьи страны, в том числе через новую железнодорожную линию «Баку – Тбилиси – Карс (Турция)». Также основным преимуществом этого маршрута является сокращение времени на доставку товаров из Китая в Европу по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал – Красное море, при этом он становится альтернативным вариантом транспортным коридорам по территории РФ: «Восток – Запад» (Транссибирская магистраль) и «Север – Юг» через Азовское и Черные моря.

В дополнение к вышеизложенному необходимо учитывать, что рассмотренные маршруты транспортных коммуникаций в последние годы активно развиваются и меняются, в том числе по причине заинтересованности западных стран в ослаблении России посредством сокращения ее транзитных логистических возможностей. В заключении стоит отметить, что несмотря на недобросовестные действия недружественных стран и обострившуюся геополитическую ситуацию в мире, торговые отношения между РФ и странами «глобального юга» продолжают активно развиваться, включая расширение возможностей логистических транснациональных транспортных коммуникаций, в том числе учитывая неизменную актуальность транзитной роли Черноморского региона.

Список литературы:

1. Атаки хуситов привели к падению объема перевозок через Суэцкий канал на две трети / А. Шевченко. – Текст : электронный // Neftegaz.RU : [сайт]. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/831270-ataki-khusitov-priveli-k-padeniyu-obema-perevozok-cherez-suetskiy-kanal-na-dve-treti/?ysclid=mmal0v828d753860941> (дата обращения: 28.02.2026).
2. Венгрия и Словакия начали получать нероссийскую нефть через Хорватию / А. Шевченко. – Текст : электронный // Neftegaz.RU : [сайт]. – URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/916660-vengriya-i-slovakiya-nachali-poluchat-nerossiyskuyu-neft-cherez-khorvatiyu/> (дата обращения: 28.02.2026).
3. Логистические процессы и морские магистрали II в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине : Мастер-план «LOGMOS». – URL: https://traceca-org.org/fileadmin/fm-dam/TAREP/65ta/Master_Plan/Master_Plan_Main_Document_ru.pdf (дата обращения: 28.02.2026). – Текст : электронный.
4. Нефть взлетела почти на 10% на фоне ударов по Ирану, Brent — около 80 долл. США/барр. / А. Хасанова. – Текст : электронный // Neftegaz.RU : [сайт]. – URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/917046-neft-vzletela-pochti-na-10-na-fone-udarov-po-iranu-brent-okolo-80-doll-ssha-barr/> (дата обращения: 02.03.2026).
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027?ysclid=mlinsu7jld213765433> (дата обращения: 28.02.2026).
6. Туманова, К. США объявили Украине демарш за удары по нефтяным объектам в Черном море в 2025 году / Катерина Туманова // Взгляд. Деловая газета : [сайт]. – URL: <https://vz.ru/news/2026/4/7/1408888.html> (дата обращения: 28.02.2026). – Текст : электронный.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.02.2026).
8. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48215> (дата обращения: 28.02.2026).
9. Цыганов А. С. Влияние особенностей северо-западной части Черного моря на развитие морской деятельности в регионе / А. С. Цыганов // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. Сер.: Морская техника и технология. – 2023. – № 2. – С. 95–100.

10. Цыганов, А. С. Трансформация национальных интересов РФ: анализ документов стратегического планирования в сфере национальной морской политики с учетом геополитической ситуации в Черноморском регионе / А. С. Цыганов // Парадигмы истории и общественного развития : сборник научных трудов / Севастопольский государственный университет ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой; – Севастополь, 2025. – Вып. 31. – С. 31–36.

Статья поступила в редакцию 6.03.2026

Tsyganov, A. S. Maintaining the Relevance of the Black Sea Region Transit Role Taking into Account the Current Geopolitical Situation

In today's rapidly changing world, with its transition to a multipolar global order, trade links between global power centers are becoming crucial, the development of which is facilitated by logistical transit communications in various directions. This article examines the reasons for the invariability of the transit role of the Black Sea region amidst the escalating geopolitical situation. Given the increasing competition between global powers, it examines the key factors influencing the routing and rerouting of key transnational transport corridors.

Keywords: Black Sea region, transit role, international transit route, maritime activities, aggravation of the geopolitical situation, transport corridor, transport logistics.

УДК 327.8(460:[64+65+611])

В данной статье анализируется современная культурная политика Испании в странах Магриба (Марокко, Алжир, Тунис). Уделяется внимание официальным документам, регламентирующим внешнюю политику Испании, а также соглашениям Испании со своими средиземноморскими соседями. Приводятся примеры событий, посвящённых сотрудничеству рассматриваемых государств в культурной сфере.

Ключевые слова: внешняя политика, культурная политика, Испания, Магриб, Алжир, Марокко, Тунис.

А. Ю. Опара, ассистент

Севастопольский государственный университет

E-mail: Anastasia.Opara@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ В МАГРИБЕ

Культура издавна является способом продвижения страны на международной арене. По мере развития феномена мягкой силы, культура стала неотъемлемой частью политики и способом оказания влияния. Немаловажным фактором развития сотрудничества между государствами является культурная сфера. Культурная политика государства может быть охарактеризована как совокупность действий, которые осуществляет государство по сохранению, развитию и распространению своей культуры.

Современная Испания активно задействует культурные связи во внешней политике не только в испаноязычных странах. Согласно стратегии внешней политики Испании на 2025-2028 гг. [9], её мягкая сила основана на богатом культурном наследии и её способности оказывать влияние не только на ближайших соседей. История, география, культура и языковые связи позволяют Испании активно реализовывать культурную политику на международной арене. Внешняя политика Испании в Магрибе направлена на обеспечение безопасности, контроль над миграцией, развитие экономического, политического и культурного сотрудничества.

Цель статьи – выявить общее и различное в современной культурной политике Испании в странах Магриба (Марокко, Алжир, Тунис).

Согласно Закону о внешней политике и государственной внешнеполитической службе внешняя политика Испании в культурной сфере направлена на продвижение различных проявлений испанской культуры, содействие интернационализации сферы культуры, а также на сотрудничество и поощрение культурных обменов и знаний об Испании. Культурная деятельность за рубежом также должна соответствовать целям, установленным в европейских стратегиях, целям, установленных на иберо-американском уровне и в ЮНЕСКО. Планирование отраслевых приоритетов и географический фактор учитываются в культурной деятельности за рубежом и будут включены в механизмы культурного обмена и мобильности экспертов. Внешняя деятельность Испании в области культуры способствует защите, продвижению и распространению культур национальностей и регионов, составляющих испанскую нацию, в рамках, предусмотренных статьёй 149.2 Конституции Испании [11].

В 2025 году Министерством культуры Испании был принят План по защите культурных прав [15], который признает культуру как фундаментальное право и общее благо, связанное с благосостоянием, демократией и социальной справедливостью, а также регламентирует выделение денежных средств на культурные мероприятия. Вопрос финансирования часто осложняется тем, что вопросами культурной политики Испании занимаются разные ведомства.

Сотрудничество Испании со странами Магриба носит многоуровневый и многовекторный характер. Исторически народы, населяющие территории современных Испании, Марокко, Туниса, Алжира, взаимодействовали. В культурной сфере образовался особый пласт андалузской культуры, сформированной в Аль-Андалус — территории на Пиренейском полуострове, которая находилась под мусульманским владычеством в период арабского завоевания. На современном этапе сохранение андалузской культуры является важной частью сотрудничества в сфере культуры Испании со странами Магриба. Это сотрудничество основано на их географической близости, общих интересах в Средиземноморье и Атлантике, а также на общих стратегических приоритетах, направленных на миграционный контроль, расширение торговли и поддержание региональной стабильности.

Реализация мягкой силы Испании связана с деятельностью Института Сервантеса, который занимается распространением испанского языка и культуры. Большое количество филиалов расположено в Магрибе: шесть в Марокко (Рабат, Касабланка, Фес, Танжер, Тетуан и Марракеш), два в Алжире (Алжир и Оран) и один в Тунисе.

Соглашение о стратегическом сотрудничестве от 03.10.2012 г. между Королевством Испания и Королевством Марокко предусматривает сотрудничество на всех уровнях: защиту культурного разнообразия и интеллектуальной собственности на национальном и международном уровнях; поддержку библиотек и архивных организаций, обмен и распространение книг и каталогов; обмен опытом в области археологических исследований, музейном деле, искусстве, ремёслах и социально-культурной деятельности; сохранение и реставрацию культурного наследия (в т. ч. в рамках конвенций ЮНЕСКО 1972 и 2003 г.); подготовку кадров в сферах музыки, театра, кино, дизайна и др.; взаимные гастроли артистов и творческих коллективов, участие в фестивалях; проведение художественных выставок и организацию тематических культурных мероприятий; совместные семинары и мероприятия в области искусства; развитие киносотрудничества, сохранение и оцифровку аудиовизуального наследия; поддержку радио- и телевидения как каналов трансляции культурного контента [5].

В 2023 г. был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в различных сферах, включая вопросы миграции, туризм, инфраструктуру, водные ресурсы, сельское хозяйство, образование, социальное обеспечение, транспорт, охрану здоровья, а также научные исследования и разработки [2].

В 2025 г. Институт Сервантеса совместно с Министерством культуры Марокко организовывал ряд крупных фестивалей, также в сотрудничестве с Национальным советом Союза архитекторов, Высшим советом марокканской диаспоры проводятся различные мероприятия по сохранению культурного наследия, переводится литература с испанского на арабский и с арабского на испанский языки [1].

Характерно, что культурная политика Испании связана не только с распространением испанской культуры, но и с распространением и знакомством граждан Испании с другими культурами. Для этого в Испании созданы инструменты публичной дипломатии – Дома. Деятельность сразу нескольких домов (Дом Арабской культуры, Дом Средиземноморья, Дом Африканской культуры) пересекается в реализации культурной политики в Магрибе.

С марта 2026 г. в штаб-квартире Дома Арабской культуры в Кордове проходит фотовыставка под названием «Пространство амазигов». Выставка демонстрирует природные ландшафты Марокко и призвана дать представление об истории и культуре амазигов (берберов) [6].

В 2023 и 2024 гг. был реализован проект «Городское наследие и традиционные строительные навыки в регионе Южного Средиземноморья», который состоял из серии национальных семинаров, проведённых в странах-участницах, включая Алжир (апрель 2024 г.) и Тунис (декабрь 2023 г.). Проект был запущен Союзом для Средиземноморья (The Union for the Mediterranean) и Представительством ЮНЕСКО в Магрибе, а Дом Арабской культуры выступила организатором этого важного регионального совещания в Испании [14].

В сотрудничестве с Марокко ежегодно проводится ряд мероприятий. Посольство Испании представило в феврале 2026 г. Ежегодную культурную и научную программу, реализуемую при поддержке Института Сервантеса, Фонда Трёх культур и Дома Арабской культуры. Программа на 2026 г. посвящена андалузскому наследию, музыке и гастрономии и реализуется в таких городах, как Тетуан и Танжер [8]. Сохранение андалузского наследия можно считать одним из краеугольных камней сотрудничества Испании и Марокко в культурной сфере.

Согласно Договору о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Королевством Испания и Алжирской Народно-Демократической Республикой, подписанный в Мадриде 8 октября 2002 г. в культурной сфере сотрудничество направлено на поддержание образовательной среды, развитию испанского языка в Алжире и арабского языка в Испании, на проведение совместных мероприятий в области искусства, культуры и спорта, на поощрение действий по охране и использованию общего исторического и культурного наследия.

Несмотря на приостановку действия договора Алжиром из-за позиции Испании по вопросу Западной Сахары в 2022 г., страны возобновили сотрудничество в 2024 г. во многих сферах.

Обновлённая программа студенческого обмена между Университетом Орана и Университетом Аликанте позволяет двум студентам в семестр за счёт государства пройти обучение по обмену, если они владеют испанским или английским языками. Аналогичные соглашения заключены с Университетом Гранады, в которых особое внимание уделяется академическим, научным и культурным связям. Испанский язык преподается на многих факультетах Университета Орана, что

способствует межкультурному диалогу. По словам Салаха Эддина Салхи, профессора Университета Толедо, университеты играют ключевую роль в развитии двухсторонних отношений [13].

В 2025-2026 гг. Институт Сервантеса подписал спонсорские соглашения с компаниями «Cepsa Algerie» и «Repsol» для проведения различных мероприятий: Европейский день языков, Фестиваль танцев, встреча евро-алжирских писателей, Международный фестиваль комиксов в Алжире (FIBDA) и Международная книжная ярмарка в Алжире (SILA). В число текущих мероприятий входят туристические маршруты, связанные с Мигелем де Сервантесом (посвящённые его пленению в Алжире) и заявки через ЮНЕСКО на посещение испанских крепостей Орана. Такие мероприятия, как Неделя Оран-Аликанте, способствуют расширению взаимодействия в области культуры и науки [12].

Не менее значимой частью внешней политики Испании в Магрибе является её сотрудничество с Организацией Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки (ALECSO), штаб-квартира которой находится в Тунисе. Основное направления сотрудничества сосредоточено главным образом на ведущем образовательном и культурном мероприятии – ежегодном арабо-испанском образовательном форуме. В 2024 г. главной темой форума стала андалузская литература и её роль в сохранении и продвижении культурного наследия [4]. Испанские учебные заведения стремятся расширять связи. Например, Университет Саламанки и Испанский институт кибербезопасности подписали пятистороннее соглашение с Лигой арабских государств и другими организациями о сотрудничестве в области искусственного интеллекта и кибербезопасности [10].

Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Королевством Испания и Тунисской Республикой в области культуры предусматривает обмен студентами, преподавателями, исследователями и научной / педагогической документацией; поддержку межвузовских связей и стипендий; проведение совместных мероприятий в сфере искусства, культуры и спорта; охрану и использование общего историко-культурного наследия; взаимораспространение арабского и испанского языков; создание культурных центров на территориях обеих стран [16].

Важной частью сотрудничества между Испанией и Тунисом на современном этапе является культурная программа «В центре внимания – Тунис 2025», проходившая в Испании. Данная инициатива направлена на знакомство с культурой Туниса посредством показов фильмов, выставок изобразительного искусства и музыкальных фестивалей. Программа, которая проходит в Мадриде и Кордове, приурочена к 30-летию подписания Договора о дружбе 1995 г. и направлена на укрепление не только культурных, но и экономических и академических связей.

Министр иностранных дел Испании отметил, что Тунис является ключевым партнером Испании на двустороннем и региональном уровнях, особенно в деятельности Союза для Средиземноморья [3].

Параллельно с этим, такие мероприятия, как конференция «Аль-Андалус – мост между культурами» в Тунисе, организованная совместно с Институтом Сервантеса, становятся местом встречи официальных лиц и учёных, таким образом подчеркивая, что общее андалузское наследие служит основой современной культурной дипломатии.

Испания и Тунис активно работают над сохранением своего общего наследия и популяризацией современного искусства. Министр культуры Туниса на встрече подчеркнул важность обучения в области реставрации и сохранения культурного наследия. Особое внимание уделяется обучению игре на традиционных музыкальных инструментах, обмену опытом в области изобразительного искусства посредством проведения мероприятий и художественных выставок. Влияние андалузской архитектуры на дизайн Северной Африки является постоянной темой, освещаемой на выставках и научных дискуссиях [7].

Таким образом, проводимая внешняя культурная политика Испании соответствует целям и задачам, установленным в стратегических документах. Так же внешняя культурная политика Испании в странах Магриба соответствует целям и задачам, установленным двусторонними соглашениями. Как видно из деятельности Испании отдельно в каждой стране — политика проводится схожим образом. Испания сотрудничает с Марокко, Алжиром, Тунисом как на двустороннем уровне, так и в рамках сотрудничества различных межправительственных организаций. В каждой из рассмотренных стран мягкая сила реализуется через деятельность Института Сервантеса, Дома Арабской культуры, и связана с сохранением общего андалузского культурного наследия.

Список литературы:

1. Испания и Марокко укрепляют культурное сотрудничество в 2025 году. — Текст : электронный // Walaw. — URL: https://ru.walaw.press/articles/ispaniya_i_marokko_ukreplyayut_kulturnoe_sotrudnichestvo_v_2025_godu/GMWWSGGFFLQX (дата обращения: 07.07.2025).
2. 12th HLM Morocco-Spain: signing of several cooperation agreements. — Текст : электронный // Ministry of Foreign Affairs, African Cooperation and Moroccan Expatriates. — URL: <https://diplomatie.ma/en/12th-hlm-morocco-spain-signing-several-cooperation-agreements> (дата обращения: 07.07.2025).
3. Albares meets his Tunisian counterpart Nafti as part of the 30th anniversary of the Treaty of Friendship between the two countries. — Текст : электронный // Exteriores.gob.es. — URL: https://exteriores.gob.es/en/Comunicacion/NotasPrensa/Paginas/2025_NOTAS_P/Albares-se-reune-con-su-homologo-tunecino-Nafti,-en-el-marco-del-30-aniversario-del-Tratado-de-Amistad-entre-ambos-paises--.aspx (дата обращения: 07.07.2025).
4. ALECSO organizes 3rd Annual Arab-Spanish Educational Forum. — Текст : электронный // ALECSO. — URL: <https://alecso.org/nsite/en/newscat/4491-المنتدى-تنظم-الألكسو-السنوي-الإسباني-العربي-التربوي> (дата обращения: 07.07.2025).
5. BOE-A-2013-8379. Aplicación provisional del Convenio de Asociación Estratégica en materia de Desarrollo y de Cooperación Cultural, Educativa y Deportiva entre el Reino de España y el Reino de Marruecos, hecho «ad referendum» en Rabat el 3 de octubre de 2012. — Текст : электронный // MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS AFRICAN COOPERATION AND MOROCCAN EXPATRIATES : [сайт]. — URL: <https://diplomatie.ma/en/12th-hlm-morocco-spain-signing-several-cooperation-agreements> (дата обращения: 07.07.2025).
6. Casa Árabe. Conference series: Amazigh Spaces. — Текст : электронный // Casa Árabe : [сайт]. — URL: <https://en.casaarabe.es/eventos-arabes/show/conference-series-amazigh-spaces-المنتدى-الآرابي-الأسباني-الآزغالي> (дата обращения: 07.07.2025).
7. Developing the existing cultural cooperation between Tunisia and Spain. — Текст : электронный // IFACCA — International Federation of Arts Councils and Culture Agencies. — URL: <https://ifacca.org/news/2024/11/20/developing-existing-cultural-cooperation-between-t/> (дата обращения: 07.07.2025).
8. España refuerza su diálogo cultural con Marruecos a través del programa anual de actividades culturales 2026. — Текст : электронный // Atalayar. — URL: <https://www.atalayar.com/articulo/cultura/espana-refuerza-dialogo-cultural-marruecos-traves-programa-anual-actividades-culturales-2026/20260204184715223112.html> (дата обращения: 07.07.2025).
9. ESTRATEGIA DE ACCIÓN EXTERIOR DE ESPAÑA 2025–2028. — Текст : электронный // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. — С. 67. — URL: <https://www.exteriores.gob.es/es/PolíticaExterior/Paginas/Estrategia-de-Accion-Exterior-2025-2028.aspx> (дата обращения: 07.07.2025).
10. Five-Party Agreement Signed Between Arab Academy, Arab League, Spanish Institute, University of Salamanca, and Caribbean Parliamentary Union. — Текст : электронный // Arab Academy for Science, Technology & Maritime Transport. — URL: https://aast.edu/en/services/media-affairs/news-details.php?language=1&view=1&unit_id=483&news_id=486105029&event_type_id=1 (дата обращения: 07.07.2025).
11. Ley 2/2014, de 25 de marzo, de la Acción y del Servicio Exterior del Estado. — Текст : электронный // Boletín Oficial del Estado. — URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2014/BOE-A-2014-3248-consolidado.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).
12. Resolución de 23 de julio de 2025, de la Secretaría General Técnica, por la que se publica el Convenio entre el Instituto Cervantes y Cepsa Algerie, SL, para el desarrollo de actividades culturales y académicas del Instituto Cervantes en Argelia en 2025 y 2026. — Текст : электронный. — URL: <https://www.derecho.com/boe/resolucion-de-23-de-julio-de-2025-de-la-secretaria-general-tecnica-por-la-que-se-publica-el-convenio-entre-el-instituto-cervantes-y-cepsa-algerie-sl-para-el-desarrollo-de-actividades-culturales-y-academicas-del-instituto-cervantes-en-argelia-en-2025-y-2026-832633> (дата обращения: 07.07.2025).
13. Salah Eddine Salhi. La cooperación entre Argelia y España debe ir más allá del sector energético y apostar por la tecnología, el turismo y la educación. — Текст : электронный // Casa Mediterráneo. — URL: <https://casa-mediterraneo.es/salah-eddine-salhi-la-cooperacion-entre-argelia-y-espana-debe-ir-mas-alla-del-sector-energetico-y-apostar-por-la-tecnologia-el-turismo-y-la-educacion/> (дата обращения: 07.07.2025).

14. The Final Meeting of the programme «Urban Heritage and Traditional Building Skills in the Southern Mediterranean Region» builds on national workshops' results and looks to the future. — Текст : электронный // UFM Secretariat. — URL: <https://ufmsecretariat.org/urban-heritage-traditional-building-skills-final-meeting/> (дата обращения: 07.07.2025).

15. The Ministry of Culture launches the Cultural Rights Plan, a commitment to culture as a fundamental right. — Текст : электронный // IFACCA — International Federation of Arts Councils and Culture Agencies. — URL: https://ifacca.org/news/2025/07/08/ministry-culture-launches-cultural-rights-plan-com/?utm_medium=email&utm_campaign=ACORNS%20462%20Launch%20of%20the%2010th%20World%20Summit%20Report&utm_content=ACORNS%20462%20Launch%20of%20the%2010th%20World%20Summit%20Report+CID_0f2 (дата обращения: 07.07.2025).

16. Tratado de Amistad, Buena Vecindad y Cooperación entre el Reino de España y la República de Túnez, firmado en Túnez el 26 de octubre de 1995. — Текст : электронный // Boletín Oficial del Estado (BOE). — URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1997-409 (дата обращения: 07.07.2025).

Статья поступила в редакцию 10.03.2026

Opara, A. Yu. *Cultural Policy of Spain in the Maghreb*

The article analyzes the modern cultural policy of Spain in the Maghreb countries (Morocco, Algeria, Tunisia). Attention is paid to official documents regulating Spain's foreign policy, as well as Spain's agreements with its Mediterranean neighbors. Examples of events dedicated to the cooperation of the states under consideration in the cultural sphere are given.

Keywords: foreign policy, cultural policy, Spain, Maghreb, Algeria, Morocco, Tunisia

УДК 261.5:[378.147:902]

В статье рассматриваются проблемы теологического образования в университетах современного Крыма, и как одной из составляющей подготовки теологов - церковной археологии. Именно теология является дисциплиной, сохраняющей самоидентификацию национальной духовной традиции в образовании и науки. Древние артефакты Крыма наиболее ярко подчёркивают выраженное значение необходимости изучения религиозной составляющей жизни наших предков, а для магистрантов, это получение неоценимого опыта практического погружения в научный мир теологических и археологических исследований.

Ключевые слова: археология, христианство, Церковь, теология, образование, магистратура, морально-нравственные ценности.

А. И. Бояркин, доцент, канд. пед. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aiboyarkin@mail.sevsu.ru

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Перспективы развития российского общества в сфере отечественного образования диктуют тенденции к использованию традиционных религиозных ценностей, основой которых должна служить теология. К церкви и религии сегодня обращаются очень многие люди, ища в ней свою культурную идентичность и смысл своей жизни.

Серьезным шагом в развитии гуманитарных научных дисциплин стало создание кафедры «Теология и религиоведение». Она является единственным структурным подразделением в Крыму и Севастополе, которое уже шестой год готовит магистрантов по направлению 48.04.01 Теология (профили: Государственно-конфессиональные отношения и Историко-культурные аспекты Православия), используя очную и очно-заочную форму обучения.

Кафедра имеет высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав. 100% педагогов имеют степени кандидата наук. Активно привлекаются для преподавания кандидаты богословия Симферопольской и Крымской епархии Русской Православной Церкви.

Успешно реализуя современную модель развития высшего профессионального образования наш университет, наравне с обучением студентов, большое внимание уделяет развитию науки, показывая этим многообразие опыта человечества развивать различные области знания, в том числе и религиозные, которые и призвана излагать и выражать теология. Наука, в этой связи, должна понимать, что без духовной составляющей она не сможет сформировать и объяснить общую картины нашего мира. Теология в вузе невозможна без развития богословской науки. Исследовательские и учебные направления должны быть взаимосвязаны. В этой связи, важное значение имеет участие наших магистрантов в реальных научных изысканиях в рамках национального проекта «Наука и университеты», который успешно реализуются по соглашению с Минобрнауки Российской Федерации.

Исследовательские и учебные направления должны быть взаимосвязаны. В этой связи, важное значение приобретает сотрудничество кафедры с такими организациями как Научно-образовательной теологической ассоциацией, межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых». Участие в мероприятиях, проводимых этими организациями, позволяет значительно усилить научный подход в образовательном процессе. Магистранты, работая над выпускными квалификационными работами, используют научный подход и богатые религиозные традиции народов полуострова, тем более, что Крым является колыбелью православия на Руси.

Особое внимание руководство университета уделяет проекту «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья и Средиземноморья», который напрямую связан с географическим расположением Крыма и Севастополя. Одной из составляющих этого проекта является археология, как отрасль исторической науки, изучающая прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников.

Археология формирует базовые представления об основных типах и видах археологических источников по истории культуры и ориентирует студентов в отборе наиболее значимых артефактов из континуума культуры [1].

История древнего Крыма даёт нам возможность не только теоретически, на основе письменных источников изучать жизнь народов населяющих эту территорию, но и практически, через археологические памятники прикоснуться к истории, исследуя древние артефакты. Для использования в учебном процессе особую историческую и археологическую ценность представляют территории современного Севастополя.

Севастополь – сакральное место нашей страны. Херсонес – Корсунь – Севастополь, как и Москва со временем, начиная с IX века, являлся точкой духовной сборки русского народа. Можно говорить, что именно отсюда есть, пошла земля русская православная. Именно отсюда на всю территорию нашего государства-цивилизации транслировался уникальный духовно-нравственный, ценностный код. Именно здесь и в IX и в XX веках потомки князя Владимира, носители этого духовно-нравственного кода проявляли крайнюю степень кеносиса – добровольного жертвования собой ради спасения своей родины, своих родных и близких.

Представляется справедливым, обоснованным и логичным, что в настоящее время, в первой четверти XI века, именно в Севастополе – центре сакрального и особого исторического значения – по Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» формируется Центр духовно-нравственного развития, духовно-просветительский и научный центр – Новый Херсонес. На территории нового комплекса были проведены масштабные археологические работы, в ходе которых было обнаружено около 3,5 миллионов уникальных находок, многие из которых будут представлены в музейных пространствах музеев Крыма, Античности и Византии, Христианства, а также реконструкции средневекового квартала древнего города времен князя Владимира и амфитеатра.

В этих условиях востребованность специалистов, способных обеспечить деятельность такого кластера неизмеримо возрастает и это является одной из основных задач кафедры «Теология и религиоведение».

Для теологического образования мы более подробно рассмотрим церковную археологию, как одно из направлений, послуживших основой для формирования и развития научного и богословского знания.

Церковная археология – дисциплина, изучающая предметы материальной культуры христианства, в частности церковные сооружения, богослужебные принадлежности, иконографию, погребения, надгробия, эпиграфику, святыни. Термин «церковная археология» может использоваться условно — он может обозначать всё, что когда-либо существовало в древней церкви, а теперь отчасти вышло из употребления, отчасти ещё существует, но уже в изменённом виде. В классическом понимании церковная археология - отрасль теологии и богословская учебная дисциплина, предметом изучения которой являются материальные памятники, связанные с историей церкви, которые интерпретируются методами археологии с позиций христианского учения [2].

В своей основе магистранты используют в своих работах изучение христианского быта, предпочтительно монументальную форму – вещественные артефакты, которые составляют обстановку и материал религиозных традиций богослужения: религиозные сооружения как архитектурное целое со всеми приспособлениями, относящимися к богослужению, церковная живопись и так далее.

На кафедре разработана и внедрена в учебный процесс рабочая программа дисциплины «Современные аспекты церковной археологии» для обучающихся направления подготовки по специальности «Теология». Целью освоения дисциплины является ознакомление магистрантов с современными аспектами церковной археологии, историей формирования, развития, трансформации церковного искусства, архитектуры, материальной культуры, историей исследования памятников церковной археологии и современного состояния науки.

Одной из составляющих проекта «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья и Средиземноморья» является научно-исследовательский проект «Сакральный ландшафт Таврики». Концептуальное направление этого проекта основывается на том, что восточнохристианская цивилизация, к которой принадлежит и Россия, представляет собой не политический или экономический, а культурно-религиозный феномен, генезис и эволюционное развитие которого основывается на определённой ценностной модели, ядром которой служит христианская религия, а культурной оболочкой – античная (преимущественно греческая) литературная, эстетическая, философская и социально-политическая традиция.

Важнейшим этапом в истории восточнохристианской цивилизации явился период Поздней Античности и Средневековья, известный как «византийский». Именно в Византии сформировались базовые элементы восточнохристианской цивилизации, к которым следует отнести: теократическую империю, церковно-административную структуру во главе с пятью патриархатами, монашество как школу духовного воспитания и социально-значимую нравственную силу, особую двусоставную форму образования (органично сочетававшую, а не противопоставлявшую «мирские» и «духовные» науки), христианскую литературную и эстетическую традицию (агиография, иконография) и строгую систему ортодоксального вероучения (догматы и каноны). Эти элементы формировали поле цивилизационного пространства, включавшего в себя не только собственно территорию «Христианского Царства» (самоназвание Византийской империи), но и широкую периферию контактных зон на византийском порубежье, где восточнохристианская цивилизация развивалась без прямой политической поддержки имперского центра, а временами и в конфронтации с ним (например, в период иконоборчества). Несущим каркасом цивилизации выступали не столько административные структуры, сколько институты и инструменты «мягкой силы» — в первую очередь культурного, информационно-просветительского и эстетического воздействия. Гибкость и адаптивность данной системы, ее малая уязвимость для политических и экономических потрясений обеспечили существование «византийского мира» восточнохристианская цивилизация в течение 15 столетий (IV–XX вв.), в том числе и его беспрецедентную выживаемость в «токсичной» внешней среде. Актуальность данного исследования заключается в том, что накопленный за века уникальный опыт «византийского мира» представляет собой неотъемлемую часть интеллектуального и культурного наследия России, принадлежащей к той же цивилизационной группе, что и Византийская империя. Общность «ценностного кода» Византии и России позволяет предполагать успешность приложения доказавших свою эффективность институтов и традиций для решения актуальных задач и преодоления вызовов современности. В условиях обострения конкуренции глобалистических проектов только опора на традиции восточнохристианская цивилизация обеспечивает России стратегическое ресурсное преимущество в виде цивилизационного наследия «Нового Рима» (1500 лет Византии) и «Третьего Рима» (500 лет имперской России). Игнорирование этого ресурса и попытки разработки альтернативных цивилизационных проектов несут в себе неприемлемые цивилизационные риски и чреваты разрушением Российской суверенной государственности. Ввиду этого изучение институтов и традиций восточнохристианской цивилизации, в первую очередь имевшихся (и имеющих) в ее распоряжении инструментов «мягкой силы» входит в число приоритетных задач отечественной науки.

Для магистрантов очень важно понимать, что именно сакральный ландшафт Таврики должен быть объектом исследования, как совокупность географически и топографически привязанных (как физически, так и ментально) элементов цивилизационного поля восточнохристианская цивилизация, включающих: монастыри, храмы, святые места, святыни, сказания и традиции, паломнические маршруты.

На данном этапе исследования в центре внимания определены святые места и святыни (монастыри, храмы, иконы, реликвии) регионов византийского порубежья, в первую очередь — Крымского полуострова.

Одной из научно-исследовательских баз такого исследования и является наша кафедра. Мы понимаем, что для его успешной реализации необходимо привлечение академических ресурсов в лице специалистов по истории и культуре Крыма из научных и образовательных организаций Москвы, Симферополя, Белгорода, Санкт-Петербурга. Сотрудничество с иностранными коллегами рассматривается как перспективное, но должно быть начато на следующих этапах проекта, когда будет оформлено его методологическое и организационное ядро.

Одной из первых задач, в рамках проекта, кафедра определила исследование пещерных городов в окрестностях города Севастополя для получения сравнительного анализа уже исследованных пещерных городов Сирии, Абхазии и Армении.

Результаты состоявшейся экспедиции в Абхазию показали эффективность сотрудничества с Абхазским государственным университетом. Были получены уникальные данные о зарождении христианства на древней абхазской земле.

В рамках проекта на кафедре организуются факультативные занятия, прежде всего по дисциплине «Современные аспекты церковной археологии». Хочется отметить, что у студентов это научное направление вызывает неподдельный интерес.

Возрастающий интерес к святыням любых вер и конфессий, проступивший на фоне современного тотального распространения и широкого тиражирования всевозможных форм мистицизма, делает необходимым отклик в сфере изучения святынь и реликвий для профессиональных

университетских исследований. В этом плане пещерные святыни вообще, и христианские в частности, наиболее овеянные ореолом таинственности, вызывают повышенный интерес, что делает эту тему актуальной [3].

Территория Севастополя имеет большое количество христианских археологических памятников. Наиболее интересные для исследования магистрантами нашего университета можно выделить археологические комплексы Инкерманской долины. Эта долина находится в нижнем течении реки Чёрной. Османы называли долину «пещерная крепость» так как на Монастырской скале расположена крепость Каламита, построенная на византийских укреплениях в VI веке.

Основным объектом для археологических исследований для наших магистрантов была выбрана Загайтанская скала. Её скальные сооружения, в отличие от других пещерных комплексов Инкермана, практически полностью выпали из поля зрения исследователей. Труднодоступность (в некоторые помещения невозможно попасть без специального снаряжения), плохая сохранность привели к тому, что они осматривались поверхностно.

Первые пещерные церкви на Загайтанской скале скорее всего появились в IX–XI вв., однако большинство церквей и монашеских келий нужно относить к эпохе княжества Феодора XIV–XV вв.

Издавна Загайтанская скала напоминает пчелиные соты, как бы будучи вся испещрена пещерами. Но если подойти поближе и подняться к ее основанию по крутой осыпи, невольно испытываешь чувство разочарования. То, что казалось рукотворными криптами древних монахов-анакоретов на поверку оказывается результатом естественного процесса выветривания. Значительная часть искусственных пещерных сооружений разрушена обвалами и большинство из них недоступны без специального оборудования. Здесь надежно выделяются три больших комплекса: в западной оконечности (около 25 пещерных сооружений), многоярусный комплекс в центральной части (около 70 пещерных сооружений) и восточный комплекс (более 50 искусственных пещер) [4].

Современные исследователи Загайтанских пещер Т.А. Бобровский и Ю.М. Могаричев, опираясь на расположение жилых келий и пещерных храмов предполагают, что в этих пещерах скорее всего жили монахи-келлиоты. Жизнь этих монахов для исследователей представляет большой интерес, так как жили они без общего монастырского устава. Используя аналогию с монахами-келлиотами афонских монастырей можно предположить, что жили они в кельях, вне территории монастыря, но по соседству с ним. Эти кельи располагались в пещерах, которые вырубались в мягкой скальной породе или использовали готовые природные углубления. Для богослужений келлиоты использовали небольшие храмы и часовни, также располагающиеся в Загайтанских пещерах. На сегодняшний день их насчитывается восемь.

Для студентов-исследователей Загайтания интерес представляет церковь Вознесения Господня расположенная на юго-западе скалы. Такое обустройство храма мы находим в Византии десятого века. На сегодняшний день из-за обвала и работ в каменоломне большая часть храма утрачена. Одной из задач для студентов является теоретическое воссоздание утраченных элементов.

Второй заслуживающий внимания храм можно с полным правом назвать одним из самых значительных открытий в Крыму последних десятилетий. В 2004 году исследователи Т.А. Бобровский и Е.Е. Чуева обнаружили пещерную церковь, расписанную фресками. Памятник расположен в верхней части скалы на высоте 20–25 метров от подножия. К нему ведет относительно пологая терраса со следами вырубных ступеней, которая некогда связывала разные ярусы упомянутого выше пещерного комплекса в центральной части скалы. Не исключено, что раньше она имела вид пещерного коридора. Однако сегодня проход к церкви разрушен обвалами скального массива и возможен только при помощи альпинистского снаряжения [5].

Изучение пещерных сакральных комплексов с широким спектром практических навыков при проведении работ с современными методиками полевых исследований обеспечивают магистрантам-теологам необходимые компетенции в области церковной археологии.

Кроме того, для наших магистрантов, как для людей по преимуществу верующих, любой объект археологического изучения – еще и объект религиозного почитания, святыня. Это обстоятельство никогда не следует забывать. Тщательность, бережность, аккуратность, уважение к объекту как к религиозной святыне (пусть и не используемой теперь по назначению) – вот постулаты настоящего теолога.

На летний период обучения запланирована археологическая школа, которая будет проводиться на базе археологической экспедиции Государственного историко-археологического музея заповедника «Херсонес Таврический», исследующей объект культурного наследия средневековый пещерный монастырский комплекс в склоне Загайтанской скалы. Она проводится силами преподавателей кафедр

«Всеобщая история и мировая культура» и «Теология и религиоведение» Севастопольского государственного университета с привлечением специалистов археологов.

Программа Летней школы включает в себя три базовые взаимосвязанные составляющие.

1. Участие в археологической экспедиции на территории средневекового пещерного монастырского комплекса Загайтанской скалы.

2. Теоретическое и практическое обучение участников.

3. Проведение просветительских мероприятий по итогам экспедиций направленных на популяризацию памятников культурно наследия Крыма, развитие внутреннего научно-образовательного туризма.

Обучение в летней школе подразумевает участие в теоретических и практических занятиях, мастер-классах, практикумах. В рамках реализации программы летней школы планируется обучение методикам ведения археологических полевых работ с учетом особенностей спелеологических памятников; знакомство с основами ведения полевой документации, фиксации археологических объектов; особенностями камеральной обработки материала.

Проект имеет междисциплинарный характер: археологический, исторический, религиоведческий, историко-культурный. Проект, в том числе, направлен на популяризацию знаний истории Крыма, истории христианства и церковной археологии, теологии и религиоведения; обеспечение условий для реализации творческого потенциала студенческой молодежи; формирование в молодежной среде экспедиционных компетенций, как ключевого фактора в развитии кадрового потенциала исследовательской деятельности общества и государства; сочетание исследовательских, образовательных и просветительских мероприятий с активным отдыхом студентов в формате образовательного туризма. По итогам проведения Летней школы планируется проведения презентации результатов, проведение круглых столов, публикации в научных и научно-популярных изданиях.

В заключении можно отметить, что церковная археология, в рамках изучения основ теологии, безусловно, стала востребованным образовательным направлением. А сама теология, как свидетельствует мировой исторический опыт, является дисциплиной, сохраняющей самоидентификацию национальной духовной традиции в образовании и науке.

Список литературы:

1. Археология / под ред. В. Л. Янина. – [М.] : Изд-во Моск. ун-та, 2006. – 605 с. : ил.
2. Археология христианства // Православная энциклопедия : электронная версия. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/76478.html> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Шевченко, Ю. Ю. К вопросу о методике датировки первохристианских пещерных храмов восточной Европы // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма : сб. / ред.-сост. В. В. Хапаев, М. М. Чореф. – Симферополь, 2011. – Вып. III. – С.167-172.
4. Бобровский, Т. А. К вопросу о характере пещерных комплексов Инкерманской долины в юго-западном Крыму / Т. А. Бобровский, Е. Е. Чуева // Сугдейский сборник. – 2005. – Т. 2. – С. 12-24.
5. Васильев А. Инкерман: Загайтанская скала // Княжество Феодоро : [сайт]. – URL: <https://mangup.su/zemli/monastyri/inkerman-zagajtanskaya-skala.html> (дата обращения: 20.01.2026).

Статья поступила в редакцию 29.01.2026

Boyarkin, A. I. Church Archaeology as an Element of Theological Education

The article discusses the problems of theological education in the universities of modern Crimea, and as one of the components of theological training, church archaeology. Theology is a discipline that preserves the self-identification of the national spiritual tradition in education and science. The ancient artifacts of Crimea highlight the importance of studying the religious aspects of our ancestors' lives, and for master's students, it provides invaluable experience of practical immersion in the scientific world of theological and archaeological research.

Keywords: archaeology, Christianity, Church, theology, education, master's degree, moral values.

УДК: 140.8:821.161.1Чехов.07

Анализируются качества личности интеллигента в России второй половины XIX в., выявленные А. П. Чеховым в письмах к родным, друзьям и соратникам. Обосновывается принадлежность писателя к русской творческой интеллигенции, имеющей общую духовно-нравственную основу и русско-славянское происхождение; осмысливается критическое отношение прозаика к данному феномену в конкретный исторический период времени. Рассматривается влияние гуманистических идей А. П. Чехова на формирование мировоззрения личности человека-интеллигента – носителя ценностей культуры современного информационного общества.

Ключевые слова: А. П. Чехов, личность, интеллигент, философ, гуманист, воспитание, образование.

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: Korol_Irina9@mail.ru

А. П. ЧЕХОВ – ИНТЕЛЛИГЕНТ, ФИЛОСОФ, ГУМАНИСТ

Актуальность темы исследования обусловлена современным антропологическим кризисом европейской модели человека, разрушением форм его культурно-исторической идентичности, утратой высших духовных ценностей и острым дефицитом человечности – нравственной доброты, душевной щедрости и теплоты. Во времена, когда открытые нарушения норм морали, цинизм, агрессия, насилие и жестокость становятся массовыми явлениями, в обществе особенно востребованы нравственные идеалы прозаика и драматурга А. П. Чехова, нацеленные на гуманистические подходы к воспитанию человека, на признание его высшей ценностью, человека, уважающего права и достоинство другой личности и неуклонно следующего принципу милосердия как норме взаимоотношений между людьми.

Общеизвестно, что в середине XX века мир столкнулся с глобальной проблемой, когда массовый рост научно-технических знаний и потребительской культуры сформировал техногенного человека с фрагментарным сознанием и размытыми границами между Добром и Злом. Развитие средств массовой информации и интернет технологий – внедрение искусственного интеллекта в жизнь общества обострили эти проблемы и востребовали коррекции аксиосферы современной цивилизации с ее главной ценностью – рационализмом. Антропологический кризис, возникший на рубеже столетий, коснулся и современной России, а неразрешенные противоречия внутренней духовной культуры человека актуализировали необходимость разрешения вопросов несправедливости существующей социальной системы и роли интеллигенции в данных процессах.

Современные историки и философы проводят некоторые исторические параллели между событиями начала XX и начала XXI веков в России и обращают внимание на цикличное повторение хода российской истории.

Конец XIX и начала XX вв. в России справедливо называют переломными во всех сферах жизни общества – экономике, политике, искусстве и культуре в целом. Одним из классиков эпохи, «художником слова», мастером эпистолярного жанра, отражающим духовный кризис своего времени, является прозаик публицист А. П. Чехов. В своих произведениях и писатель не просто передает атмосферу заката конкретного времени – феодального общества в России и перехода к буржуазному типу отношений, а ощущение неминуемой катастрофы жизни человека – Чела нового XX века. Важнейшую для А. П. Чехова мысль высказал автор статьи «Мифологическое в поэтике А. П. Чехова (ответ будущего)» В. Мильдон: «Жизнь страшна, пока человек таков, каков он есть сейчас – и пока он не изменится, жизнь будет прежней, ибо существующий человеческий тип уже не годен, нужны другие люди – „великаны“» [5]. Вероятно, этими великанами драматург А. П. Чехов считал представителей русской интеллигенции.

В русском языке слово «интеллигенция» впервые употребляется в 60-ые годы XIX века, сначала в значении «умственные способности» («мыслительная сила»), но вскоре на русской почве оно получает новое смысловое значение, а именно «социальная группа, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» [9, с. 351]. П. Д. Боборыкин объявил себя первым, кто применил слово «интеллигенция» в социальном значении и утверждал, что заимствовал этот термин из немецкой

культуры, где это слово использовалось для обозначения того слоя общества, представители которого занимаются интеллектуальной деятельностью. В отличие от немецкого языка писатель определял интеллигенцию как лиц «высокой умственной и этической культуры», а не как работников умственного труда [1, с. 88]. По мнению П. Д. Боборыкин «Интеллигенция в России – это чисто русский морально-этический феномен. К интеллигенции в этом понимании относятся люди разных профессиональных групп, принадлежащих к разным политическим движениям, но имеющих общую духовно-нравственную основу» [1, с. 88]. Исследователи данного вопроса подчеркивают два определяющих интеллигенцию признака: образованность и моральные устои. Именно «моральные устои отличают интеллигенцию от синонимического понятия «интеллектуал», которые используются в Западной Европе» [6, с. 839].

Интеллигенция в России второй половины XX в. – это особое неформальное сообщество, объединенное духовным стремлением к реализации общечеловеческих ценностей и идеалов, воплощающихся хотя бы в личном бытии. Представители интеллигенции искали путь к истине, добру и справедливости, ко всему тому, что объединяло людей и придавало их существованию высокий смысл и вырывало их из мизерности повседневного материального бытия. Интеллигенты утверждали духовное лидерство не только своим русско-славянским происхождением; а прежде всего высокой образованностью, нравственным уровнем воспитания; патриотизмом и альтруизмом.

В письме к брату – Николаю Чехову (март 1886 г.) писатель сформулировал несколько черт настоящего интеллигента, каковым и сам он, несомненно, являлся. К интеллигентам писатель относил людей, которые уважают «человеческую личность и умеют прощать, потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам... Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги... Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках.... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат... Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними... Они не суетны... Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом... Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки» [13, с. 223-225].

По мнению А. П. Чехова интеллигентный человек, – это «воспитанный» человек, наделенный чувством такта, который никогда не оденется как мужик. Высказывание доктора М. Л. Астрова – героя пьесы «Дядя Ваня» «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» подчеркивает цельность натуры автора пьесы, который в эмоциональной реплике своего персонажа дает характеристику идеальному человеку [14, с. 83]. В какой бы ситуации ни оказался интеллигент, он не потеряет чувство вкуса как неотъемлемой части интеллигентности. Это касается всего, и внешнего вида, и манеры общения, и речи, и поступков человека. Воспитание интеллигентности начинается с детства, так как повседневная небрежность способна существенно и негативно влиять на ребёнка. В письме к старшему брату Александру Павловичу в октябре 1883 года драматург отмечает: «На ребёнка прежде всего действует внешность, а вами чертовски унижена бедная внешняя форма. Чистое бельё, перемешанное с грязным, органические останки на столе, гнусные тряпки, супруга с буферами наружу и с грязной, как Конторская улица, тесёмкой на шее... — всё это погубит девочку в первые же годы» [11, с. 87.] Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически.

Сам Антон Павлович, интеллигент в первом поколении, критически относился к русской интеллигенции второй половины XIX. В «Письме к И. И. Орлову», 22 февраля 1899 г. писатель выявляет истоки болезни русской интеллигенции своего времени – это ее внутренние пороки и личностное несовершенство. Чехов писал: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Вся интеллигенция виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры» [10, с. 101].

Прозаик подчеркивает, что интеллигент на Руси – это отдельный человек, похожий на святого, – он всё видит и понимает, всем сочувствует, всё оправдывает и принимает свое положение как должное (каково бы оно ни было) потому, что это неизбежность (Божьей ли воли или законов природы, общества – неважно). Типичное сомнение совестливого интеллигента таково: а вдруг решения будут неверными и последствия окажутся ужасными; надо тысячу раз перепроверить, переубедить

несогласных, сомневающихся и т. д. Внутренним контролем интеллигента служит его совесть. «Интуиция совести» позволяет человеку-интеллигенту «проходить все этические ступени совершенства – от этики долга к этике милости» [8]. Однако понятие «интуиция совести» (идея А. А. Ухтомского) предполагает религиозное мировосприятие личности.

А. П. Чехов не был убеждённым атеистом, но не был и религиозным человеком. В своих трудах о русской интеллигенции религиозный философ Н. О. Лосский сказал: «Тяжела была жизнь Чехова в детстве в мещанской среде. Отец и дед его были деспоты. Особенно мучили они детей чрезмерными требованиями исполнения религиозных обрядов и стояниями в церкви. Чехов возненавидел религиозное воспитание. «Религии у меня теперь нет», говорит он в одном из своих писем.... Чехов, бывший в детстве религиозным мальчиком, утратил религию и заменил ее наивною верою в прогресс» [4, с. 78]. Некоторые исследователи считают, что в душе Чехова существовали и боролись два противоположных начала — стремившееся к Богу, православное, и уходящее от Бога, светское, интеллигентское.

Согласно П. Сорокину, современнику А. П. Чехова, интеллигенция – это явление идеациональных культур, которые основаны «на принципе сверхчувственности Бога, как единственной реальности и ценности...» [7, с. 430]. Отличительной особенностью идеациональных культур является то, что все сферы жизни общества имеют ярко выраженный религиозный характер, а сами они устремлены к некоему идеалу, который мыслится достижимым содействием высшей силой или «культурному герою».

Интеллигент и есть тот культурный герой, который как бы сознательно отказывается от социально-нормативных стремлений к обычным благам человеческого бытия – богатству, комфорту, высокому социальному статусу и т.д., тем самым пренебрегая общественным мнением.

Именно таким культурным героем был А. П. Чехов и его сподвижники – современники – Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. В. Гоголь и др. В условиях переходности общества они искали путь к истине, добру справедливости, ко всему тому, что объединяло людей и придавало их существованию высокий смысл и вырывало людей из мизерности их повседневного материального бытия.

Кризисные периоды существования общества – это всегда время, когда возникают вопросы: «Куда и как идти дальше?». На поверхности общественной жизни России второй половины XIX решение этих проблем столкнулось в борьбе двух идеологий: либерализма с его ценностями (индивидуализма, свободного рынка, приоритета капитала, погони за прибылью через эксплуатацию) и идеологии социал-демократии с доминантными общечеловеческими ценностями и идеалами – Свободы, справедливости, солидарности. В предреволюционный период русская интеллигенция начинает распадаться. А. П. Чехов находился в рядах той части передовой интеллигенции, которая выступала за прогресс в общественном развитии на основе гуманистических духовных ценностей и идеалов. В целом, в произведениях писателя отразился большой период жизни реформируемой и предреволюционной России.

Образы и герои, созданные в его художественных произведениях, оказали влияние на формирование нравственно-эстетических идеалов свободной личности в художественной культуре не только России, но и в Европе. А. П. Чехов как философ – гуманист всегда стремился к тому, чтобы направить свои духовные поиски тем, кто в этой информации нуждается. Ключевым средством его воздействия на общественное сознание было Слово, несущее смысл, а средством влияния – различные жанры литературы - рассказы, новеллы, пьесы, повести.

А. П. Чехов – один из немногих гуманистов, чьи произведения пронизаны истинным человеколюбием, пониманием, которых так не хватало людям в ту пору. Медик по образованию, доктор Чехов лечил своих пациентов, прежде всего вниманием и чутким отношением, а писатель Чехов лечил и продолжает лечить души людей своим Словом. Среди замечательных высказываний А. Чехова, содержащихся в его «Записных книжках» и других подобного рода заметках, хочется выделить два. Первое: «Как приятно быть добрым» [12, с. 304]. И второе: «Без труда не может быть чистой и радостной жизнь» [15, с. 314]. Именно таким Человеком и был сам писатель, неустанно трудившийся всю свою жизнь и получавший от труда радость. В своих художественных произведениях, многочисленных письмах, заметках, записях он продолжает преподносить нам уроки скромности, доброты, подлинной интеллигентности и непоказной гражданственности.

Писатель утверждает новое гуманистическое мировоззрение и важнейшее нравственное качество личности – гуманизм, который является следствием присущей А. П. Чехову гуманности – человечности. Это общечеловеческое качество – ценить и любить себе подобных, зарождается у него

еще в детстве и проявляется в спасении каждого униженного и обиженного человека в течение всей жизни и деятельности писателя.

Так в рассказе «Припадок» А. П. Чехов характеризует своего героя Васильева (а по сути, свои мысли и чувства): «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще. Как хороший актер отражает в себе чужие движения и голос, так Васильев умеет отражать в своей душе чужую боль» [16, с. 243].

Чехов сам был поразительно щедро наделен этим редким талантом – талантом улавливать источники людских страданий. В связи с этим человеческий талант писателя наиболее полно проявлялся в его поразительной чуткости к несправедливости, в непримиримом к ней отношении в сфере как личного, так и общественного бытия. Отсюда и произрастала его требовательность к людям и обществу в целом, к каждому человеку отдельно и к себе в первую очередь. Именно эту требовательность Антона Павловича Чехова к себе подчеркивает писатель С. Залыгин. Он был «самым тонким знатоком нравственного кодекса, самым неустанным его исполнителем. Кодекса, который может вынести приговор жизненному устройству людей» [17, с.430]. От начала и до конца это было требование справедливости. В своих рассказах «Студент», «О любви», «Невеста» А.П. Чехов показал духовный застой общества в России и прорыв к лучшей жизни через гуманное отношение людей друг к другу.

В творчестве писателя остро отразились философские проблемы: противоречия действительности и общественной мысли, острой ломки социальных отношений в России и Западной Европе. Новый капиталистический строй приводил к кризису общественных идеалов, шаткости нравственной жизни. Этот мир человеческих страданий, трагедий ущемленной и униженной личности и стал основой реалистического творчества А. П. Чехова. Он владел искусством социально-психологического анализа жизни и в своих рассказах гениально показал, как подавление достоинства человека разрушает его душу, раздваивает его сознание. В результате у человека появляется, с одной стороны – ощущение своего ничтожества, с другой стороны, зреет потребность протеста. А. П. Чехов – создатель пьес, в которых развита эта сюжетная линия, главным образом определяющая борьбу идей и столкновение мировоззрений.

На рубеже веков мыслителями владеет идея – вывести европейскую мысль из кризиса – преодолеть разрыв между «миром культуры» и «миром жизни», в чем согласно А. П. Чехову состоит основной порок современного «теоретизма». Свои мировоззренческие взгляды писатель представлял в качестве системы, имеющей характер не отвлеченной метафизики, но нравственной философии. Вольно или невольно А. П. Чехов следовал установке И. Канта на приоритетность практического разума, в построении самообоснованного мировоззрения. Это движение от теоретического к практическому разуму («философия поступка») стало девизом жизни А. П. Чехова. Он принимает ответственность за «каждый акт своего познания» и становится «ответственным за каждый свой поступок» (нравственность поступков). Философ И. Кант рассматривает практический разум как самостоятельный источник нравственного закона, не зависящий от религии, традиций или желаний [3]. Безусловно, эта позиция близка А. Чехову. Свободу как философскую категорию А. П. Чехов понимает как освобождение сознания каждого человека от предрассудков, мистики, что позволяет личности выделиться из толпы, а в наше время перейти от массовой культуры к индивидуальной. Свои взгляды писатель реализовывает синкретично в художественном творчестве как единство этического и эстетического.

Сегодня резонно поставить вопрос: «Можно ли провести параллели между тем временем, в котором творил А. П. Чехов и временем, которое мы переживаем сегодня?». Какие-то формальные пересечения есть, но «состояние умов» людей кардинально отличается.

Современная постиндустриальная цивилизация с ценностями культуры постмодерна так же ищет ответ на вопрос: «Куда и как идти дальше?».

В условиях становления информационного общества интеллигенция не утрачивает своей значимости, но ее социальный статус изменяется. Большинство исследователей утверждают, что современная интеллигенция утратила свое доминантное влияние на формирование общественного мнения и общественных идеалов. Это обусловлено рядом экономических и культурно-исторических факторов. К экономическим факторам относятся: низкая востребованность интеллектуального труда (в том числе при внедрении искусственного интеллекта) и низкий престиж деятельности интеллигентов. К культурным факторам следует отнести: изменение системы ценностей, мировоззренческий кризис, архаизация культуры, упрощение и снижение культурных запросов населения. Безусловным фактором на процессы обнищания духовного мира личности является

подчинение всех информационных потоков в обществе интересам политических и финансовых групп. В результате происходит утрата влияния интеллигенции на формирование общественных идеалов посредством слова, несущего смысл. Вместо моральных наставников нации деятели литературы и искусства обеспечивают потребности массовой культуры и развлекают потребителя. В этом и состоит вызов интеллигенции, требующий осмысления и ответа. Но ответ не в том, чтобы отвоевать утраченные позиции, а найти свое место в новой структуре духовной культуры. Задача интеллигенции не только совершенствовать общество, а постоянно будить его от «духовной лени», от духовного сна», подобно тому, как это делал А. П. Чехов в постреформенное время в России. Именно Словом, действием (поступком), искусством современная интеллигенция способна облагораживать, гуманизировать и одухотворять человека, и тем самым освобождать его стремление к свободе в сфере Духа.

К сожалению, современная интеллигенция не в состоянии утвердить свое духовное лидерство в условиях массовой культуры и идеологии потребительства. «Общество, в котором «постмодернистские ценности» навязываются интеллигенции и связаны с ее желанием повысить свой статус и добиться полного самовыражения и высокого качества жизни превращает интеллигента в материально обеспеченного интеллектуала» [2, с. 111]. Но потребительские ценности, в том числе и материальные многообразны и имеют предел. Их разумное, сознательное ограничение и самоограничение, бескорыстность и умеренность в их потреблении, отказ от склонности к потребительству и накопительству, личная честность перед обществом, гармония духовного и материального при ведущей роли последних становятся потребностью времени и особыми чертами современных интеллигентов и общества в целом.

В своём большинстве духовные ценности являются морально-нравственными и эстетическими. Следовательно, интеллигентность – это совокупность личностных качеств индивида, отвечающих социальным ожиданиям современного общества. Основными признаками интеллигентности является комплекс интеллектуальных и нравственно-эстетических качеств, приобщенность к богатству мировой и национальной культуры, следование велению совести, а не внешним императивам (повелениям), тактичность и личная порядочность, исключая проявление нетерпимости и вражды в национальных взаимоотношениях, грубости межличностных отношений; способность к состраданию, идейная принципиальность в сочетании с терпимостью к инакомыслию.

Всеми этими признаками интеллигента обладал А. П. Чехов – философ и гуманист, который олицетворял собой образ подлинного героя своей эпохи. В современном мире именно таких людей мы называем истинными интеллигентами, а их в нашем обществе не так много.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное можно сделать следующие выводы.

Во-первых, кризисное мироощущение и мировосприятие героев произведений А. П. Чехова во многом близко нашим современникам, переживающим на рубеже столетий подобную кризисную ситуацию транзитивности общества и его духовных ценностей. Чеховский герой-интеллигент – это персонаж, не удовлетворенный жизнью, стремящийся к вечному поиску ее смысла и своего предназначения, нерешительный и сомневающийся во всем. Чеховская интеллигентность проявляется в его протесте против насилия и несвободы в любой форме, чуткости и мягкости, отзывчивости и сдержанности. Писатель преобразовывает мир своим свободным творчеством, утверждая в человеке моральные принципы – справедливости, честности, совестливости, участливости, тактичности, способности любить ближнего и служить человечеству.

Во-вторых, современная культура информационного общества, стремящаяся акцентировать внимание на высших общечеловеческих ценностях, по-прежнему востребует классическое духовное наследие А. П. Чехова. Новаторская драматургия писателя как на тематическом, так и на глобальном уровне сохранения художественной памяти, порождает большое количество современных интерпретаций, поскольку темы, затронутые А. П. Чеховым, вечны – это темы судьбы России, проблем интеллигенции, чиновничества, бюрократии и пошлости общества, – а также ряд вечных тем: любви и ненависти, человеческого счастья и несчастья, цели и смысла жизни, чести и достоинства, долга и совести.

В-третьих, гуманизм А. П. Чехова как ядро философского мировоззрения личности интеллигента – носителя духовных ценностей своего сложного времени, проявляется в реализации социальной потребности автора – жить и действовать для других, в его эмоционально-чувственной открытости миру и ориентированности на гуманистические ценности и идеалы, к которым относится сам человек, его жизнь и счастье, долг и ответственность, честь и достоинство, свобода, совесть и справедливость.

Список литературы:

1. Боборыкин, П. Д. Русская интеллигенция / П. Д. Боборыкин // Русская мысль. – 1904. – №12. – С. 81-88.
2. Инглехарт, Р. Культура и демократия / Р. Инглехарт ; под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – 320 с.
3. Кант, И. Критика практического разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : В. И. Яковенко, 1908. – IV, [2], XVIII, 167 с.
4. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – [Frankfurt a. M.] : Посев, 1957. – 151 с.
5. Бушканец, Л. Творчество Антона Чехова сегодня / Лия Бушканец // Refdb.ru : [сайт]. – URL: <https://refdb.ru/look/1278132.html> (дата обращения 01.03.2026)
6. Мотин, С. В. О понятии «интеллигенция» в творчестве И. С. Аксакова и П. Д. Боборыкина / С. В. Мотин // Известия ПгПу им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 838–844.
7. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин ; [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова]. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
8. Ухтомский, А. А. Интуиция совести : Письма. Записные книжки. Заметки на полях / А. Ухтомский. – СПб : Петерб. писатель, 1996. – 525 с.
9. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : Т. 1–2. – М. : Рус. яз., 1994. — Т. 1. – 623 с.
10. Чехов, А. П. Письмо Орлову И. И., 22 февраля 1899 г. Ялта // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Наука, 1980. — Т. 8. Письма, 1899. – С. 99-101.
11. Чехов, А. П. Письмо Чехову Ал. П., между 15 и 28 октября 1883 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма: в 12 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974. — Т. 1. Письма, 1875-1886. – С. 87-89.
12. Чехов, А. П. Письмо Чехову Ал. П., 11 марта 1897 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1978. — Т. 6. Письма, Январь 1895 – май 1897. – С. 303-304.
13. Чехов, А. П. Письмо Чехову Н. П., март 1886 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974. — Т. 1. Письма, 1875-1886. – С. 221-225.
14. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1986. — Т. 12. – 526 с.
15. Чехов, А. П. Собрание сочинений в 12 томах / А. П. Чехов ; сост. и общ. ред. М. П. Еремина. – М : Правда, 1985. — Том 8. — 432 с.
16. Чехов, А. П. Собрание сочинений в 8 томах / А. П. Чехов ; под ред. М. П. Еремина. – М. : Правда, 1970. — Т.4. – 527 с.
17. Читая Достоевского и Чехова. Статьи и разборы. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 221-229.

Статья поступила в редакцию 6.03.2026

Galyas, I. A. A. P. Chekhov – Intellectual, Philosopher, Humanist

The article analyzes the personal qualities of the intelligentsia in Russia during the second half of the 19th century, as revealed in the letters of A. P. Chekhov to his relatives, friends, and associates. The author substantiates the writer's affiliation with the Russian creative intelligentsia, which shares a common spiritual and moral foundation: a high level of education, moral upbringing, and Russian-Slavic origin. The writer's critical attitude towards this phenomenon during a specific historical period is interpreted. The influence of A. P. Chekhov's humanistic ideas on shaping the worldview of an intellectual – a bearer of the cultural values of modern information society – is examined.

Keywords: A. P. Chekhov, personality, intellectual, philosopher, humanist, upbringing, education.

УДК 17.022.1

Статья посвящена изучению философских аспектов развития проблемного поля имиджологии как науки. Формирование имиджологии как области знания требует определения объекта, предмета исследования, методологии и структуры. Автор анализирует различные варианты структуры имиджологии, которые представлены в публикациях ее первых теоретиков. В статье показаны философские предпосылки построения теоретической базы имиджологии.

Ключевые слова: имидж, имиджология, коммуникация, междисциплинарность, наука, образ, структура науки.

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: lenash_72@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИМИДЖОЛОГИИ КАК НАУКИ

В последние годы понятие «имидж» прочно вошло в научный оборот. Необходимо отметить, что в конце 80-х гг. XX в. имидж стал объектом общественного внимания. Если сначала его использовали для манипулирования потребительской аудиторией, то впоследствии возникла отдельная наука – имиджеология. Этимология слова «имидж» в переводе с английского «image» дословно означает образ. Если брать во внимание латинское происхождение, то слово «imago» переводится несколько шире – как образ, картинка, имитация, отображение. Следовательно, имидж является показателем внешних характеристик личности, учреждения, организации, общественных учреждений и т. д. Сегодня имиджеология является новой областью научных исследований. Формирование этой науки стало следствием определенных социальных процессов, которые опережают существующий эмпирический материал. Поэтому возникает ряд противоречий, связанных со структурой, объектом и предметом исследования данной области знания. Решение методологических вопросов имиджологии носит актуальный характер и связано, в первую очередь с ее междисциплинарным характером, так как она опирается на теоретическую базу таких наук как философия, психология, социология и политология. Рассмотрение данной проблемы мы осуществляем в рамках философии, функцией которой является интеграция научного знания.

Несмотря на свою новизну, имиджеология как наука имеет ряд теоретических и практических разработок. В первую очередь необходимо назвать работы первых теоретиков имиджологии А. Ю. Панасюка, Г. Г. Почепцова, В. М. Шепеля. В последующие годы вышли в свет учебные пособия, методические рекомендации по имиджологии, в некоторых из которых можно встретить объединение имиджологии с публичными реляциями. Так же вопросы имиджологии рассматриваются в изданиях, посвященных деловому общению или деловому этикету (деловой стиль одежды, развитие ораторских способностей, умение подготовить выступление, правила этикета и проведения деловых встреч, переговоров и так далее). Особо следует отметить работы таких авторов: В. В. Волкова, В. Г. Горчакова, А. С. Ковальчук, Е. Б. Перелыгина, А. Ф. Стрижова, Н. В. Ушакова и др.

Целью данного исследования является изучение философских аспектов развития проблемного поля имиджологии в контексте современного научного дискурса.

Отличие научного знания от обыденного заключается в наличии четкой структуры, предмета, объекта исследования, методов, категориального аппарата, теоретической базы (концепции, теории) проверки полученных знаний (эмпирическая часть). Это именно тот минимум, который помогает зарождаться новым областям знания, трансформировать обыденное знание в научное. Согласно этой логики, мы попытаемся проанализировать развитие проблемного поля имиджологии как науки.

Объектом исследования имиджологии является категория «имидж». Несмотря на широкое распространение данного понятия в обыденном сознании, его единое научное определение отсутствует. На наш взгляд, это связано с этимологией данного понятия, которое происходит, как уже говорилось выше, от латинского слова образ. В контексте определения данного понятия, важным является смысловое значение, которое подразумевает и копию, и призрак, и портрет, и следы на песке. Все эти образы (определения), имеют различную смысловую нагрузку, что при определении понятия имидж имеет существенное значение. Например, образ-призрак или образ на песке подчеркивают изменчивость, временность объекта; а образ-копия или образ как статуя – это уже определенное подобие реально существующего объекта. Для философского исследования данное смысловое

понимание переходит в стадию дискурса, который можно встретить в античной философии (Платон, стоики, Эпикур), постмодернизме (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез), и других философских направлениях.

Трудности, возникающие с научным определением понятия «имидж», так же связаны с тем, что ряд наук вносит свою специфику в его определение, несмотря на то, что этимология данного понятия имеет одни корни. Единственный вопрос, при решении которого ряд наук сходятся, связан со сравнением имиджа с такими понятиями как «репутация», «стереотип», «авторитет». Подобное сравнение позволяет выделить сходства и различия между понятиями, построить определение данного понятия и раскрыть сущность имиджа.

Понятие имидж становится междисциплинарным, оно развивается в рамках психологии (А. Ю. Панасюк), социальной психологии (Е. Б. Перелигина), теории коммуникации (Г. Г. Почепцов), философии и других наук. Для развития современной науки междисциплинарность становится характерной. Постепенно появляется ряд междисциплинарных категорий (стереотип, конфликт, менталитет, личность, манипуляция), но не каждая из них, подобно категории «имидж», претендует на развитие новой науки. Становление имиджологии как науки опирается на теоретические и прикладные исследования. Теоретическая база строится на интеграции методологических, эмпирических исследований, построении гипотез и создании теорий и концепций. При этом, философия может выполнить интегративную функцию: синтезировать все полученные научные результаты, проанализировать их динамику, показать взаимосвязь наук, и создать целостную научную концепцию.

Отсутствие четкого единого определения понятия «имидж» способствует возникновению второй методологической проблемы: невозможность определить и предмет исследования. Предметом может быть имидж человека, экономиста, юриста, и т.д.; организации: фирмы, библиотеки, университета и т.п.; страны, политики и т.д. Определение предмета имиджологии позволит провести дифференциацию наук, уточнить, какие аспекты имиджа рассматривают определенные науки. Так, имидж любого социального института (организации), правильнее рассматривать с помощью технологий паблик рилейнз и маркетинга, учитывать экономические показатели. Имидж личности входит в область рассмотрения психологии и философии. Имидж страны составляет политологическую проблематику, которая должна учитывать геополитические, культурные, религиозные традиции, историю страны и философские особенности. В данном случае исследование имиджа находится на стыке наук, что приводит, в свою очередь, к формированию третьей проблемы имиджологии – определению методов исследования.

Вопрос методологической базы имиджологии не имеет широкого обсуждения в научном дискурсе. Наиболее полно данную проблему осветила И. К. Черемушникова, предложившая помимо теоретических и эмпирических методов исследования, применять философские концепции и подходы (феноменологический, семиотический, герменевтический, и другие). Так же автор обосновывает применение иллюстративного и проблемно-хронологического методов, гипотетических моделей (В. Н. Чалидзе). Подобная методология позволила И. К. Черемушниковой проанализировать и раскрыть социокультурную практику имиджа, который был определен как «завершенный образ», «перманентный процесс репрезентации человека в социокультурном пространстве», «адекватный канал передачи социально значимой информации, сохраняющей смысл» [6]. Структура имиджологии составляет ее четвертую проблему. Для рассмотрения данного вопроса мы обратимся к работам первых теоретиков имиджологии: А. Ю. Панасюка, Г. Г. Почепцова, В. М. Шепеля. Данные работы не теряют своей актуальности и постоянно обновляются в соответствии с новыми исследованиями и социально-культурными изменениями. В первых работах не было четкого научного структурирования, но были обозначены основные направления развития новой науки. Более поздним изданиям, посвященным имиджологии, присуще строгое изложение учебного материала. Возможно, это становится причиной того, что некоторые теоретические положения и понятия, предложенные первыми теоретиками имиджологии, были утрачены или не выполняют своей важной составляющей.

Например, учебное пособие Н. В. Ушаковой и А. Ф. Стрижова «Имиджология» [3] имеет четкую и логическую структуру. Авторы определяют имиджологию как синтетическую науку, которая объединяет знания о человеке по различным социально-гуманитарным дисциплинам. Они называют ее «единственной наукой, изучающей исключительно человека во всем многообразии ее проявлений» [3, с. 24]. Особый интерес для данного исследования представляет вторая глава под названием «Место имиджологии в ряде современных наук». Среди таких наук авторы выделяют философию, психологию, культурологию, политологию. Несмотря на то, что авторы делают детальный анализ, пытаются раскрыть специфику каждой науки и вопросы взаимодействия по имиджологии, в их рассуждениях можно найти спорные моменты. Так, совершенно необоснованным является предположение, что

философия «может обогатиться многими интеллектуальными концептами, почерпнутыми, в частности, и из имиджологии, как науки, основанной на практических знаниях, и прикладном опыте» [3, с. 24]. Необходимо отметить, как уже было указано выше, наоборот, имиджология может использовать теоретическую базу философии и ее методологию.

Некоторые научные источники называют основателем имиджологии В. М. Шепеля [1], другие показывают ее развитие в историческом ракурсе и обосновывают западное происхождение новой отрасли знания. Значительная часть книги В. М. Шепеля «Имиджология. Как нравиться людям» [7] посвящена практической части имиджологии (физиогномике, колористике, макияжу, подбору одежды, риторике, и т. д.). Так же автор предлагает классификацию имиджологии, в которой выделяет следующие отрасли: семейная, дошкольная, школьная, вузовская, военная. По специфике профессиональной деятельности В. М. Шепель разделяет имиджологию на предпринимательскую, политическую, педагогическую, медицинскую, и другие. Автор основной акцент делает на проблемах формирования личностного имиджа, а не социальных институтов.

В своих определениях имиджологии, В. М. Шепель показывает многогранность и синкретичность новой отрасли знания. Он характеризует имиджологию как: «науку и искусство нравиться людям», «науку о технологиях личного обаяния», «науку и искусство о том, как придать облику человека эффект личного обаяния, как овладеть умением светиться людям» [7].

По мнению В. М. Шепеля, объектом имиджологии является «все пространство социального общения личности», а предметом – «имидж как виртуальная (проектируемая) или реальная конструкция» [7]. Автор обосновывает утверждение о том, что свои истоки имиджология должна брать из антропологии, а именно теории ортобиоза. Во многих современных исследованиях данный подход не получил широкого применения. Большинство авторов предлагают опираться не на ортобиоз, а опираются на имеющиеся физические и психические данные человека. В. М. Шепель делает акцент на физическом, психическом и нравственном здоровье человека. По его мнению, это первый толчок и условие создания любого имиджа человека. Данные факторы определяют деятельность человека, его стремление к успеху, отношение к материальным благам и духовному обогащению. В целом, человек рассматривается как социобиологическое существо, при этом, первичным является биологическое начало. Детальное рассмотрение биологических факторов позволяет определить социальный аспект личности.

В данном случае, философия может дополнить имеющийся материал своей антропологической базой. Например, достаточно вспомнить Аристотеля и его наблюдения за жизнью животных, Платона, который утверждал, что тело – это темница души, богословские размышления представителей патристики и схоластики о соотношении души и тела, воспевание красоты человеческого тела и творческих возможностей человека в произведениях ранних гуманистов эпохи Возрождения, философскую антропологию Плеснера, и т. д. Это усилит обоснование необходимости целостного анализа личности для создания ее привлекательного визуального образа.

На страницах своей книги В. М. Шепель неоднократно подчеркивает междисциплинарный характер имиджологии. По его мнению, главными науками, на которые опирается имиджология, являются психология, этика, педагогика, социология и т. д. А также он указывает, что в создании имиджа должен участвовать не только сам индивидуум, но и такие специалисты как модельеры, парикмахеры, парфюмеры, «взаимодействие специалистов различных областей для создания единого образа объясняет научную интегративность имиджологии, ее междисциплинарное информационное оснащение» [7].

На территории постсоветского пространства вторым исследователем, обратившимся к проблемам имиджологии, был Г. Г. Почепцов. Автор не сужает область исследования имиджологии, а наоборот, расширяет ее, создает ряд работ, подчеркивающих ее междисциплинарный характер («Теория коммуникаций», «Основы публик релейшнз», «Информационные войны»). По мнению Г. Г. Почепцова, имиджология «не переходит в разряд наук, а остается по-прежнему на стыке науки и искусства» [5, с.13]. Автор раскрывает специфику новой области знания, главное правило которой звучит так «никакая имиджология не сможет заменить реалии». В своем большинстве, Г. Г. Почепцов анализирует проблемы политического имиджа, технологий его построения, с помощью сравнительного анализа показывает, как западные технологии можно адаптировать в постсоветской действительности. Для работ Г. Г. Почепцова характерны объемные цитаты и яркие примеры из современной жизни. Данный фактический материал не всегда детально анализируется и опирается на теоретические разработки. Автор ссылается на ряд философских, социологических, политологических первоисточников, но не предлагает единой теоретической методологии. Безусловной заслугой Г. Г.

Почепцова является постановка проблематики имиджологии, «набросок» ее структурных элементов и категориального аппарата.

Разработки и примеры Г. Г. Почепцова мы можем использовать при построении структуры имиджологии. Особый интерес вызывает его глава «Инструментарий имиджологии» [5]. Сам автор не дает определения данному понятию, возможно, именно поэтому, оно и было утрачено в дальнейших разработках. Г. Г. Почепцов показывает с помощью каких техник создается имидж, среди которых выделяет около двадцати основных (позиционирование, манипулирование, мифологизация, эмоционализация, формат, и другие). При описании данных инструментов автор постоянно делает оговорку, что мы должны ориентироваться на методы паблик рилейнз, и его основную схему: объект – аудитория – канал. То есть при построении, изменении имиджа важно учитывать социальные потребности и культурные традиции общественности, искать каналы, с помощью которых можно донести информацию до необходимого сегмента аудитории. Здесь имидж предстает не как образ, а как определенная позитивная информация об объекте, независимо от его предмета (субъект или институт, идеология).

Если переводить подобные технологии на язык философии, то мы можем использовать традиционные схемы культурной коммуникации. Круговая модель коммуникации описывает процесс взаимодействия следующим образом: отправитель (источник) – кодирование – сообщение – канал – декодирование – получатель – обратная связь [2, с. 85-86]. Здесь важное место занимают такие этапы как «кодирование» и «декодирование». При расшифровке сообщения могут быть добавлены субъективные моменты, которые не соответствуют первоначальному содержанию кодирования, что, в свою очередь, приводит к нарушению процесса коммуникации.

При построении теоретической базы имиджологии необходимо синтезировать теории паблик рилейнз, коммуникации. Это позволит, опираясь на современный эмпирический материал разработать практические рекомендации. Технологии построения имиджа, в данном случае, будут максимально охватывать все необходимые структурные компоненты так как будут проанализированы не только ожидания и потребности общественности, но и ее культурные традиции.

Так же к первым теоретикам имиджологии можно отнести А. Ю. Панасюка. Книги автора изобилуют практическими рекомендациями и яркими доступными для любого восприятия примерами, это лишь свидетельствует о необходимости использования психологических техник в имиджологии [4]. А. Ю. Панасюк как и В. М. Шепель ориентируется на проблемы личностного имиджа, а не социального института. Главной заслугой автора можно назвать обоснование видов информации, формирующей имидж, ее влияния на сознание и подсознание аудитории. Так же получила распространение предложенная А. Ю. Панасюком классификация имиджей на габитарный (внешний вид), средовой (жилище, кабинет), материализованный (визитка), вербальный (коммуникация и ораторские способности), кинетический (жесты, мимика). А. Ю. Панасюк предлагает следующую коммуникативную модель информации, формирующую имидж: из вашего сознания – в его сознание, из вашего сознания - в его подсознание, из вашего подсознания - в его сознание, из вашего подсознания – в его подсознание [4].

Наиболее четко философские предпосылки построения теоретической базы имиджологии были обоснованы в более поздних работах авторов, среди которых особо следует выделить исследования И. К. Черемушниковой и О. А. Шныревой. По мнению И. К. Черемушниковой, существующие концепции имиджа создают лишь «иллюзию» того, что сущность данного феномена раскрыта. Комплексный анализ данной проблемы показывает, что среди концепций доминируют «монодисциплинарные подходы, трактующие имидж сужено, в соответствии с задачами конкретной науки, вследствие чего он воспринимается схематично, односторонне» [6, с. 4]. Для преодоления этой односторонности И. К. Черемушникова определяет методологическую основу исследования. Автор рассматривает имидж в рамках культурологии, которая «лежит на пересечении различных дискурсивных полей» [6, с. 12], что позволяет придерживаться плюрализма в исследовании данной проблемы. И. К. Черемушникова делает важное уточнение относительно предмета исследования, который «обладает сложной внутренней динамикой и природой большинства ускользающих культурных феноменов, поэтому раскрывается во множественности трактовок и интерпретаций, дающих возможность взаимодополнения» [6, с. 12]. Вышеуказанные методологические уточнения проблематики понятия «имидж», основанные на философской теории, переводят его из статуса повседневного, практического знания в научное.

Философию как первоисточник формирования теории имиджа обосновывает О. А. Шнырева в своем учебно-методическом пособии «Имиджология: философия образа» [8]. Автор определяет имидж как «феномен социальной коммуникации, позволяющий фиксировать поток изменяющихся

вербальных и невербальных образов, обрушившийся на современного человека» [8, с. 4]. Автор опирается на философские концепции образа (феноменология Э. Гуссерль), образы первобытного мышления, коммуникации (Ю. Гуссерль, Ю. Хабермас, Ю. М. Лотман) и ряд других направлений.

Проведенное исследование позволяет сделать определенные выводы. В структурной части имиджологии, можно выделить как минимум четыре важных компонента, представляющих собой проблемное поле имиджологии, и не позволяющих ей превратить практические повседневные рекомендации в научное знание. К таким компонентам относятся: объект, предмет, методология, структура имиджологии. Философские аспекты развития проблемного поля имиджологии ориентированы на формирование ее теоретической базы, преобразования и сопоставления историко-философского материала с современной действительностью. Первые теоретики имиджологии (А. Ю. Панасюк, Г. Г. Почепцова, В. М. Шепеля) сформировали теоретико-прикладную базу для дальнейшей систематизации и структурализации новой науки. Это позволяет, согласно современным научным тенденциям, существовать имиджологии как отдельной междисциплинарной теоретико-прикладной науки, требующей дальнейших исследований в рамках философии для интеграции научных результатов, создания целостной научной концепции.

Список литературы:

1. Академия имиджологии : официальный сайт. – URL: <https://www.academim.ru/> (дата обращения: 12.02.2026)
2. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
3. Имиджология : учебное пособие для бакалавров / [под ред. Н. В. Ушакова, А. Ф. Стрижова]. – 3-е изд., исправл. – М. : Дашков и К, 2010. – 264 с.
4. Панасюк, А. Ю. Я – Ваш имиджмейкер и готов помочь сформировать Ваш профессиональный имидж / А. Ю. Панасюк. – 2-е изд., испр. – М. : Дело, 2004. – 240 с.
5. Почепцов, Г. Г. Имиджология / Г. Г. Почепцов. – 4-е изд. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2004. – 576 с.
6. Черемушникова, И. К. Имидж в смысловом пространстве культуры : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филос. наук : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры » / И. К. Черемушникова. – Волгоград, 2011. – 48 с.
7. Шепель, В. М. Имиджология. Как нравится людям : учеб. пособие / [сост., науч. ред. В. М. Шепель]. – Москва : Нар. образование, 2002. – 575 с.
8. Шнырева, О. А. Имиджология : учебно-методическое пособие / О. А. Шнырева. – Ижевск : УдГУ, 2007. – 74 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026

Shavardova E. Yu. *Image Studies: Philosophical Aspects*

The article is devoted to the philosophical aspects of the development of the image studies problem field. The formation of image studies as a field of knowledge requires the definition of the object, subject of research, methodology, and structure. The author analyzes various options for the structure of image studies, which are presented in the publications of its first theorists. The article shows the philosophical premises for building the theoretical basis of image studies.

Keywords: image; image studies, communication, interdisciplinary, science, form, structure of science.

УДК 14:329.285(091)

Статья посвящена рассмотрению центральных проблем философии русского анархизма. Основное внимание уделено анализу подходов к решению этих проблем теоретиками анархизма. Определены особенности и основные проблемы философии русского анархизма. Более пристальное внимание в статье уделено проблеме свободы, государства и общественного развития.

Ключевые слова: анархия, государство, общество, свобода народ.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук.

Севастопольский государственный университет

E – mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ АНАРХИЗМА

Анархизм (от греч. *anarchia* – безвластие), общественно-политическое и социально-экономическое учение, отрицающее необходимость государственной власти и политической организации общества, провозглашающее своей целью освобождение человека от всех видов политического, экономического и духовного принуждения. Как утверждал Н. А. Бердяев: «Оценка анархизма должна быть двойственной, потому что в нем есть две разные стороны, есть безусловная правда анархизма в отношении суверенности государства и всякой абсолютизации государства, есть обличение неправды деспотической централизации» [1, с. 88].

Основоположителем русского анархизма является Михаил Александрович Бакунин (1814 – 1876 гг.). По его мнению, человек – естественное и общественное существо, обладающее способностью мыслить и выражать свои мысли словами. Качественное отличие человека от животного мыслитель видел в степени биологического и психологического развития. Другая качественная характеристика человека заключается в наличии потребности к бунту. Эта потребность характерна для людей с момента рождения. Каждое новое поколение, вступая в жизнь, воспринимает круг идей, чувств, которое оно получает в наследство от прошлого и которое служит ему исходной точкой для формирования социальной и интеллектуальной позиции.

Человек у Бакунина выступает отправной точкой построения теории общества. Мыслитель полагал, что есть три основных принципа, составляющих важные условия всякого человеческого развития в истории, как индивидуального, так и социального. Исходной точкой развития является состояние «животности», связанной с физиологическими потребностями человека: родиться, развиваться и вырасти, работать, чтобы есть, чтобы укрываться и защищаться.

«Животность» преодолевается при помощи «мысли и бунта», как условий формирования общественного развития людей. Любое животное работает и выживает, лишь работая. Поэтому и человек как живое существо не освобожден от этой необходимости, которая для него является высшим законом жизни. Чтобы развиваться он должен работать. Однако между трудом человека и трудом животных всех видов имеется огромное различие: труд животных – застойный труд, так как их разум «спит»; напротив, труд человека существенно прогрессивен, так как его разум прогрессивен в более высокой степени.

Воздействуя на природу, человек постигает ее законы. Знание законов, которым подчинено все существующее, включая его собственную жизнь, способствует возможности предвидеть некоторые явления, что позволяет ему их предупредить или гарантировать себя от негативных последствий. Кроме того, как указывал мыслитель, знание законов, направляющих развитие естественных явлений, позволяет ему постоянно извлекать пользу из этих же самых естественных явлений и всех вещей, совокупность которых составляет внешний мир.

Несомненным фактом, для Бакунина, была необходимость развития научного знания, охватывающего все стороны окружающего мира, включая общественную жизнь. Но в то же время жизнь предшествует мысли. «Наука незыблема, безлична, обща, отвлеченна, нечувствительна... Жизнь вся быстротечна и преходяща, но также и вся трепещет реальностью и индивидуальностью, чувствительностью, страданиями, радостями, стремлениями, потребностями и страстями», – подчеркивал мыслитель [2, с. 192-193]. Если наука способна познавать законы развития природы и общества, значит, ученое меньшинство, познающее эти законы, должно управлять миллионами людей. Наука не должна и не может претендовать на управление жизнью. Так, считал мыслитель, рождается противоречие: с одной стороны, наука способствует рациональной организации общества, с другой

стороны, она не должна вмешиваться в реальную общественную жизнь. Противоречие может быть разрешено, если признать науку достоянием не избранных, а средством освобождения народных масс.

История человечества – это борьба за существование. В различные исторические эпохи она проявляется в многообразных формах, начиная с людоедства и завершаясь социальной революцией, как завершающей стадией преодоления «животности». К объективным предпосылкам социальной революции Бакунин относил такие факторы, как нищета и рабство народа. При этом русский народ, согласно представлениям Бакунина, являлся народом антигосударственным, поэтому между русским народом и государством, империей, которая давит его, нет ничего общего. Поэтому не случаен вывод, социальный бунт является важнейшим и специфически человеческим качеством. Природа и общество стремятся поработить человека. Познавая себя и законы, управляющие природой, обществом и им самим, человек одновременно частично освобождается от гнета этих законов, расширяет область своей свободы, преодолевает свой страх и познает свои духовные возможности. бунт рассматривается как синоним свободы и человечности, как существенный признак и элемент человеческого существования. Через бунт, по мнению Бакунина, рождается личность, творчество, свобода, происходит «вочеловечивание» человека.

Бунт рождает осознание необходимости свободы. Однако, как утверждал мыслитель, свобода важна не сама по себе, а только в соединении с социализмом. Свобода без социализма не способствует справедливости, а социализм без свободы – это проявление рабства. Сущность социализма заключается в полном уничтожении государственности, построении общества на принципе равноправия.

Стремление к социализму характерно для социальных представлений русского народа. Народ ненавидит государство, поэтому отгородился от него общиной и подчиняется только власти общинного самоуправления как источнику социальной свободы. Правда, русский мыслитель отмечал, что сельский быт нуждается в преобразованиях, так как община поддерживает «патриархальный деспотизм», принижает возможности индивидуальной инициативы, отрицательно относится к оценке женского труда. Русская община утратила стремление к освобождению, а, следовательно, в ней нет и не может быть позитивного развития. Негативные черты общинного строя связаны с давлением государства. Общинное избирательное право стало обманом, а люди, временно выбираемые самим народом, превратились в орудие власти.

Русский народ религиозен. Но религия – орудие духовного гнёта человека, а любой гнёт, духовный или политический, – глубоко безнравственен. Мыслитель считал, что религии отупляют и развращают народы, убивают у них разум, отрицают человеческое достоинство. Бакунин писал: «Бог существует, значит, человек – раб. Человек разумен, справедлив, свободен, - значит, Бога нет?» [3, с.65]. Отягощенный трудом, социальными лишениями, человек обращается к Богу за утешением, становясь объектом манипулирования со стороны церковной и светской властей. Причина религиозной веры заключается в невежестве народа, которую власть использует в своих интересах. Для формирования нового общества необходима «новая религия», основу которой составляет «рациональная наука» и «позитивная философия». В этом, по мнению мыслителя, заключается задача интеллигенции как субъекта умственной деятельности.

Одной из центральных проблем не только у Бакунина, но и в философии анархизма, являлась проблема свободы и условий ее достижения. Мыслитель выделял две формы свободы: индивидуальную и коллективную, (общественную). Если главным законом человечества является уважение человеческой личности и ее достоинства, то первая форма свободы заключается в полном развитии всех способностей, которые находятся в человеке. Это свобода в положительном значении. Человек повинуется законам, потому что он сам признаёт их таковыми, а не потому, что они были ему внешне навязаны какой-либо посторонней волей. Такая свобода не может быть ограничена. Ее основу составляют воспитание, научное образование и достижение материального благополучия, а ее рациональный смысл можно видеть в господстве над внешними вещами, в независимости перед лицом деспотических претензий и деяний других людей.

Вторая форма свободы, или свободы в отрицательном значении заключается в независимости воли каждого человека от воли других людей или как полное отсутствие принуждения. В этом значении свобода не является абсолютной, так как личность живет в обществе и должна подчиняться социальным законам и правилам. Человек может быть свободен лишь там, где свободны все. Настоящая коллективная свобода может быть реализована только если, ответственность и взаимопомощь становятся реальностью. Ответственность выступает регулятором деятельности, только при высокой степени сознательности. А взаимная помощь подразумевает солидарность. Таким образом свобода личности, по Бакунину, есть результат и выражение общей солидарности.

Личность или народ могут утратить свободу по разным причинам. Первая причина – лень и нежелание трудиться. Вторая – невежество, мешающее народу осознать свою силу и солидарность. Главная причина – государство, как орган деспотической власти и подавления правящим меньшинством народных масс.

Бакунин не отрицал значение государства в истории человечества. Государство способствует развитию коллективного труда, различных форм воспитания и образования, что позволяет человеку выйти из дикого и животного состояния, составляющего его первоначальную природу. Мыслитель не был сторонником теории о договорных формах появления государства и считал, что в природе существуют объективные предпосылки, приводящие к возникновению государственной формы существования общества. Прежде всего, это борьба за существование и «инстинкт власти», присущий людям. Он выделял два основных вида общественных инстинктов: инстинкты повиновения и инстинкты свободы. Первые привели к созданию государственной организации, вторые – к её ликвидации. Важнейшей функцией государства является обеспечение, как внешней, так и внутренней безопасности.

В то же время Бакунин считал, что государство является социальным злом для народа. Более того, государство и его институты власти представляют собой временные общественные формы, которые должны исчезнуть. Мыслитель отмечал, что вместе с государством с необходимостью должно погибнуть все, принятое считать юридическим правом, а также характерное устройство в нем сверху вниз, включая правительство, организованные в пользу исключительно управляющих классов.

Отличительная черта общественного идеала Бакунина – общество без какой-либо политической власти, без государства, люди, живущие в нем, подчиняются только авторитету общественного мнения. Общество само образуется в форме союзов, общин, коммун или федерации самоуправляемых общин. Каждая организация, по мнению мыслителя, должна идти от общины к центральному единству, то есть снизу вверх, путем федерации. Между общинами должен находиться хотя бы один автономный посредник в лице департамента, области или провинции. После социальной революции будут только два класса – рабочие и крестьяне, которые станут коллективными собственниками, свободными производителями.

Но общество не может существовать без элементов власти. Бакунин признавал возможность управления и разделения труда в различных сферах общества. Управление, должно быть основано на авторитете специалиста, но при этом роль управляющего не должна быть постоянно закреплена. Правило жизни, по его мнению, гласит каждый является авторитетным руководителем, и каждый гражданин управляем в свою очередь. Обмен власти и подчинения должен носить временный и добровольный характер.

Власть растворяется в коллективе и делается действительным выражением свободы каждого человека, основой осуществления воли всех на основе приоритета социальной справедливости, равенства. основополагающим принципом управления обществом является принцип представительной демократии, которое заключается в прямом избрании народом всех представителей или советников – общественных, судебных, гражданских служащих, путем предоставления права голоса всем взрослым мужчинам и женщинам.

Одним из известных теоретиков русского анархизма был Петр Алексеевич Кропоткин (1842 – 1921). По его мнению, анархизм – это синтез философии и этики, расширяющий границы представлений о различных формах свободы. Мыслитель указывал, что анархия, основанная на механическом понимании законов, раскрывает сущность всех природных явлений, включая жизнь человека. Методом исследования являются методы естественных наук, позволяющие проверить научные истины и положения. Цель – формирование синтетической философии, объединяющей знание о природе и человеческом обществе.

Кропоткин подверг критике теорию естественного отбора Дарвина. «Борьба за существование» – это разрушение, а не созидание, подавление, а основе анализа поведения различных насекомых и животных, мыслитель сделал вывод, чем сильнее сплочённость внутри групп различных представителей вида животного мира и чем выше готовность отдельных особей жертвовать собой во благо других, тем выше этот вид стоит на «лестнице» прогресса. Стремление к общительности помогало животным выстоять в борьбе и сохранить свой вид. Инстинкт общительности стал основой появления таких зачатков нравственности, как чувства долга, сострадания, уважения к соплеменнику и даже самопожертвования у людей. Когда формы общественной жизни соответствуют началу взаимопомощи, развитие общества имеет прогрессивный характер. Совершая различные действия, по-разному оцененные другими людьми, человек, всегда поступает так, а не иначе, следуя своим интересам или целям. Даже если личность проявляет крайний индивидуализм проповедуя его словом

и делом, взаимная помощь, как инстинкт общительности, продолжает составлять существеннейшую часть ее личной жизни. Общительность, справедливость и самопожертвование являются, по мнению русского мыслителя, универсальными свойствами природного мира, первобытного общества и общества цивилизованного. Кропоткин отмечал: «В человеке, с развитием разума, знаний и соответственных обычаев, этот инстинкт все более и более развивался; а затем дар речи и впоследствии искусство и письменность должны были сильно помочь человеку накапливать житейскую опытность и все дальше развивать обычаи взаимопомощи и солидарности, т.е. взаимной зависимости всех граждан» [4, с. 265]. Взаимная поддержка, хотя и является врожденным инстинктом, все же может усиливаться или подавляться системой воспитания. Нравственные понятия людей меняются в зависимости от условий развития общественного строя, в котором они живут. Русский мыслитель указывал, что общественный строй данного народа в данный период времени и его нравственность тесно связаны между собой. Вот почему, когда в обществе чувствуется необходимость перестроить существующие отношения между людьми, неизбежно начинается также оживленное обсуждение не только политических, но и нравственных вопросов.

Свобода – это не дар, а стремление к действию. Если человек испытывает страх перед наказанием или общественным порицанием за свои активные действия, то он не свободен. Его инициатива имеет границы не связана с личными потребностями, является результатом отказа от какого-то удовольствия. Индивидуальная свобода не может быть абсолютной. Человек имеет обязанности, должен заботиться об интересах других людей и учитывать их в процессе своей жизнедеятельности так как в противном случае невозможно осуществление принципов равенства и справедливости. Эти принципы ограничивают свободу личности, но такое ограничение не является авторитарным, оно естественно и не противоречит природе человека. Как бы не было устроено общество люди более или менее стремятся выразить свои чувства и желания, защищать свое право на равенство и настаивать на их удовлетворении. Человек, как индивидуальная личность, чувствует необходимость свободных отношений с другими людьми. Кропоткин дал следующее определение свободы: «Свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга)» [5, с.388]

Любая форма общественного строя или совместной жизни может либо расширить, либо уменьшить границы индивидуальной свободы. Мыслитель утверждал, что границы свободы зависят не сколько от необходимости подчинения или господства, а сколько от понимания важности личной свободы, вносимой людьми в разные формы общественного устройства. Не коммунизм рождает свободу, а люди, осознавшие возможность расширения свободы в различных направлениях. Общество не должно требовать от отдельной личности того, что личность не согласна добровольно в данное время исполнить. Свобода в понимании П. А. Кропоткина – это возможность самостоятельного развития индивидуальности личности, ничем не ограниченная, кроме личной ответственности за свои поступки, кроме собственной совести – регулятора человеческого поведения в обществе. В обществе появляется реальная возможность для свободного развития личности на базе добровольного и совместного труда в общественном производстве.

Не государство разрушает условия для реализации свободы, а создаваемые им учреждения власти и органы подавления. Историческое развитие государства является, по мнению мыслителя, результатом возникновения земельной собственности и желанием сохранить ее в руках одного класса, который таким образом стал бы господствующим. Государство – это иерархически структурированная форма общества с развитой системой отношений и централизацией власти. В этом, по мнению мыслителя заключается отличие государства от общества и правительства.

Значительную роль в становлении государства играет церковь, выполняющая функцию духовного подчинения граждан интересам власти. Обратившись в государственную церковь, христианство забыло прощение обид и мстило за всякую обиду не менее восточных деспотов. Другим фактором становления государства были войны. Они способствовали развитию промышленности для производства вооружения с целью защиты как от внутренних, так и внешних врагов. Войны, как утверждал Кропоткин, являются средством обогащения господствующего класса и поддержания форм социального неравенства.

На всех этапах исторического развития государство способствовало эксплуатации и порабощению человека человеком. Государство – это аппарат господства над людьми, оно просто не может существовать иначе и способно само создать новый класс привилегированных лиц, которые будут управлять и подавлять личную инициативу.

Как и Бакунин, условием освобождения народных масс Кропоткин считал осуществление социальной революции. Ее цель – ликвидация частной формы собственности и политическое переустройство общества на основе принципа федерации. Федерация – это путь к свободному объединению различных форм социальных организаций, признающих личную инициативу и отвергающих разнообразные формы подавления.

Список литературы:

1. Бакунин, М. А. Избранные труды и статьи / М. А. Бакунин. – М. : ЭКСПРЕСС-ФОЛИО, 1999. – 565 с.
2. Бакунин, М. А. Избранные произведения / М. А. Бакунин. – Харьков : Фолио, 2002. – 610 с.
3. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 383 с.
4. Кропоткин, П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. – М. : Правда, 1990. – 638 с.
5. Кропоткин, П. А. Этика / П. А. Кропоткин. – М. : Политиздат, 1991. – 496 с.

Статья поступила в редакцию 7.03.2026

Chugunov, S. V. *The Philosophy of Anarchism*

The article is devoted to the consideration of the central problems of the philosophy of Russian anarchism. The main attention is paid to the analysis of the approaches to solving these problems by anarchism theorists. The features and main problems of the philosophy of Russian anarchism are determined. The article pays more attention to the problem of freedom, the state, and social development.

Keywords: anarchy, state, society, freedom, people.

УДК 111.1

В статье рассматриваются гносеологическая проблематика, связанная с пониманием сущности общих понятий (универсалий). Проводится исследование концепций формирования общих и единичных понятий, их зависимость от первичных и вторичных качеств познаваемых объектов. Кроме того, анализируются различные вопросы, связанные с проблемой интерпретации общих понятий (универсалий) в рамках подходов, свойственных для философии различных исторических периодов (Античность, Средние века, Новое время). Также проводятся сравнительный анализ позиций различных философов в отношении проблемы понимания сущности общих и единичных понятий.

Ключевые слова: универсалии, партикулярии, эйдосы, номинализм, реализм, концептуализм, материя, эмпиризм, рационализм, акциденция.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: rvtkachenko@mail.ru

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛИЙ

Восходя своими корнями к дискуссии представителей аристотелизма и платонизма о понимании природы «эйдосов», проблема общих понятий (универсалий) значительно повлияла на развитие гносеологических аспектов философии. Проявляясь в различные периоды развития философии в многочисленных вариациях (связанных ли с религиозными аспектами как у Ансельма Кентерберийского или Иоанна Росцелина, или же с пониманием таких общих категорий как «материя» или «субстанция» в работах представителей английского эмпиризма), она значительно повлияла не только на общую теорию познания, но и также затронула аспекты, связанные с психологией и формальной логикой.

Обращаясь к текстам диалогов Платона (например, к «Евтифрону», «Софисту» и др.), мы неоднократно встречаем рассмотрение такой фундаментальной (для платоновской философии) категории как «эйдос». Платоновская эйдология напрямую связывается с проблематикой универсалий, так как эйдосы выступают здесь не только в качестве общих понятий, но и являются вечными прообразами (идеальными прототипами) реальных, существующих в мире, объектов. Согласно Платону, единичные вещи чувственного мира (партикулярии), воплощаемые в реальных объектах – проходящие и конечны в своем существовании, эйдосы же вечны, отражающие имманентный способ бытия вещей.

В работах же Аристотеля (прежде всего в трактате «Категории») мы можем встретить ярко выраженную антитезу позиции Платона. Единичные объекты (партикулярии) соответствуют субстанциям, независимо существующим единичным объектам, а общие категории (универсалии) – общим формам субстанции [12, с. 210]. «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь» [2, с. 11]. «А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду “человек”, а род для этого вида – “живое существо”. Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например “человек” и “живое существо”» [2, с.15].

Средневековая философия, рассматривая в качестве доминанты теологическую проблематику с неизбежностью повлияла на интерпретацию понимания сущности универсалий, связывая данную категорию как с пониманием сущности Бога, так и со свойствами данного им человеческого разума. Здесь, в данном вопросе сформировались три основные позиции. Так, реализм, признавая самостоятельное существование универсалий, рассматривал их в качестве неких объективных категорий. Номинализм же полагал, что универсалии возникают только в процессе познания (при объединении объектов в классы) и реально не существуют. «Номинализм обычно характеризуется

выражением *universalia post res*, универсалии после вещей. Другими словами, мы вначале знакомимся с партикуляриями, а затем используем, когда это практически необходимо, общее имя (универсалии)» [12, с. 211]. Концептуализм же выступал своеобразной промежуточной позицией, указывая, что универсалии имеют место в человеческом уме, но им соответствует и нечто в самих объектах.

Наиболее ярким представителем реализма выступал Ансельм Кентерберийский. Родившийся в 1033 г. в Аосте (Италия), Ансельм принял в 1066 г. монашеский постриг, а затем стал приором бенедиктинского ордена. С 1093 г. – архиепископ Кентерберийский.

На становление философских взглядов Ансельма значительное влияние оказали работы Августина Аврелия. Обращаясь к работам Ансельма, мы можем встретить определенные параллели с ходом мысли и теологическими концепциями Августина. Но, «в отличие от Августина Ансельм особое внимание уделяет способу выражения, стремясь чтобы форма мысли (логико-грамматическая структура) соответствовала ее смысловому содержанию» [7, с. 318].

В рассмотрении природы универсалий, согласно позиции Ансельма, все объекты, отражающиеся в общих понятиях (например, «человек», «животное» и пр.), то есть попадающие под родовидовое деление, являются реально существующими на ряду с единичными объектами. «Поэтому хотя все как бы одно целое в одном и том же значении (*sub una significatione*) называется одним именем «человек», однако преимущественным образом это имя обозначает и называет субстанцию, так что в то время, как правильно говорится «субстанция есть человек и человек субстанция» [1, с.18]. Понимание данной позиции Ансельм сравнивает с постижением тринитарной проблемы, значительный вклад в разработку которой внесли отцы-каппадокийцы (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский). Понимание того, как несколько индивидов составляют категорию «человек» аналогичен постижению при помощи средств человеческого разума троичной сущности Бога. «Ведь их нельзя считать тремя лицами, так как все множественные лица существуют отдельно друг от друга, что с необходимостью должно быть столько же субстанций, сколько есть лиц, – что можно видеть на примере «многих людей»... Поэтому в высшей сущности как нет многих субстанций, так нет многих лиц» [1, с.120].

Позиции реализма довольно сильно были укреплены в XII веке благодаря разработкам Шартрской школы (Бернар Шартрский, Гильберт Порретанский, Гильом Коншский и др.). Так, Бернар Шартрский (около 1070 – 1130) исходя из синтеза положений платоновского «Тимея», физики, логики и психологии Аристотеля указывал, что единственной реальностью может признаваться только Бог. Все остальные сущности (такие, как идеи или общие понятия), следуют уже после Бога. Он так же утверждал, что составные субстанции (сотворенные объекты) не являются истинно сущими. Реальными могут выступать только их элементы – материя и идеи. Выступая своеобразным средневековым вариантом неоплатонизма, представители Шартрской школы рассматривали два начала вещей – Бога (как начало единства) и материю (в качестве начала множественности). Материя здесь рассматривается в качестве исходящей из единого и стремящуюся к единству. Стоит отметить, что подобная позиция выступает своеобразной аналогией идеям эманации в неоплатонизме.

Историко-философский анализ проблемы универсалий был бы не полным без рассмотрения позиции концептуализма, ярким представителем которого являлся Пьер Абеляр (1079 – 1142). Как отмечал в своей «Истории западной философии» Бертран Рассел, рассматривая значение персоналий средневековой философии: «Абеляр сыграл наибольшую роль в развитии логики и теории познания. Его философия — это критический анализ, преимущественно лингвистический» [11, с.500].

На формирование позиции Абеляра оказали значительное влияние Иоанн Росцелин (1050 – 1122) и Гильом де Шампо (1068 – 1121). Именно реализм Гильома де Шампо и стал объектом последующей критика Абеляра. Абеляр, при рассмотрении проблемы универсалий в корне расходился с воззрениями своего учителя. Так, согласно позиции Гильома, для всех людей характерно обладание некой общей сущностью, находящейся постоянно и нераздельно в каждом индивиде. Но по мнению Абеляра, подобная позиция приводит к абсолютно алогичным выводам, когда два различных объекта, из-за приписываемой им общей сущности, воспринимаются как один, но обладающий общей характеристикой. Следовательно, если применить эту позицию к теологической проблематике, все сущности или субстанции, несущие на себе отпечаток божьего творения, становятся идентичны сущности Бога. Кроме того, Гильом утверждал о реальности существования только общих категорий (родов и видов), индивидуальные же особенности случайны и не являются значительными (акциденции). Такое утверждение в своей основе включает в себе логическую ошибку. По мнению Абеляра, общая категория может объединять объекты, обладающие абсолютно различными свойствами. «Например, «животное» является понятием общим для двух видов, относящихся к роду «животное», для человека и лошади, то одно и то же «животное», которое является разумным в виде «человек», было бы неразумным в виде «лошадь», т. е. обладало бы взаимоисключающими

признаками» [7, с. 321]. Именно подобные противоречия и возникают вследствие приписывания универсалиям статуса реально существующих объектов. По Абеляру, вещь не может выступать в качестве предиката другой вещи. «В понятии вещи не содержится никакого указания на её отношение к чему-то иному; каждая вещь есть только то, что она есть. Общее понятие, выполняющее функцию предиката, указывает не на вещь, а на состояние присущее вещи» [7, с. 321].

Следовательно, онтологический статус универсалии «человек», отражающий общее понятие, разнится с онтологическим статусом понятия, обозначающим отдельного человека. «Абеляр заявляет, что вещи походят друг на друга и это сходство дает начало универсалиям. Однако точка схождения между двумя сходными вещами сама по себе не есть вещь, в этом и состоит заблуждение реализма» [11, с.500]. Однако Абеляр в целом и не отвергает и платоновские идеи: они существуют в божественном уме как обобщенные образы для творения и выступают в качестве своеобразных «концептов».

Таким образом, Абеляр противопоставляет позициям реализма и номинализма своеобразный концептуалистический подход, основывающийся на идее того, что общим понятиям может соответствовать нечто в самом реальном мире (как обобщающая категория), но универсалии никак не могут существовать в мире в таком же качестве как индивидуальные вещи (единичные объекты).

Довольно значительный вклад в разработку проблемы соотношения общих и единичных понятий внес известный английский логик и философ Уильям Оккам (1285 – 1347). Войдя в историю науки, прежде всего как автор знаменитого методологического принципа «бритвы Оккама», Уильям Оккам в своих сочинениях (например, «Универсалия как мысленный образ», «Мнение об универсалиях Иоанна Дунса Скотта и его опровержение» [10]) уделит значительное внимание критическому анализу проблемы универсалий.

Для Оккама основой познания выступает непосредственное постижение сущности именно отдельных предметов. Позиция реалистов о существовании неких универсалий, с его точки зрения кажется нелепой и алогичной. Для иллюстрации собственной точки зрения Оккам прибегает к следующему приему. Так, если бы человеческая природа единичного субъекта являлась бы общей характеристикой (универсальной сущностью), онтологически свойственной всем членам человеческого рода, то уничтожение конкретного субъекта привела бы и к уничтожению всех прочих представителей рода, обладающих подобными свойствами. Но так как этого не происходит, говорить об универсальных категориях как о реально существующих невозможно. Стоит отметить, что при анализе гносеологической позиции Оккама многие исследователи средневековой философии (например, Фредерик Коплстон) указывают на своеобразную логическую ошибку, состоящую в совмещении двух различных категорий (индивидуальных свойств и общей характеристики). «Нет и не может быть какой-либо универсальной природы, которая нуждалась бы в том, чтобы быть «обусловленной или ограниченной» неким индивидуальным фактором. К тому же сам факт существования всего сам является индивидуальным или единственным» [9, с.338].

Трактовка сущности универсалий, согласно Оккаму, скорее связана с психологией, чем с формальной логикой и процессом обобщения понятий. Формирование общих категорий здесь происходит исходя из актов познания именно отдельных объектов. То есть универсалии, в данном случае, выступают не как объективно существующая категория, а как сходное индивидуальное свойство, наблюдаемое в отдельных предметах. Любопытно, но эта позиция практически полностью перекликается с методологическим принципом «бритвы Оккама», отстаивающим экономию мышления. «Точка зрения, которую Оккам принимает является наиболее экономной и тождественной акту познания или постижения индивидуальных объектов. Это дает ему возможность исключить саму идею универсального как особой мысленной реальности» [9, с.349]. Таким образом, постулируется идея о невозможности существования универсальных понятий вне пределов разума.

Дальнейшие коренные изменения в истории науки неизбежно породили глобальное переосмысление и переоценку многих тенденций и концептов, выработанных в более ранние исторические периоды. Так, формирование новых философских подходов и экспериментальной науки в период Нового времени с неизбежностью сместили акцент с теологической проблематики в сферу научной методологии и гносеологии, однако проблема толкования природы универсалий, по-прежнему присутствовала в философских штудиях. Не могли оставить в стороне проблему общих понятий и представители английского эмпиризма. Например, такой парадоксальный философ как Джордж Беркли (1685 – 1753) в своих работах («Трактат о принципах человеческого знания», «Опыт новой теории зрения», «Три разговора между Гиласом и Филонусом») неоднократно прибегает к анализу общих категорий для обоснования постулируемых им позиций крайнего номинализма. В частности, он подвергает сомнению вообще возможность существования такой краеугольной

обобщенной философской категории как «материя». Свою позицию Беркли трактует в контексте критики существования универсалий, отталкиваясь от работ Джона Локка, но становится при этом на более радикальные позиции.

При анализе представлений о первичных и вторичных качествах объектов Беркли указывает на то, что первичные качества являются объективными (закключающимися непосредственно в самих телах и предметах), вторичные же качества трактуются им как строго субъективные и привносятся в восприятие органами чувств. Таким образом, их источником становится сам гносеологический субъект. Обращаясь к «Истории западной философии» Бертрона Рассела, мы можем найти любопытную формулировку: «Беркли доказывает, что мы не воспринимаем материальных вещей, а только цвета, звуки и т.д., и что они являются «психическими», или существующими в уме». Его обоснования чрезвычайно убедительны относительно первого положения, что же касается второго, то у него нет никакого определения слова «психическое»» [11, с.736]. Следовательно, Беркли стремится свести все многообразие ощущений внешнего мира исключительно к субъективности восприятия. Именно тут и возникает его знаменитая трактовка – «Существовать – значит быть воспринимаемым». Исходя из позиций эмпиризма, мышление познающего субъекта так устроено, что он не в состоянии мыслить какие-либо объекты независимо от их ощущения и восприятия. «Если мы не в состоянии отличить свойства, которыми вещи обладают независимо от нас, от свойств, которые зависят от нас, то мы должны сказать, что в действительности все свойства являются субъективными. Мы можем показать, что такие свойства, как цвет, запах, вкус, тепло являются зависимыми от нас» [12, с. 370]. Таким образом, «объект и ощущения – одно и то же (are the same thing) и не могут быть абстрагируемы одно от другого» [4, с. 139].

Однако если все гносеологические процессы строятся всего лишь на субъективности восприятия, то что же мы будем подразумевать под такими категориями «реальность» и «материя»? И можем ли мы вообще обосновывать критерии объективности познания мира при подобном подходе? Здесь ирландский епископ и добрый знакомый Джонатана Свифта снова прибегает к парадоксальной позиции. Он задается вопросом: «Так что же такое сама материя? И возможно ли её существование вне наших ощущений?». Именно подобными формулировками Беркли пытается подвергнуть сомнению существование основной фундирующей категории в философских конструкциях материалистов. Материя превращается в объект берклианской критики как с точки зрения восприятия (восприятие материи, по Беркли возможно только через вторичные качества), так и с точки зрения номинализма (при которой универсалии не обладают онтологическим статусом). «Ещё одна специфически берклианская тенденция в философии – отрицание «реальности» абстрактных идей. Беркли, по сути дела, продолжает здесь линию локковского номинализма, но делает это ещё решительнее, пытаясь преодолеть его материалистический уклон» [8, с.184].

В этом вопросе стоит детально остановиться на разнице берклианского подхода при рассмотрении проблемы общих понятий (универсалий) и позиций других философов.

Так, обращаясь к работам Рене Декарта (прежде всего к «Рассуждению о методе»), мы можем встретить указание на несовпадение наших ощущений и представлений об объектах. «Поскольку чувства нас иногда обманывают, я счел нужным допустить, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется» [6, с.104].

Кроме того, в работах Декарта причинно-следственная связь непосредственно связана с логическим основанием и выводом и выступает как вариации видоизменения общих понятий (прежде всего такого понятия как «материя»). В «Первоначалах философии» он указывал: «Все свойства, отчетливо воспринимаемые в материи, сводится к тому, что она делима и подвижна в своих частях и способна принимать различные состояния, которые могут вытекать из движения её частей» [6, с. 181].

В сочинениях Джона Локка (впрочем, как и у Декарта) сами вещи наделяются общими и отвлеченными атрибутами. Так, обращаясь к «О опыту о человеческом разумении» (1690), мы можем встретить согласие Локка с позицией Беркли по поводу того, что «все общие идеи не что иное, как единичные, соединённые с некоторым именем, которое придает им более широкое значение и заставляет их вызывать при случае в памяти другие индивидуальные идеи, сходные с ними» [11, с. 747].

Беркли же стремится проиллюстрировать невозможность существования отвлеченных всеобщих категорий. Согласно его позиции, не может существовать некоего отвлеченного пространства (протяжения), положения, объема или формы. Не может быть мыслима форма или объем какого-либо объекта (фигуры) вне этого объекта или фигуры соответственно. Следовательно, не может быть мыслима и такая общая категория как «материя». «Не существует той общей сущности, которую не видел ни один человек и которая была вымышлена и составлена из отвлеченных свойств, –

сущности, называемой философами материей. Все материальные свойства вещей лишь отношения, которые мы прибавляем к первоначальным свойствам» [5, с. 333].

Конечно же проблема формирования общих понятий и понимание их сущности в истории философии подвергалась многочисленным модификациям. Начиная с понимания сущности платоновских «эйдосов» и толкований Порфирия и Аристотеля, она воплотилась в теологических спорах Средних веков, выступая своеобразным камнем преткновения в споре между реалистами и номиналистами, а позже отразилась в философских исканиях эмпириков и рационалистов.

Таким образом, это ещё раз свидетельствует о том, что «культуру и науку эпохи, как бы далеко она не отстояла от нас во времени, нельзя замыкать в себе как нечто готовое, вполне завершённое и безвозвратно ушедшее, умершее» [3, с. 333]. Вполне может быть, что уходящая своими корнями в прошлое гносеологическая проблема, активно может воздействовать своими мотивами и на современную проблематику теории познания.

Список литературы:

1. Ансельм Кентерберийский. Сочинения / Ансельм Кентерберийский. — М. : Канон, 1995. — 400с.
2. Аристотель. Категории / Аристотель // Собр. соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1978. — Т.2. — 685с.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / Михаил Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.
4. Беркли, Дж. Сочинения / Джордж Беркли. — М. : Мысль, 2000. — 560 с.
5. Виндельбанд, В. История новой философии в её связи с общей культурой и отдельными науками. Т.1. От Возрождения до Просвещения / Вильгельм Виндельбанд. — М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2000. — 640с.
6. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Рене Декарт. — М. : Академический Проект, 2014. — 322с.
7. История философии: Запад – Россия – Восток. Книга первая. Философия древности и Средневековья / под ред. Н. В. Моторшиловой. — М. : Академический Проект, 2012. — 435 с.
8. История философии: Запад – Россия – Восток. Книга вторая. Философия XV – XIX вв. / под ред. Н. В. Моторшиловой. — М. : Академический Проект, 2012. — 485 с.
9. Коплстон, Ф. История философии. Средние века / Фредерик Коплстон. — М. : Центрполиграф, 2003. — 494 с.
10. Оккам, У. Избранное / Уильям Оккам. — М. : Ленанд, 2024. — 272 с.
11. Рассел, Б. История западной философии / Бертран Рассел. — Ростов н/Д. : Феникс, 2002. — 992 с.
12. Скирбек, Г. История философии / Густав Скирбек, Нилс Гилье. — М. : ВЛАДОС, 2001. — 800 с.

Статья поступила в редакции 3.03.2026

Tkachenko R. V. *Historical and Philosophical Analysis of the Problem of Universals*

This article examines the epistemological issues associated with understanding the essence of general concepts (universals). It explores the concepts of the formation of general and singular concepts and their dependence on the primary and secondary qualities of the objects being cognized. Furthermore, it analyzes various issues related to the interpretation of general concepts (universals) within the framework of approaches characteristic of the philosophy of various historical periods (Antiquity, the Middle Ages, and the Modern Era). A comparative analysis of the positions of various philosophers on understanding the essence of general and singular concepts is also provided.

Keywords: universals, particulars, eidos, nominalism, realism, conceptualism, matter, empiricism, rationalism, accident.

УДК [172.4:008]+37.0

Статья посвящена исследованию парадигм войны и мира в русской философии и обоснованию потенциала эллинской системы образования для преодоления антропологической катастрофы.

Ключевые слова: мир, война, безумие, Ноосфера, Эллинизм

Т. П. Минченко, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

Email: mtp70@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАХ ВОЙНЫ И МИРА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И АКТУАЛЬНОСТИ ЭЛЛИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Исследование парадигмальных оснований катастрофических гибридных конфликтов и основных альтернатив этому вызвано главной проблемой нашего времени – усугублением антропологической катастрофы, которая является источником всех современных глобальных проблем.

М. Мамардашвили определяет ситуацию «антропологической катастрофы» как уход в своего рода «зазеркалье», имитацию бытия, разрушающую основы культуры: «разрушение основ цивилизации, производит нечто с человеческим началом, с человеческим содержанием жизни, выражающееся в антропологической катастрофе, которая, возможно, является прообразом любых других, возможных глобальных катастроф» [9, с. 107].

Альтернативой разрушению цивилизационных устоев с использованием новейших технических достижений, является формирование Ноосферы, главным качеством которой является разумная счастливая жизнь в соответствии с законами Космоса.

Понятие парадигмы (др. гр. *παράδειγμα* – образец) в данном исследовании применяется для анализа основных смыслов ключевых концепций – Войны, Мира, Эллинизма.

«Война» изначально определяется как конфликт между политическими образованиями (государствами, политическими группами и т. д.), в форме вооруженного противостояния и военных (боевых) действий между их вооруженными силами. Например, философский словарь определяет войну как «вооруженную борьбу между государствами или народами, между классами внутри государства» [20, с. 93].

В настоящее время эти классические смыслы дополняются «парадигмой гибридной войны» [1, с. 44-61] в рамках которой исследуются новые элементы в современных конфликтах, связанные с глобализацией и развитием технологий, с созданием угроз вследствие сращивания организованной преступности, терроризма, информационной войны и «цветных революций» в качестве детерминирующих элементов гибридной войны [16, с. 157-164].

Учитывая различные типы войны, статус участников, этические принципы также различаются. Общим является то, что войны создают для человека экзистенциальную ситуацию необходимости насилия, ставя под вопрос сами основы современной морали, актуализируя главный философско-антропологический вопрос: «как остаться человеком в нечеловеческой ситуации?» [26, с. 3].

Еще одна грань антропологической катастрофы – «человек-масса» – феномен массовой культуры, описанный Х. Ортегой-и Гассетом, или «незначительный человек, банальный человек», не обладающий критическим, объективным мышлением. Это одно из следствий «обыденной природы зла», связанное с совершением зверств «по приказу», «из чувства долга», «обязанностей» и т. д. – без размышления, осознания и ответственности за свои действия. Данный феномен глубоко проанализирован Х. Арендт в труде «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме».

Понятие «мира» в русском языке многозначно. Толковый словарь русского языка выделяет семь значений слова «мир» для обозначения Вселенной, Земли со всеми ее обитателями либо отдельных областей жизни, сфер общества («мир животных», «внутренний мир», «светская жизнь, в миру», «иной мир», «научный мир») и три для обозначения отсутствия вражды или войны (согласие, отсутствие войны, соглашение враждующих сторон о прекращении войны) [17, с. 358].

В данном исследовании мы используем понятие мира не только как отсутствие войны и насилия, но и как альтернативное больному и безумному – здоровое состояние общества, описанное в труде Э. Фромма «Здоровое общество». Такая социальная система предоставляет возможности для физического и духовного развития человека в гармонии с природой, с другими людьми и со Вселенной (от древнегреческого понимания единства микро- и макрокосма). Мир, как Ноосфера, согласно концепции В. И. Вернадского – высшая стадия развития биосферы, формирующуюся благодаря

разумной деятельности человека [4]. В целом, исследование альтернатив мира и войны в философии реализуется через дихотомии добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, вражды и любви, разума (ноосферы) и безумия, здоровья и болезни.

Парадигма «Эллинизма» (Ελληνισμός) в ее ключевых характеристиках представлена в 28 Выпуске «Парадигм истории...» [10, с. 20-25]. Эллинизм понимается не в узком историческом смысле, не как эпоха в истории восточного Средиземноморья, длившаяся со времени смерти Александра Македонского до окончательного установления римского господства на этих территориях, а как архетипическое единство греческой культуры разных периодов, в его взаимовлиянии с мировой культурой, в том числе через правильное употребление греческого языка, особенно не греками и воспринятые эллинские мыслеформы, и образовательные институции [5, с.8-9]. Таким образом, возвращается расширительное философское понимание парадигмы Эллинизма [24, с. 38-48].

Противоречия войны породили дискуссии о ней в философии различных периодов, от античных до современных мыслителей. Еще в VI в. до н.э. Сунь Цзы выделил три основные формы войны: 1) идеальная – ведение войны по принципу «покорить вражескую армию без боя» – является вершиной военного искусства; 2) менее выгодная: разрушение отношений противника с союзниками, ослабление его невоенными средствами, так что он предпочитает уступки вооруженной борьбе; 3) худшая, суровая и рискованная: применение вооруженной силы; однако победа не гарантирована, а риск нанесения ущерба высок [15].

Однако в XX-XXI вв., несмотря на все достижения цивилизации, распространение третьей формы войны, по классификации Сунь Цзы, нарастает. Обратимся к основным подходам по сопоставлению парадигм войны и мира в русской философской мысли. Отметим, что осмысление парадигм войны и мира представлено не только в философских трудах, но и в научных, художественных, мемуарных или документально-очерковых книгах, например, как в фундаментальном романе «Война и мир» или в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого; в описании женского опыта войны в книге С. Алексиевич «У войны не женское лицо»; жестокой окопной правды в книге Н. Н. Никулина «Воспоминания о войне» – не с генеральской колокольни, откуда все видно, а снизу, с точки зрения солдата, ползущего на брюхе по фронтовой грязи, а иногда и уткнувшего нос в эту грязь; в периодических изданиях, например в эмигрантском издании 1922-1925 гг. «Война и мир. Вестник военной науки и техники» и других источниках.

Главный критерий морального выбора людей в условиях войны в ответе на вышеупомянутый вопрос: как остаться человеком в бесчеловечной ситуации? Такая формулировка вопроса носит философский и антропологический характер, отличаясь от нормативных подходов, распространенных в англо-американской аналитической традиции, которые предлагают то или иное оправдание войны (теория справедливой войны) и навязывают регулирование поведения комбатантов на основе абстрактно понимаемых прав человека [21, с. 190-196].

В первую очередь, речь идёт о полемике между этикой ненасилия Л. Н. Толстого и его последователей, лежащей в основе пацифизма и антимилитаризма, с одной стороны, а, с другой – о широком круге позиций, критикующих непротivление злу и отрицание войны в учениях В. С. Соловьева, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, А. А. Керсновского, Н. О. Лосского, С. Н. Булгакова, В. В. Розанова и других мыслителей.

Л. Н. Толстой постепенно сформулировал принцип «непротivления злу насилием», опираясь на идеи древних мудрецов и пророков Лао-цзы, Конфуция, Будды, Христа и других о бессилии зла и мудрости ненасилия.

В развитии идеи ненасилия у Толстого прослеживаются несколько этапов: от обоснования заповеди ненасилия как ключевого принципа христианского учения в работе «Что есть моя вера?», как принципа личного поведения и закона общественной жизни «Царство Божие внутри нас, или христианство – не мистическое учение, а новое понимание жизни» до систематизации и популяризации философии ненасилия в таких трудах, как «Круг чтения», «Путь жизни», «Закон насилия и закон любви». Главными проявлениями зла на земле Толстой полагает насилие и смерть.

Альтернативой этим воплощениям зла являются понятия свободы и любви. Мыслитель убежден, что возмездие за зло увеличивает его, и человек, вступающий в борьбу против насилия, лишает себя свободы. Если народ признает человеческую власть выше Бога и Его законов, то он всегда будет находиться в рабском государстве и подвергаться насилию. В «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстой подчёркивает безумие состояния войны: «Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать» [19, с.13].

В феврале 1901 года Толстой был отлучен от Православной Церкви, и противников его концепции становится всё больше.

Современная РПЦ также заявляет о несовместимости пацифизма с православным учением и применяет этот аргумент в судах, наказывая священников за отставание заповеди «Не убий» и слов Евангелия «Блаженны миротворцы, ибо они будут названы сынами Божиими», например: «Пацифизм, которым священник Бурдин пытается прикрыться выдвинутыми против него обвинениями, несовместим с действующим учением Православной Церкви, в частности, изложенным в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»: пацифизм, то есть принципиальный отказ христиан от участия в войнах, обычно является элементом еретических, сектантских доктрин» [6]. Однако не все священники разделяют официальную позицию Русской Православной Церкви по вопросу войны и мира. 1 марта 2022 года был опубликован «Призыв духовенства Русской Православной Церкви к примирению и прекращению войны».

Несмотря на большое количество противников, идеи Л. Н. Толстого оказали огромное влияние на мировоззрение людей, и их развитие нашло успешное практическое применение. Наиболее значимые примеры реализации идей Л. Н. Толстого в мировой практике – ненасильственное сопротивление, организованное М. Ганди, как успешная стратегия освобождения Индии от колониализма, или успешная защита гражданских прав в США М. Л. Кингом. Однако причины резкого роста агрессии после смерти идеологов ненасилия и их насильственной гибели требуют отдельного исследования. Таким образом, первый подход – это позиция пацифизма и ненасилия, определяющая войну как абсолютное зло, от которого необходимо отказаться (Л. Н. Толстой, Н. и Е. Рерихи, А. А. Гусейнов).

Иной подход формулируют критики принципа непротивления злу силой.

В. С. Соловьев обосновывает истинное понимание философии Добра и Зла в христианском учении и православной религии, при этом не соглашаясь с тезисом, что истинное религиозное понимание войны заключается в непротивлении и пацифизме. Всё Добро от Бога, а Зло от дьявола, и это характерно для слабой человеческой природы. Бывают ситуации, когда необходимо применять защиту и самооборону, и даже жестко отвечать врагу. Идея Толстого о непротивлении злу насилием, по мнению Соловьева, на практике означает неспособность оказать эффективную помощь жертвам зла [14].

Н. А. Бердяев рассматривал войну и революцию как духовные испытания: «мировая война, ... должна в кровавых мучениях породить твердое осознание всеобщего единства». Двойственная природа войны проявляется в том, что она может одновременно привести к потере духовности, но в то же время является началом всеобщей любви, если человек принимает свободу выбора, соотнося ее с волей Божией и спасая свою душу [2; 3].

А. А. Керсновский анализирует сущность войны также на основе христианской этики, при этом опираясь на свой опыт участия в боевых действиях. Мыслитель определяет войну как средство: «Мир – нормальное состояние человечества, война – явление патологическое, нарушающее правильный обмен веществ государственного организма». «И решаться на это зло, на эту болезнь, следует лишь в положениях безвыходных, когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов» [7, с.23-24]. Керсновский выступает против пацифизма, поскольку он опасен для государства, он полагает, что истинный христианин может оправдать свое участие в войне, если эта война справедлива [8, с. 14-15].

И. А. Ильин в своем труде «О сопротивлении злу силой» критикуя учение Л. Н. Толстого за абсолютное отрицание насилия и войны, ставит главный вопрос: «Допустимо ли убивать человека?» Убийство разрушает человеческую душу. Следовательно, не может быть морального оправдания убийству. Ильин пишет, что сторона, вынужденная защищаться, вынуждена обратиться ко злу и использовать убийство для противодействия злу. Именно в этом и заключается главное противоречие войны, когда совесть сосредоточена на избегании насилия, а реальность требует убийства для достижения мира. Само сопротивление злу как таковому всегда остаётся праведным поступком. Чем труднее это сопротивление, тем больше подвиг и заслуга сопротивляющегося.

В современных дискуссиях о природе войны и мира также можно выделить подход, полагающий войны одним из постоянных факторов общественного развития. В мире чередуются периоды повышенной и сниженной агрессии.

С. Д. Хайтун обосновывает автогенетическую концепцию эволюции, идею «катастрофического шума», который стимулирует эволюционную самосборку. Война, рынок и наука — это особые механизмы, созданные цивилизацией для генерации «катастрофического шума», который

обеспечивает её выживание и одновременно угрожает её гибели из-за фатального несовершенства в контроле уровня этого «катастрофического шума» [22].

А. П. Назаретян исследует нелинейную зависимость между ростом технологического потенциала общества и совершенствованием разработанных им механизмов сдерживания агрессии. Формулирует закон техно-гуманитарного равновесия, или закон эволюционных корреляций: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем больше качественных средств самоограничения необходимо для выживания общества. Отмечается, что пропорционально мощи технологий цена насилия резко возросла: локальные события как никогда чреваты далеко идущими последствиями, включая угрозу глобальной катастрофы [12].

А. Г. Дугин в книге «Русская война» и в других произведениях обращает внимание на глубокие онтологические корни войны. Более того, война существует даже в чем-то более глубоком, чем бытие, поскольку она предшествует ему. Бытие рождается из войны. Это утверждал древний философ Гераклит, называвший войну отцом вещей. Он определял мир как «космическое сообщество бытия без войны» или «космос человеческого сообщества», но государство, народ, культура всегда вынуждены бороться, чтобы оставаться самими собой, чтобы выжить.

Современная ситуация характеризуется нарастанием антропологической катастрофы, уходом в имитацию бытия, усугубляемым стремительным развитием виртуальной реальности и цифровизацией. При этом кризис цивилизации содержит в себе как возможность ее гибели, так и возможность преобразования мира в гармоничную и многоуровневую целостность.

Потенциал развития образования и культуры в парадигме Эллинизма является альтернативой парадигме войны, наряду с ключевым принципом осознанной свободы мировоззрения. В русской философии это созвучно философии космизма, философии Всеединства Вл. Соловьева, Живой Этике Е. и Н. Рерихов, концепции ноосферы В. Вернадского, концепции социокультурной динамики П. Сорокина и др.

В. И. Вернадский отмечает, что важнейшим условием реализации Ноосферы является полное исключение войн, как «излишков варварства», из жизни человечества. «Очевидно, в ноосфере не может быть войн – массовых убийств, и должны быть созданы другие, более отвечающие разуму способы решения недоразумений» [4, с. 55].

«Единственная война, которая может быть оправдана, – это война с невежеством. Любая другая война — это проявление варварства, а именно – дикого невежества. Так пусть лозунгом будущей войны будет «Борьба с невежеством», а Знаменем – «Мир через Культуру» [13].

Ранее автором был обоснован целостный подход к системе образования, опирающийся на парадигму Эллинизма, основы которой заложены в учениях античности и особенно актуальны сейчас для формирования полноценного Человека (Ἀνθρώπος), связанного, в первую очередь, с развитием его органических способностей, а не только «технических костылей», со здоровьем на физическом, психическом и духовном уровнях [10, с. 20-25; 11, с. 20-24].

Современное образование оторвалось от смысла Истинного образования (Ἀληθινὴ Παιδεία), поощряя специализацию и разделяя познавательные способности и человеческий интеллект на части, вместо того чтобы объединять их, что ведет к углублению и разрастанию конфликтов. Проблема для системы образования будущего заключается в исключении формирования крайностей - с одной стороны, воинствующего невежества, цифровой деменции [23; 25], а, с другой, – «высокообразованных Эйхманов» (Х. Арендт).

Истинное образование формирует критическое мышление (Κριτική Σκέψη) и способность различать полезные знания, которые продвигают мышление и разум (Νοῦς) на более высокие уровни, проясняя границы между Добром и Злом и побуждают человека следовать путем добродетели (Ἀρετή), а не порока (Κακία), создавая условия формирования Ноосферы как альтернативы войнам. Также оно содействует уравниванию двух полушарий мозга путем органичного синтеза различных видов знаний, и ведущая роль в этом процессе принадлежит философии.

Список литературы:

1. Бартош, А. А. Парадигма гибридной войны / А. А. Бартош // Вопросы безопасности. – 2017. – С. 44-61.
2. Бердяев, Н. А. Душа России // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. – М. ; Жуковский ; Киров : Кучково поле: Дом печати - Вятка, 2005. – С. 248-286.
3. Бердяев, Н. А. Мысли о природе войны // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. – М. ; Жуковский ; Киров : Кучково поле: Дом печати - Вятка, 2005. – С. 286-294.
4. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.

5. Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности : коллективная монография / под науч. ред. Т. П. Минченко. – Томск : STT, 2016. – 402 с.
6. В РПЦ напомнили о несовместимости пацифизма с православным учением // Коммерсант : [сайт]. – 2023. – 11 июня. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6042113>. — Дата публикации: 11.06.2023.
7. Керсновский, А. А. О природе войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. / сост. И. В. Домнин. – М. : Русский путь, 1999. – С. 16-30.
8. Керсновский, А. А. Философия войны // Философия войны / под ред. А. Б. Григорьева. – М. : Анкил-воин, 1995. – С.10-90.
9. Мамардашвили, М. К. Сознание и цивилизация / Мамардашвили М. К. // Как я понимаю философию : [сборник] / Мераб Мамардашвили ; сост., [вступ. ст.] и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. - 2-е изд., изм. и доп. - Москва : Прогресс : Культура, 1992. – С. 107-121.
10. Минченко, Т. П. Парадигма эллинизма и ее актуальность в современном мире / Т. П. Минченко // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. – 2023. – № 28. – с. 20-25.
11. Минченко, Т. П. Философское понятие эллинизма, ΕΛΛΗΝ ΛΟΓΟΣ и код греческого алфавита / Т. П. Минченко, Ф. Тираски // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. – Симферополь, 2021. – С. 20–24.
12. Назаретян, А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса) / А. П. Назаретян. – М. : Наследие, 1996. – 184 с.
13. Рерих, Е. И. О войне. Выдержки из писем // Благотворительный Фонд имени Е. И. Рерих : [сайт]. – URL: <https://www.found-helenarocherich.ru/heritage/about-war/> (дата обращения: 4.03.2026)
14. Соловьёв, В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями / В. С. Соловьёв // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 635–762.
15. Сунь-цзы. Искусство войны / Сунь-цзы. – Москва : Центрполиграф, – 2011. – 191 с.
16. Тишкин Д. Н. К вопросу о технологии гибридной войны: проблемы организованной преступности / Д. Н. Тишкин, О. А. Артюхин, А. А. Крицкая // Философия права. – №1. – С.157-164.
17. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2000. – 940 с.
18. Толстой, Л. Н. Путь жизни / Л. Н. Толстой. – Москва, 1911. – 503 с
19. Толстой, Л. Н. Севастопольские рассказы / Л. Н. Толстой. – Public Domain. 1855. -160с.
20. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова – М. : Республика, 2001. – 719 с.
21. Фирузи, Ш. Ф. Понятие и особенности комбатантов в международном гуманитарном праве / Ш. Ф. Фирузи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2019. – № 4 (60). – С. 190-196.
22. Хайтун, С. Д. Мои идеи в кратком изложении: От негауссовости социальных явлений до космологии и феномена жизни во Вселенной. Война, рынок и наука как генераторы «катастрофного шума», обеспечивающего нам выживание, одновременно угрожая гибелью – М. : URSS, 2023. – 328 с.
23. Четверикова, О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России / О. Н. Четверикова. – М. : Книжный мир, 2019. – 320 с.
24. Шичалин, Ю. А. Основополагающее значение греческого пласта европейской цивилизации для понимания ее истории и перспектив ее развития // Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности : коллективная монография / под науч. ред. Т. П. Минченко. – Томск : STT, 2016. – С. 38-48.
25. Шпитцер, М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / М. Шпитцер ; пер. с нем. А. Г. Гришина. – Москва : АСТ, 2014. – 288 с.
26. Этика войны в странах православной культуры : коллективная монография / науч. ред. П. Боянич. – СПб. : Владимир Даль, 2022. – 310 с.

Статья поступила в редакцию 06.03.2026

Minchenko T.P. On the Issue of War and Peace Paradigms in Russian Philosophy and the Relevance of Hellenic Education and Upbringing

This article explores the paradigms of War and Peace in Russian philosophy and substantiates the potential of the Hellenic educational system to overcome anthropological catastrophe.

Keywords: Peace, War, madness, Noosphere, Hellenism

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 355.327:[629.532.2(091)+355.49(470:560)]1853/1854¹

В статье на основе архивных документов освещается история пароходофрегата «Владимир» (1848–1855). Описана дипломатическая хитрость при его заказе в Англии под видом гражданского судна, технические характеристики и вооружение. Показан вклад русских инженеров (Михайлов, Авдеев, Данилов), исправивших конструктивные недостатки английской машины. Подробно рассмотрены боевые эпизоды: первый в истории бой паровых кораблей (пленение «Перваз-Бахри» под командованием Г. И. Бутакова) и вылазка 24 ноября 1854 г. под руководством П. С. Нахимова, продемонстрировавшая мужество моряков осажденного Севастополя.

Ключевые слова: пароходофрегат «Владимир», П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, Г. И. Бутаков, пароход, «Перваз-Бахри», Крымская война.

Е. А. Абаев, преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: i@eabaev.ru

ПАРОХОДОФРЕГАТ «ВЛАДИМИР» ОТ ПОСТРОЙКИ К ГЛАВНЫМ ПОБЕДАМ¹

В марте 1848 года адмиралу М.П. Лазареву было отправлено из Лондона письмо, в котором говорилось, что на воду спущен «фрегат пароход “Владимир”», а также о выплате третьего платежа по контракту за его постройку (7350 фунтов стерлингов) и третьего платежа по контракту за паровые машины для «Владимира» (5085 фунтов стерлингов) [2, с. 92]. Общая стоимость постройки пароходофрегата вместе с артиллерийским вооружением составила 70 572 фунта стерлингов [2, с. 92]. Пароходофрегат «Владимир» действительно было построен в Англии и оснащен мощной (400 л.с.) паровой машиной. Его строительство и доставка на Черноморский флот стали примером дипломатической и инженерной хитрости, так как по английским законам того времени было запрещено строить для других держав современные военные пароходы. Заказ был оформлен как строительство «почтового пакетбота» или гражданского судна (рис. 15–17). Современники отмечали, что на изготовление корпуса, внутреннюю отделку и столярные работы пошли особо ценные породы дерева: африканский дуб, индийский тик, мемельский дуб, английский дуб, американский белый дуб, испанское красное дерево. Рангоут изготовили из сосны [2, с. 92]. Наблюдал за выполнением работ капитан 1-го ранга Владимир Алексеевич Корнилов [3, л. 62].

На строительство этого пароходофрегата 6 ноября 1847 года был заключен договор, по которому сразу после спуска на воду и вооружения парусами фрегат должен быть отправлен в Одессу [3, л. 62]. Более того, в договоре были прописаны все порты, в которые должен и может заходить пароход (например, Плимут и Мальта), а в каждом из таких портов «с разрешения капитана 1 ранга Корнилова» закупать нужное количество валлийского угля. За неимением такого – доставленный из «северных стран Англии» [3, л. 63]. Также были установлены запреты английским капитанам на провоз своего груза и пассажиров (в отличие от русских военных, которым давалась на это абсолютная свобода) [3, л. 63-63об.]. Командовать пароходофрегатом во время перехода в Одессу предписывалось Карлу Вингу или любому другому командиру, которого выберет Карл Винг [3, л. 62об.].

Сделано это было, судя по всему, по одной из двух причин: либо среди военных моряков, которые присутствовали в Англии при строительстве парохода, не было таких, которые могли бы управлять пароходом. Либо суть заключалась в отдельно прописанном пункте № 5 этого договора, гласившем: «И

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Русского географического общества «У моряка нет трудного или легкого пути, есть только один путь – славный» (Договор о предоставлении гранта от 04.07.2025 № 01/2025-И).

что упоминаемый Карл Винг или командующий вместо него пароходом Владимир шкипер обязуется остановиться в Константинополе и выхлопотать надлежащий фирман для беспрепятственного следования в Одессу...» [3, л. 64].

Судя по всему, русская дипломатия решила перестраховаться и не давать туркам шанса и повода не пропустить пароходофрегат в Черное море, а сразу после прохождения этих процедур предписывалось начать подготовку к передаче пароходофрегата со всеми его припасами, паровыми машинами, парусами и прочим в надлежащем состоянии назначенным лицам в Одессе [3, л. 64].

Дошедший до нашего времени вахтенный журнал корабля, датируемый 1848 годом, сообщает, что на вооружении «Владимира» имелось пять бомбических пушек «большого калибра» – три 68-фунтовых (одна в носу и две – по бортам), и две 10-дюймовых (в корме), а также четыре пушко-карронады 36-фунтового калибра (через год заменены на 24-фунтовые). Боезапас для пяти бомбических пушек включал: бомб – 200, ядер пустых – 450, ядер полных – 425, картечи – 100 зарядов. Для четырех 36-фунтовых пушко-карронад: ядер – 300, бомб – 120, картечи – 80. Пороха мушкетного – 250 пудов, мелкого – 3 пуда. Имелось на борту и абордажное оружие: копий с древками – 15, пистолетов – 50, сабель – 50. Водоизмещение «Владимира» в полном грузу составляло 1724 тонны при среднем углублении – 14 футов 6 дюймов (4,42 м). Его длина между перпендикулярами равнялась 200 футам (60,96 м), ширина с обшивкой (с учетом толщины бархоута) – 35 футов 11 дюймов (10,95 м), глубина интрюма – 21 фут (6,4 м). Мощность паровой машины исчислялась в 400 л.с. Запаса угля хватало на

В начале февраля 1849 года адмирал М.П. Лазарев, рапортуя о получении Черноморским флотом пароходофрегата «Владимир», испрашивал у начальника Главного морского штаба А.С. Меншикова разрешения присвоить ему ранг военного фрегата [6, л. 1-1об.]. На что к концу месяца получил дозволение [6, л. 1-1об.].

Среди документов, хранящихся в РГАВМФ, удалось выявить аналитическую записку неустановленного авторства и года (вероятнее всего 1854–1855 гг.), в которой подробно описаны исправления в паровых машинах «Владимира», предпринятых русскими мастерами. Автор начинает повествование с того, что паровая машина Джорджа Рени «превосходной работы, но некоторые части ее оказались неудовлетворительными» [8, л. 8]. За этим сразу следует уточнение, что это касается не качества исполнения работы, а скудности чертежа и многих «витиеватых изобретений», большинство из которых оказались непрактичными, а некоторые «как бы недоделанными» [8, л. 8]. Например, «Стараясь понизить котлы для предохранения их от ядер, он увлекся до того, что не сделал у них паровиков или паровых бассейнов, которые конечно оказались необходимыми в первые же рейсы. Смежные котлы не имели между собой сообщения, почему упругость пара в них была постоянно неравномерна. Качающиеся цилиндры, золотники их имели только с одной стороны продувательные краны, почему невозможно было продуть это чисто. Холодильники вовсе не имели этих кранов. Горизонт теплых ящиков и наружные отверстия их сделаны были на 6 футов ниже горизонта моря, так что на насосах тяготела масса воды, сопротивлявшаяся начальному пусканию машины в ход. В способе приобщения колес к машине были также важные недостатки, устраненные весьма легко» (рис. 1.) [8, л.

Автор отмечает, что эти и многие другие несовершенства были исправлены (или исправлялись на постоянной основе) российскими инженерами до тех пор, пока наши механики не додумались до «усовершенствования усовершенствований» английских механиков. Например, у клапанов воздушных насосов на пароходофрегате постоянно ломались кончики крючков, которыми они держались, когда вода поднимала их вверх [8, л. 8]. Поэтому экипажу всегда надлежало иметь двойной комплект клапанов и постоянно осматривать их на предмет поломки. Русские инженеры-механики Михайлов и Авдеев установили над клапанами упоры, которые помогали крючкам сдерживать воздушные насосы, с тех пор ни один крючок не сломался [8, л. 8].

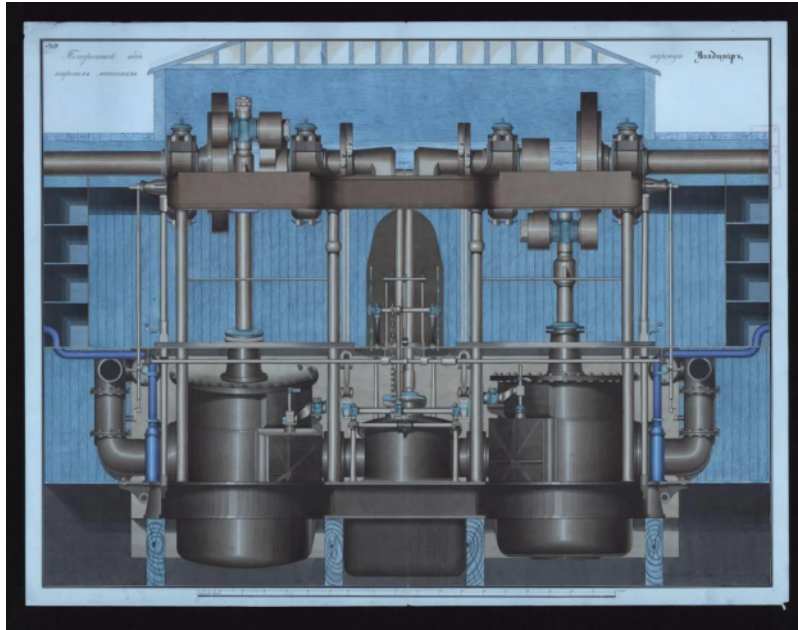

Рис. 1. «Поперечный вид паровым машинам» пароходофрегата Владимир.
РГАВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Ед.хр. 1838.

Донья цилиндров пароходофрегата «Владимир», как оказалось, были тоньше их боков и, хотя они были скреплены, но в соединении с боками были еще более тонки, а клапаны для выпуска воды из цилиндров были слишком малы для такого давления. Поэтому левый цилиндр лопнул еще в 1849 году и исправлен в Николаеве инженером-механиком Даниловым [8, л. 8об.]. Каждый штырь, на которых вращались клапаны, держался на обычной чеке, которая могла выпасть от сильной боковой качки (так и случилось в ноябре 1853 года) [8, л. 8]. Штырь от этого ушел вбок, клапан соскочил с петель и сполз на большой клапан, а когда поршень насоса опустился, то согнул другой клапан и придавил ко дну холодильника перемычку. «Само собой разумеется, что насос не мог уже выкачивать воду» [8, л. 8об.].

1853 году сорвались оба штыря клапана правого воздушного насоса и дно правого цилиндра лопнуло. Пароходофрегат «Владимир» был исправлен в Севастополе инженером-механиком Авдеевым. Прежде всего, Авдеев прижал отделившееся дно, его прикрепили к бокам железными планками. Потом, чтобы сделать гладкую наружную поверхность дна цилиндра, между приливами положены деревянные чаки (прокладки) и прикреплены болтами. Затем был положен в два ряда войлок на суричной замазке и прибит к чакам железными гвоздями. Затем подведён чугунный поддон, состоящий из двух половин, соединённых между собой болтами. Поддон прикреплял сквозными болтами через войлок деревянные чаки ко дну цилиндра и также к бокам его болтами. После этого оставшееся пространство между дном цилиндра и поддоном залили свинцом, а промежуток между боками цилиндра и поддона набили чугунной замазкой. Это исправление сделало цилиндр совершенно годным и, подобно левому цилиндру, более надёжным, чем он был до этого [8, л. 8об.].

Когда лопнул правый цилиндр, шток его поршня разъединили с паровой машиной и попробовали идти только на одной левой паровой машине. Сначала все шло хорошо, но вскоре оказалось, что в левых действующих котлах горизонт воды быстро уменьшался, несмотря на усилия вспомогательной помпы. Дело было в том, что левый цилиндр своей помпой мог качать в левые котлы воду только из тёплого ящика правой машины, а правой только обратно, и так как правый тёплый ящик был пуст, то в действующие котлы вода накачивалась только вспомогательной помпой. «Хорошо, что пароход был близко от Севастополя» [8, л. 8об.-9].

Инженер-подпоручик Михайлов предложил соединить тёплые ящики трубами, чтобы можно было из любого из них качать любой помпой, что и было сделано немедленно [8, л. 9]. Отдельно автор упоминает об экспериментах при движении на одном колесе: «Упомянув о ходе на одной машине не могу не сказать несколько слов о ходе одним колесом. Держась с 1853 году вместе с эскадрой под парусами, с разобшёнными колёсами, когда понадобилось приобщить их к машине, то сделали это

сначала только с одним колесом и попробовали ход, и действуя обеими машинами. Оказалось, что пароход шёл по румбу, держа руль почти совершенно прямо» [8, л. 8об.-9].

Начальник штаба Черноморского флота и портов генерал-адъютант В.А. Корнилов имел к пароходам самое прямое и непосредственное отношение. 15 октября 1853 из Николаева он отправился на пароходофрегате «Громоносец» в Севастополь [7, л. 3]. По прибытии туда, по приказу начальника Главного Морского штаба А.С. Меншикова, была составлена под его флагом эскадра, из кораблей: 120 пушечных «Великий князь Константин», «Три святителя», «Париж», «Двенадцать апостолов», 84 пушечных «Ростислав», «Святослав», пароходов «Владимир», «Одесса» и брига «Эней» [7, л. 3-3об.].

29 октября Корнилов с эскадрой отправился из Севастополя сначала к мысу Калиакрия, затем в Варну и Балчик, для отыскания и истребления турецкого флота, но поскольку объединенной эскадре обнаружить неприятельские суда нигде не удалось, то он с корабля «Великий князь Константин» пересел на пароходофрегат «Владимир» для прибытия с докладом в Севастополь. 5 ноября с рассветом с «Владимира» увидели пароходный дым у анатолийского берега между портами Амастро (совр. Амасра) и мысом Керемпе, по направлению к Севастополю [7, л. 3об.]. В.А. Корнилов, не понимая, чей это пароход и какие задачи выполняет, приказал взять курс на него. К 9:30 утра стало очевидно, что пароход турецкий, в связи с чем был открыт огонь [7, л. 3об.]. Как впоследствии выяснилось, пароход был египетский (Египет входил в состав Османской империи, потому пароход был законной целью) и назывался «Перваз-Бахри» (Владыка морей). Он был новый, хорошей конструкции, оснащен машиной мощностью 220 сил.

Рис. 2. Бой пароходофрегата «Владимир» с турецким паровым фрегатом «Перваз-и Бахри» 5 ноября 1853 год. С картины А.П. Боголюбова

На выстрелы русских моряков турки ответили бортовым залпом. По ходу боя командир «Владимира» капитан 2 ранга Григорий Иванович Бутаков определил, что турецкий пароход не имеет орудий в кормовой части. Имея значительное преимущество в скорости, Бутаков постоянно держал свой корабль со стороны кормы противника [1, с. 44-54]. Это, в свою очередь, давало возможность «Владимиру» избегать мощного и прицельного бортового огня «Перваз-Бахри» и при этом использовать свою артиллерию на баке.

Позднее Г. И. Бутаков в своем рапорте описал этот бой так: «Увидев, что противник мой не имеет кормовой и носовой обороны, я направил два 68-фунтовых орудия по направлению своего бушприта и стал держать ему в кильватер, уклоняясь понемногу в одну и другую стороны, чтобы удобнее было наводить каждую по очереди. Когда же он, чтобы иметь возможность навести свои бортовые орудия,

старался принять направление поперек моего курса, я уклонялся в ту же сторону и громил его пятью орудиями своего борта, именно же, двумя 84-фунтовыми, одною 68-фунтовою и двумя 24-фунтовыми пушками-карронадами» [4, л. 12]. После 3-часового боя неприятельский пароход был взят в плен и доставлен «Владимиром» в Севастополь (рис. 2.). Поскольку надводная часть турецкого парохода оказалась сильно повреждена, было приказано прямо в Севастополе ее исправить «надлежащим образом» [7, л. 12].

Исправляющий должность Главного командира Черноморского флота и портов адмирал М.Б. Берх считал, что этот пароход после исправления может быть полезным для флота. Поэтому просил у великого князя Константина разрешения ввести его в состав Черноморского флота, приписав к 42-му флотскому экипажу [7, л. 4].

Ответное решение поступило не от имени Константина, хотя и за его подписью, и даже не в ответ на письмо адмирала Берха, хотя, по сути, отвечало на заданный в письме вопрос. Ответом были слова Николая I на рапорт генерал-адъютанта А.С. Меншикова: «взятый пароход назвать “Корниловым”; всем офицерам следующие чины, а командиру Георгия 4, нижним чинам: у-о по 10 р., а рядовым по 5 р. сер. и отличившимся дать 6 геор. крестов 5-степени. Предписываю сделать распоряжения к исполнению сей высочайшей воли» [7, л. 5].

3 июня 1854 года начальник штаба Черноморского флота В.А. Корнилов, в 10:00 утра отдал приказ контр-адмиралу Александру Ивановичу Панфилову принять командование эскадрой пароходов: «Крым», «Владимир», «Громоносец», «Херсонес», «Бессарабия» и «Одесса» [5, л. 2]. Контр-адмирал Панфилов, командуя пароходом «Крым», сигналом отдал приказ пароходофрегату «Владимир» осмотреть неприятельские суда на северо-западе.

«В 10 часов 20 минут я сделал сигнал пароходам: перестроиться в три колонны и взял курс на NW на пересечку неприятеля.

В 10 часов 30 минут пароход Владимир дал сигнал: вижу три неприятельских парохода. В 10 часов 40 минут ясно увидели с парохода «Крым» три неприятельских парохода, шедшие на W; я сделал сигнал «Владимиру» вступить в своё место» [5, л. 2] (Рис. 3. черт. 1).

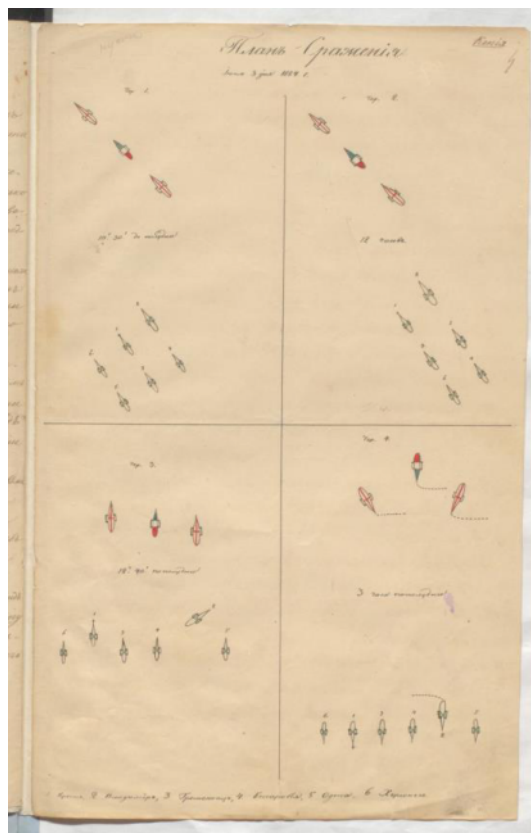

Рис. 3. План сражения 3 июня 1854 года.
РГАВМФ Ф. 243. Оп. 1. Ед.Хр. 5584 Л. 3об.

По приближении к неприятелю с намерением поставить каждый неприятельский корабль в два огня, русские пароходы построились в две колонны и пошли прямо на неприятеля, шедшего в боевом порядке и имевшего передовым английский трёхмачтовый батарейный пароход с белой полосой. За ним шёл французский трёхмачтовый батарейный и третьим английский трёхмачтовый батарейный. Два последних были полностью черными, и ни один из пароходов не имел флага [5, л. 2].

В 12:00 контр-адмирал Панфилов дал сигнал приготовиться к бою. (Рис. 3. черт 2). Через полчаса замыкающий вражеский строй английский пароход открыл огонь по «Владимиру», но поскольку ядра его не долетали, он прекратил пальбу. В это время «Владимир» огня не открывал [5, л. 2об.]. В 12 часов 40 минут эскадра русских пароходов открыла огонь с расстояния 14 кабельтовых и с первым выстрелом подняла на всех пароходах Андреевские флаги. Вслед за русскими, свои флаги подняли и неприятельские пароходы. Имея преимущество в ходе, неприятель держался на том же расстоянии от нашего строя, продолжая уходить WSW. Выстроившись в боевую линию, англо-французские корабли действовали по нашим пароходам из своих кормовых орудий. «В то же время, порученные мне пароходы выстроены в линию фронта», - записал А.И. Панфилов [5, л. 2об.]. (Рис. 3. черт. 3).

«В 1 час 20 минут неприятельские пароходы, увидевшие слабость от пальбы в расстоянии почти полуторы мили, они допустили пароход “Владимир”, бывший несколько впереди нас до расстояния 11 и 10 кабельтовых, и обратил стрельбу более, на что последний отвечал всем бортом. В это время на пароходе “Владимир” оторвало 32-фунтовым ядром правую ногу ниже колена сигнальному офицеру вице-адмирала генерал-адъютанта Корнилова мичману 41-го флотского экипажа Аполлону Скарятину присланному на этот пароход в abordажную партию; оконтузило правое колено старшему офицеру капитан-лейтенанту Лесли; смертельно ранило одного унтер-офицера, оторвало ногу у самого колена другому, и оконтузило третьему унтер-офицеру обе ноги, и вольному вступившему на вторую службу матросу левое плечо» [5, л. 2об.].

Когда остальные пароходы русской эскадры стали равняться с пароходом «Владимир», то наши ядра стали наносить заметно большой вред неприятелю. Ближайшему из английских пароходов ядрами с «Владимира» сбило левый кожуховый баркас, а мимо пароходов контр-адмирала Панфилова проплыли обломки, свидетельствующие, что ядра эскадры нанесли неприятелю вред. «После чего неприятель отдалился на расстояние от самых отдалённых выстрелов» [5, л. 2об.-3].

Итогом 4-х часового боя стало то, что вражеские пароходы были отогнаны на 29 миль от Севастополя. Но враги дали понять, что они больше не позволят русским пароходам приблизиться для ведения прицельного огня. Во время боя командир эскадры заметил, что при дальних расстояниях неприятельские ядра перелетали через наши пароходы, в то время как наши выстрелы из 10-дюймовых 84-фунтовых орудий не долетали до них. Только из длинных тяжеловесных 68- и 56-фунтовых наших орудий ядра наносили вред неприятелю. Но таких орудий имелось по одному на носу пароходов «Владимир», «Херсонес» и «Бессарабия». На остальных трёх пароходах были установлены 10-дюймовые бомбические орудия.

Помимо того преимущества, которое неприятель имел в стрельбе артиллерией на большие расстояния, а также лучшего хода их пароходов, оказалось, что число орудий на них (по подсчету портов) оказалось следующее: на английском пароходе с белой полосой имелось 22 порта в батарее, 10 наверху по борту. Помимо этого, на баке и корме поворотных по крайней мере 2. На другом английском – в батарее 12, наверху по борту 8 и бомбических поворотных по крайней мере 2. На французском – в батарее 16, наверху по борту 8, поворотных по крайней мере тоже 2. Таким образом, общее количество орудий неприятельской эскадры составляло – 82, а на русской эскадре суммарно только 69. В том числе 54 24-фунтовых пушко-карронады [5, л. 3]. Контр-адмирал Панфилов, анализируя калибры сражавшихся эскадр заключал: «Судя по ядрам, попавшим в проход Владимир, неприятельские батареи вооружены 32-фунтовыми пушками» [5, л. 3об.].

Вследствие этого, учитывая, что, по сути, имея преимущество во всем, противник явно не хотел принимать бой на ближней дистанции, в 2 часа 10 минут контр-адмирал Панфилов повернул все пароходы на 16 румбов и приказал идти средним ходом в Севастополь [5, л. 3об.]. Увидев этот маневр, неприятельские пароходы сблизилась между собой (вероятно, для совещания), и в 2 часа 25 минут повернули обратно – в погоню за русскими пароходами. Англо-французские пароходы начали действовать из носовых орудий, но ядра их не долетали. Понимая, что вернуться в бой на комфортное для русских пароходов расстояние неприятель не даст, контр-адмирал Панфилов сигналом отдал приказ: «прекратить бой» [5, л. 3об.]. Англо-французские пароходы, увидев, что на их уловку не

клонули, повернулись к эскадре бортом и открыли батарейный огонь из всех орудий, но ядра тем более не долетали. Неприятель остановил ход и оставался в этом же положении, а после захода солнца скрылся на юго-запад.

Заканчивает свой рапорт контр-адмирал Панфилов следующими словами: «Исключая потери в людях, повреждения парохода “Владимира” весьма маловажны и состоят в перебитом такелаже. Другим же пароходам неприятелю не удалось нанести вреда, хотя очень много ядер и бомб неприятельских ложилось около и перелетало через пароходы. Относительно действия командиров, офицеров и команд порученной мне эскадры пароходофрегатов, я могу только сказать, что все без исключения вели себя самым достойным образом и заслуживают полного одобрения» [5, л. 3об.].

Командующий эскадрой судов Черноморского флота вице-адмирал Павел Степанович Нахимов 24 ноября 1854 года рапортовал командиру Севастопольского порта о том, что с позволения Александра Сергеевича Меншикова, паровыми силами Черноморского флота была проведена вылазка с для нападения на паровые силы неприятеля: «Я отделил от вверенной мне эскадры пароходы “Владимир” и “Херсонес”, поручив их в ведение командира первого из них капитана 2 ранга Бутакова; я предписал ему атаковать железный винтовой пароход, стоящий на фарватере против Песочной бухты, для наблюдения за движениями наших судов на рейде. Капитан 2 ранга Бутаков взял на себя атаку этого парохода, предоставив командиру парохода “Херсонес”, капитан-лейтенанту Рудневу наблюдение и действия по Стрелецкой бухте, где в глубине залива стояли на швартовых два неприятельских парохода» [5, л. 5].

«Владимир» полным ходом следовал к своему противнику, по пути «приветствовал» несколькими меткими выстрелами неприятельский лагерь, расположенный по восточному склону Стрелецкой бухты, и пароходы, которые находились внутри ее.

Заметив намерение «Владимира», винтовой пароход поднял сигнал флоту и спешил «поднять пары». Бросив несколько неудачных ядер по «Владимиру», он выпустил цепь, торопясь укрыться под выстрелами кораблей, расположенных у Камышовой бухты. Владимир преследовал неприятельский пароход аж за Песочную бухту, ведя огонь по нему из двух носовых орудий. Видя безуспешность погони и уже почти под выстрелами кораблей, он положил лево руля и продолжил огонь по бежавшему пароходу противника всеми орудиями левого борта до тех пор, пока его выстрелы долетали и попадали в цель. Когда ядра перестали достигать своей цели, Бутаков повернул пароходофрегат в сторону Стрелецкой бухты и присоединился к пароходу «Херсонес», бросавшему бомбы по лагерю и пароходам. Чтобы не помешать выстрелам «Владимира», и не столкнуться с ним, Херсонес также повернул и продолжил действие с правой стороны, так же, как и «Владимир» [5, л. 5об.].

«Быстрый меткий огонь двух пароходов произвёл большое смутение, как на берегу, так и в бухте, от чего выстрелы неприятельских пароходов и нескольких полевых орудий, выдвинутых именно берег, были недействительны; на одном из первых показавшихся из-под палубы в большом количестве пар даёт право заключить, что у него был пробит паровой котёл» [5, л. 5об.-6].

Между тем ещё по первому сигналу винтового беглеца, все паровые суда, не исключая даже кораблей, развели пары. Два английских парохода, а за ними и один французский под вице-адмиральским флагом, вскоре стали уверенно приближаться к нашим пароходам. В то же время пароход, находившийся у реки Качи для работ у выброшенных ноябрьской бурей судов, снялся с якоря, а потому, чтобы не быть атакованным превосходящими силами неприятеля, наши пароходы «Владимир» и «Херсонес» начали продвигаться к Севастополю. Передовой английский пароход, приблизившись к нашим пароходам, не причинял им никакого вреда [5, л. 6]. «Владимир», следуя в кильватер «Херсонеса» отстреливался от противника из кормовых орудий.

Заканчивал свой рапорт вице-адмирал Нахимов следующими словами: «Убитых, раненых на наших пароходах нет; на “Владимира” неприятельское ядро попало в фок-мачту у чиксы (деревянная

Присутствие английской эскадры у Качи, а французской у Камышовой бухты вселило самоуверенность о безнаказанности позиции винтового парохода в виду нашего разоруженного флота. Молодецкая вылазка наших пароходов напомнила неприятелям, что суда наши, хоть и разоружены, но по первому приказу рискуют жизнью; что метко стреляется на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке; что, составляя стройные бастионы для защиты Севастополя, мы ждём только случая показать, как твердо помним уроки покойного адмирала Лазарева; и что каждый из нас жаждет доказать – как государь справедлив, почтив память Корнилова» [5, л. 6-6об.].

Пароходофрегат «Владимир» занимает особое место в истории российского флота как один из первых боевых пароходов и яркий символ перехода от парусной эпохи к паровой. Проведенное исследование, основанное на широком круге архивных источников, позволяет сделать следующие выводы. Строительство корабля в Англии под видом гражданского судна стало блестящим примером дипломатической и инженерной хитрости, позволившей России получить современный военный пароход в обход запретов. Выявленные конструктивные недостатки английской паровой машины и их успешное исправление русскими инженерами демонстрируют высокий уровень отечественной технической мысли.

Боевая биография «Владимира» неразрывно связана с ключевыми событиями Крымской войны на Черном море. Первый в истории бой паровых кораблей, завершившийся пленением египетского «Перваз-Бахри», и дерзкая вылазка 24 ноября 1854 г. под стратегическим руководством П. С. Нахимова стали образцами мужества и профессионализма русских моряков. «Владимир» не только доказал свою эффективность, но и сыграл важную моральную роль в обороне Севастополя, напомнив неприятелю о боевом духе защитников города.

Список литературы:

1. Головин, Ю. И. Пароходофрегаты Черноморского флота / Ю. И. Головин // Гангут. – 2002. – № 32. – С. 44-54.
2. Гребенщикова Г. А. Из истории заказа и постройки пароходофрегата «Владимир» / Г. А. Гребенщикова // Судостроение. – 2014. – № 3. – С. 91-93.
3. РГАВМФ Ф. 1049. Оп. 1. Ед.Хр. 496.
4. РГАВМФ Ф. 158. Оп. 2, Ед.Хр. 368.
5. РГАВМФ Ф. 243. Оп. 1. Ед.Хр. 5584.
6. РГАВМФ Ф. 283. Оп. 1. Ед.Хр. 7005.
7. РГАВМФ Ф. 283. Оп. 2. Ед.Хр. 5948.
8. РГАВМФ Ф. 4. Оп. 1. Ед.Хр. 46.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026

Abaev, E.A. Steamfrigate “Vladimir”: From Construction to Major Victories.

Using archival documents, the article explores the history of the steam frigate “Vladimir” (1848–1855). It describes the diplomatic ruse used to commission it from England under the guise of a civilian vessel, its technical specifications, and its armament. The contribution of Russian engineers (Mikhailov, Avdeyev, and Danilov) who corrected the design flaws of the English vessel is highlighted. Combat episodes are examined in detail: the first steamship battle in history (the capture of the “Pervaz-Bakhri” under the command of G.I. Butakov) and the sortie on November 24, 1854, led by P.S. Nakhimov, which demonstrated the courage of the sailors of besieged Sevastopol.

Keywords: steam frigate “Vladimir”, P.S. Nakhimov, V.A. Kornilov, G.I. Butakov, steamship, “Pervaz-Bakhri”, Crimean War.

УДК: 94(47-21Севастополь)"1941/1942":[351.778.31+628.1]

В статье рассматривается вопрос обеспечения водой населения и защитников города во время Второй обороны Севастополя. На основе источников личного происхождения, нормативных и документальных материалов показаны проблемы, существовавшие в системе водоснабжения осажденного города, изучен комплекс мер, предпринятых органами власти для организации бесперебойной подачи воды. Установлено, что сочетание необходимых инженерно-технических работ и применение нестандартных управленческих решений позволило удерживать ситуацию под контролем весь период военных действий.

Ключевые слова: Севастополь, Вторая оборона, Великая Отечественная война, водоснабжение, блокада, исторический опыт.

Р. Н. Белоглазов, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: rnbeloglazov@sevsu.ru

М. А. Сабельников, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: masabelnikov@sevsu.ru

В. М. Бражников, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: vmbrazhnikov@sevsu.ru

ПРОБЛЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ГАРНИЗОНА СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ 1941–1942 ГГ.

Вторая героическая оборона Севастополя (30 октября 1941 – 4 июля 1942 годов) навсегда вошла в историю как пример беспрецедентного мужества, стойкости и массового героизма. Эти обстоятельства во многом объясняют то, что внимание историков при изучении соответствующих событий зачастую сосредоточено на анализе боевых действиях. Однако возможности гарнизона эффективно сражаться в условиях блокады со стороны превосходящего врага зависели также от способности наладить повседневную жизнедеятельность в тылу и функционирование критически важной коммунальной инфраструктуры. Среди множества вопросов, вставших перед командованием Севастопольского оборонительного района (далее – СОР) и городскими властями, одной из острейших и стратегически важных стала проблема водоснабжения. С началом осады города многотысячная армия защитников и мирные жители оказались на грани острого водного дефицита, что было чревато началом гуманитарной катастрофы. Разрушение системы подачи воды вследствие постоянных бомбардировок и обстрелов немецко-румынскими оккупантами требовало оперативных и нестандартных управленческих решений.

Разрабатываемая исследовательская тематика обладает большой практической актуальностью и общественной значимостью. Обеспечение водой в необходимых масштабах всегда было критической точкой как для Крыма, так и Севастополя, что приобретало особое значение в условиях отражения военных угроз и опасностей. В данной статье исследуются состояние водопроводной сети СОР к началу Второй обороны, характер разрушений инфраструктуры водоснабжения и недостатка воды после начала осады в 1941 году, действия военного командования и руководства города для предотвращения катастрофических последствий постоянного недостатка водных ресурсов. Анализ принятых мер советскими властными структурами на фоне боевых действий 1941-1942 годов позволяет учесть и использовать уникальный исторический опыт в работе современных государственных и муниципальных органов власти.

Несмотря на обширную историографию по истории Второй обороны Севастополя вопрос водообеспечения, являвшийся одним из факторов повлиявших на продолжительность боевых действий, не становился предметом отдельного изучения. В имеющихся публикациях он не нашел должного освещения и затрагивался лишь фрагментарно [6], [17]. В то же время источниковая база по теме обладает достаточной репрезентативностью, что обосновывается документами личного происхождения (воспоминания и дневники – записки), которые находятся на хранении в фондах Архива города Севастополя [3], [4], а также представлены на интернет-ресурсе «Я помню» [13], [14] и некоторыми печатными изданиями [5], [12], [15].

В процессе подготовки исследования были использованы указанные записки, тексты исторических докладов некоторых руководителей города периода военного времени [1], [2], зафиксированные в стенограмме совместного заседания ученых советов музеев героической обороны и освобождения Севастополя и Краснознаменного Черноморского флота (1966 г.), нормативные акты, протоколы заседаний Севастопольского городского комитета ВКП(б) и материалы переписки городских властей с областным комитетом ВКП(б) Крымской АССР [8], [9], [10], [11]. Кроме того, были также привлечены оперативные сводки Штаба Черноморского флота, которые, кроме данных о поставках в город продовольствия, медикаментов, армейского контингента, вооружения и других грузов содержат информацию о завозе на территорию оборонительного района воды [16].

Севастополь в силу природно-географических и климатических факторов исторически испытывал проблемы с обеспечением водой, а в годы Второй обороны ситуация значительно обострилась. Подготовка системы водоснабжения к военным условиям, учитывая традиционно исключительную важность этого вопроса, началась еще до первых боевых действий. Так, по инициативе медицинской службы города в сентябре-октябре 1941 года были предприняты меры по герметизации водопроводной сети, осуществлены масштабные ремонтные работы, направленные на обеспечение стабильности функционирования водопроводов. Для защиты ключевых объектов водоснабжения выставлялись посты охраны, а также ежедневно в нескольких местах осуществлялся забор воды для оценки ее качества с целью исключить возможное распространение заболеваний [6, с. 807].

Эти превентивные действия имели положительные результаты для обеспечения стабильной подачи воды для мирного населения и гарнизона, однако, начало обороны привело к появлению новых серьезных проблем в этой области. Во время двух штурмов в ноябре и декабре 1941 года Севастополь подвергался массированным бомбардировкам и обстрелам, которые приводили к разрушению водопроводной сети [9]. Описания событий тех дней подробно представлены в дневнике редактора центральной газеты Черноморского флота «Красный черноморец» П. И. Мусьякова. В частности, он писал, что по состоянию на 13 ноября 1941 года в городе отсутствовало центральное водоснабжение, что сделало невозможным отопление жилых помещений, хотя погода по-прежнему этого требовала [15, с. 43]. Несмотря на то, что система была восстановлена уже 15 ноября, в СОР стали возникать серьезные трудности со снабжением горожан и бойцов на передовой питьевой водой, поддержанием санитарно-эпидемиологической безопасности и функционированием критически важной коммунальной инфраструктуры [15, с. 44].

Ситуация с систематическим нарушением сети водопровода требовала принятия оперативных решений на уровне прежде всего городских властей, которые отвечали за организацию дееспособного тыла. Так, этот вопрос был поднят на заседании Севастопольского городского комитета ВКП(б), состоявшегося 10 декабря 1941 года. При подведении итогов работы партийных структур в условиях начавшейся обороны были определены и утверждены ключевые направления их деятельности с учетом приоритетных и наиболее острых проблем. Во-первых, приняты меры по организации кольцевания и дублированию системы водоснабжения, чтобы обеспечить бесперебойность подачи при повреждении соответствующих труб. Во-вторых, значительно усилен контроль за выявлением новых аварий и утечек, и их скорейшей ликвидации. Крайний срок для выполнения намеченных планов был поставлен до 20 декабря 1941 года. Отдельно рассматривалась проблема отсутствия воды на Северной стороне города, где после повреждения электростанции противником перестала функционировать насосная система бельбекского водозабора [8].

Несмотря на все предпринятые меры, ситуация с водообеспечением в декабре 1941 года обострилась. Следует отметить, что реализация указанных выше решений не дала ожидаемого результата во многом потому, что начался второй штурм города, и, как следствие, возросла интенсивность обстрелов и бомбардировок. Большую часть декабря 1941 года система водоснабжения в городе не функционировала. Проводимые ремонтные работы сводились на нет постоянными новыми разрушениями вследствие артиллерийско-бомбовых ударов врага. На этом фоне горожане нашли выход в том, что стали брать воду в колодцах, многие из которых долгое время не использовались, в связи с чем качество воды в них было плохим. Эти события нашли отражение в воспоминаниях и дневниках тех, кто пережил осаду. Так, например, ранее упомянутый П. И. Мусьяков сделал следующую запись в своем дневнике 27 декабря 1941 года: «Жизнь в городе до сих пор напряжена. Воды нет (водопровод поврежден уже вторую неделю), продуктов нет» [15, с. 60]. Заметка от 28 декабря 1941 года: «Воды по-прежнему нет. Население берет воду из колодцев. Бани не работают. В колодцах вода плохая, иногда горько-соленая» [15, с. 61]. Заметка от 29 декабря 1941 года: «одна из

бомб попала в водопровод. Вода хлещет рекой по дороге. Опять город без воды» [15, с. 62]. Заметка от 30 декабря 1941 года: «Воды все нет» [15].

Однако нехватку воды испытывали не только в городе, но и на передовой. Так, горожанка Л. В. Корябина вспоминала: «Защитники Севастополя очень страдали от недостатка питьевой воды. А у нас в подземелье, где мы проживали, был родник, из которого вся округа брала воду. Мы круглосуточно собирали воду в железные баки, а ночью бойцы переправляли их на передовую» [4]. Помимо очевидных проблем для населения и защитников города, отсутствие воды также негативно влияло на работу севастопольских предприятий. Многие из них подолгу могли не функционировать, а в условиях осады поддержание их работоспособности было крайне необходимым [1]. Таким образом, на первом этапе обороны возникли серьезные проблемы с водоснабжением, а принимаемые меры не позволяли в полном масштабе исправить ситуацию.

Одним из решений обострившейся проблемы стало использование значительных запасов шампанского и других вин, имевшихся в Севастополе. О ценности и стратегической значимости этого продукта вспоминал участник обороны В. В. Седёлкин: «Как рассказывали мне потом минеры в осажденном Севастополе, они даже устанавливали мины перед входом в подвалы с бочками таким образом, чтобы в случае чего взрывной волной и осколками задело немцев или тех, кто попытается открыть двери в подвал, но сами бочки при этом не тронуло бы. Такие особо ценные бочки с вином специально прятали и замуровывали» [13]. Он же оставил ценные воспоминания о том, как на начальном этапе обороны, в начале ноября 1941 года, из Ялты в Севастополь в больших количествах вывозили продовольствие и в особенности вино, которое было стратегическим продуктом: «Мы присоединились к ялтинским милиционерам, которые пытались защитить вывозимое из города в Севастополь вино и продовольствие от мародеров. ... Кроме того, много вина из Ялты и Массандры на самодельных деревянных салазках, которые представляли собой два толстых бревна, на которые ставились с помощью тракторов огромные бочки с вином, отвозили в Севастополь. ... Эти бочки нужно было довести до Севастополя в целости и сохранности, потому что это был стратегический материал – вино. Я потом в Севастополе с этими бочками встречался – нам из них в госпитале выдавали вино для придания сил» [13].

Власти города в полной мере осознавали то, насколько может быть высоким значение вина для удовлетворения определенных бытовых нужд, в связи с чем его продажа была запрещена, а выдача происходила по спискам под строгим контролем государственных структур. Наибольшее количество получали ключевые предприятия и городские учреждения. В частности, с декабря 1941 года по январь 1942 года Севастопольскому морскому заводу было выдано 5680 литров вина, Севастопольской ГРЭС – 2117 литров, Хлебозаводу – 2001 литр, Спецкомбинату № 1 – 1648 литров. Помимо этого, Городской совет получил 14379 литров, а бойцы местной противовоздушной обороны (МПВО) – 119 литров [17, с. 156].

В период относительного затишья на фронте в январе-апреле 1942 года ситуация с обеспечением водой значительно улучшилась по сравнению с ноябрем-декабрем 1941 года. Например, П. И. Мусьяков (находился в Севастополе до перевода в Москву в марте 1942 г.), который подробно описывал в своем дневнике проблемы с водоснабжением в период первых двух штурмов, в записях 1942 года аналогичных негативных фактов не зафиксировал. В то же время первый секретарь Севастопольского горкома ВКП(б) и председатель городского комитета обороны Б. А. Борисов в марте 1942 года докладывал в областной комитет ВКП(б) Крымской АССР, что перебоев с водой в городе практически не было, даже, несмотря на то, что насосная станция бельбекского водозабора находилась на территории, которая полностью контролировалась немецкими войсками. Повреждения водопровода оперативно устранялись городскими коммунальными службами [10].

Положительную динамику решения водной проблемы можно было связать в первую очередь с относительным затишьем на фронте, что снизило количество обстрелов и бомбардировок города. Кроме того, проводилась работа по реорганизации водопровода и ответственных за его ремонт и восстановление структур, и это также позволило обеспечить стабильное функционирование системы водоснабжения. В статье С. В. Суковского «Инженеры», написанной в рамках работы Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, отмечено, что особая роль в этом принадлежала Н. Г. Семенюшкину, который в годы обороны возглавлял севастопольский трест «Водоканал». Он сумел наладить работу так, что армия, флот и население бесперебойно получали воду, а инженеры предприятия занимались ремонтом водопроводной сети даже под обстрелами [7]. За свои заслуги Н. Г. Семенюшкин впоследствии был представлен командованием Черноморского флота к награждению орденом Красной Звезды [11].

Несмотря на проделанную работу и отсутствие значительных и долговременных перебоев с поставками воды, ситуация по-прежнему оставалась сложной. Об этом, в частности, писала секретарь Северного райкома ВКП(б) Севастополя Е. П. Гырдымова в статье «Фронтовые хозяйки» [12, с. 159]. Горожане по-прежнему продолжали использовать колодцы как в городе, так и в штольнях, где проживала значительная часть населения и функционировали Спецкомбинат № 1 и Спецкомбинат № 2, госпиталь, хлебозавод и прочие предприятия, игравшие важную роль во время обороны. Информация об этом содержится в воспоминаниях жительницы города В. И. Дерибасовой: «Колодец располагался рядом со столовой, а в нашей длинной штольне также имелась вода в колодце, но он был вырыт прямо в цементе, при этом в нем находилась, по всей видимости, техническая вода» [14].

В то же время сохранялись проблемы и в функционировании системы отопления. Показательным в этом отношении являлся факт того, что для нормальной работы городских котелов в марте 1942 г. в Севастополь было доставлено 1600 тонн воды на транспортном судне Черноморского флота «Передовик» [16, с. 295]. На фоне того, что город в условиях блокады испытывал нужду буквально во всем (вооружение, продовольствие, медикаменты), данные поставки в ущерб другим важным грузам демонстрировали в очередной раз сложность ситуации из-за отсутствия водных ресурсов.

В качестве приемлемого до определенной степени заменителя воды жители весь период обороны продолжали широко использовать местные игристые вина, о чем оставила подробные воспоминания дочь рабочего Спецкомбината № 2 В. П. Кутузова, проживавшая во время обороны с семьей в Инкерманских штольнях. В частности, она отметила следующее: «В «Шампанстрое» находились склады молодого шампанского в бутылках, которые лежали в горизонтальном положении в виде кубов приблизительно 3 м х 3 м, которые стояли в шахматном порядке. Люди в начале хотели вылить шампанское, а бутылки отправить для горючей смеси, но вовремя одумались. Это шампанское здорово нас выручило, когда из-за обстрела было невозможно сходить за водой. А потом и водохранилище оказалось на стороне немцев. Жители стали искать людей, которые знают где расположены старые колодцы, но найдя их, тоже не удалось ими воспользоваться, они все были засыпаны. Люди расчистили колодцы, но все равно не воспользовались, т. к. немцы стали обстреливать тропинки, ведущие к воде. Вот тогда и помогло шампанское, на котором мы готовили пищу и чай» [3]. Жительница Севастополя В. И. Дерибасова также вспоминала моменты, связанные с использованием вина для утоления жажды: «Как-то вместо воды нам или два, или три дня выдавали шампанское» [14].

В период подготовки и проведения немцами третьего штурма города с конца мая до начала июля 1942 года ситуация с водоснабжением достигла критического уровня. Массированные бомбардировки и артобстрелы приводили к постоянным повреждениям водопроводной сети. Работники треста «Водоканал» в условиях опасности для жизни восстанавливали водопровод во всех районах города. Особое внимание уделялось ключевым водоводам на Малаховом кургане, Корабельном спуске, улице Советской, 4-й Бастионной и в других местах. Только в один день 11 июня 1942 года было восстановлено более 3 километров коммуникаций, необходимых для подачи воды на центральные улицы города.

Не менее напряженная работа велась в районе Инкермана, где сотрудники треста «Водоканал» поддерживали работу насосной станции в Новых Шулях (поселок Штурмовое), обеспечивали ремонт водоводов для снабжения водой фронта, Инкерманских штолен и Севастопольской ГРЭС [2]. В то же время первый секретарь городского комитета ВКП(б) Б. А. Борисов докладывал в областной комитет ВКП(б), что многие жители обеспечены водой благодаря колодцам и источникам, которых в городе насчитывалось к этому моменту около 300 [5, с. 117].

Таким образом, в годы Второй обороны Севастополя 1941-1942 годов одним из ключевых проблемных вопросов функционирования тыла и сохранения боеспособности фронта стало обеспечение жителей города и его защитников водой. В первые месяцы военных действий обстановка имела тенденцию к постоянному осложнению. В ноябре 1941 года происходили частые перебои, а большую часть декабря 1941 года водоснабжение во многих районах СОР практически отсутствовало, что обуславливалось постоянными обстрелами и бомбардировками, которые разрушали систему доставки воды. Городские власти предпринимали инженерно-технические меры по дублированию и кольцеванию водопроводной сети, что, с учетом относительного затишья на фронте с января по май 1942 года, позволило стабилизировать ситуацию. Помимо этого, на разных территориальных локациях расчищались заброшенные и создавались новые колодцы, а также открывались источники. В целом проблема оставалась сложной, но не усугублялась до критического состояния. Для снижения остроты дефицита водных ресурсов также использовали запасы шампанского и других вин из Инкерманских штолен и иных хранилищ, которые употребляли для утоления жажды, приготовления пищи и чая. Сочетание экстренных аварийно-восстановительных работ и применение нестандартных

управленческих решений позволило поддерживать весь период обороны снабжение водой и ее приемлемыми до определенной степени заменителями на уровне, отвечавшем требованиям создания необходимых санитарно-бытовых условий для активной трудовой деятельности и выживания мирного населения в тылу, а также сохранения высокой боеспособности военнослужащих СОР на передовой.

Список литературы:

1. АГС (Архив города Севастополя). Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 43. Л. 119.
2. АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 46. Л. 66-67.
3. АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 24.
4. АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 74. Л. 3
5. Борисов, Б. А. Записки секретаря горкома / Б. А. Борисов. – М. : Политиздат, 1964. – 304 с.
6. Власов, А. И. Медицинское обеспечение СОР / А. И. Власов // Сборник материалов военно-исторической конференции, посвященной 20-летию начала героической обороны Севастополя в 1941-42 гг. / под ред. В. Л. Милютин. – Севастополь : Военно-научное общество, 1961. – Т. 3. – С. 803-812.
7. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 7. Л. 40.
8. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 130.
9. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 16.
10. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 2.
11. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 235. Л. 3.
12. Гырдымова, Е. П. Фронтовые хозяйки / Е. П. Гырдымова // Огненные дни Севастополя : сборник / составитель П. Е. Гармаш – Симферополь : Таврия, 1978. – С. 157-167.
13. Интервью с ветераном Великой Отечественной войны Седёлкиным Василием Васильевичем // Я помню : электронное периодическое издание : сайт / Фонд сохранения исторической памяти. – URL <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/sed-lkin-vasiliy-vasilevich/> (дата обращения: 10.02.2026).
14. Интервью с жительницей Севастополя Дерибасовой (Филипповой) Валентиной Ивановной // Я помню : электронное периодическое издание : сайт / Фонд сохранения исторической памяти. – URL <https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/deribasova-filippova-valentina-ivanovna/> (дата обращения: 10.02.2026).
15. Мусьяков, П. И. Севастопольские дни. (Из дневника редактора газеты «Красный черноморец») / П. И. Мусьяков // Москва-Крым : Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск : Крым в Великой Отечественной войне : дневники, воспоминания, исследования. – М. : Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва– Крым» ; Москвоведение, 2003. – Вып. 5. – С. 8-71.
16. Оперсводка Штаба ЧФ от 19.03.1942 № 156 // Оперативные сводки Штаба Черноморского флота, 1941-1942 гг. : сборник документов / составление, вступительная статья, комментарии, указатели А. В. Ефимов, А. А. Кохан, В. В. Лебединский. – М. : КнигИздат, 2021. – С. 295.
17. Терещук, Н. М. Историческая память: Севастополь в период обороны (по документам городского комитета обороны) / Н. М. Терещук // Прошлое Севастополя в архивных документах : сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. Т. А. Кузнецова, Н. М. Терещук. – Севастополь : СПД Арефьев М. Э., 2011. – С. 152-156.

Статья поступила в редакцию 5.03.2026

Beloglazov, R. N., Sabelnikov, M. A., Brazhnikov, V. M. *The Problem of Water Supply for the Population and the Garrison of Sevastopol During the Siege of Sevastopol (1941–1942)*

The article is devoted to the issue of providing water for the population and city defenders during the Siege of Sevastopol (1941-1942). Based on numerous sources, the article identifies the problems and examines the set of measures taken to prevent a humanitarian catastrophe. The article concludes that a combination of engineering and non-standard solutions allowed the situation to be kept under control.

Keywords: Sevastopol, Siege, Great Patriotic War, water supply, blockade, historical experience.

УДК 94:[327.8:796.034-05](47)''192''

Статья посвящена исследованию воздействия социального фактора на становление и развитие практики спортивной дипломатии в СССР в 1920-е годы. На основе анализа документов управляющих институций и публикаций в советской периодике, показано, что именно социальные интенции — психологические установки атлетов и их происхождение, как представителей дореволюционной спортивной школы, привели к тому, что доминирующей моделью внешнеполитической спортивной работы стала «пропаганда через победы», а не идеологические мероприятия.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, Красный спортивный Интернационал (КСИ), Высший совет физической культуры (ВСФК), рабочий спорт, советский спортсмен.

А. М. Глушич, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

СОВЕТСКИЙ СПОРТСМЕН КАК АКТОР СПОРТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ СССР В 1920-е ГГ.

Практически сразу после образования СССР его руководители начал использовать спорт в качестве инструмента внешней политики, став, по сути, первой мировой державой, которая системно интегрировала эту сферу культурной жизни в механизм международных отношений. Советские делегации атлетов выезжали за границу для участия в состязаниях, зарубежные гости приезжали в СССР на турниры и конгрессы, кульминацией которых стала московская Спартакиада 1928 года. Кроме того, велась активная переписка с разнообразными спортивными организациями по всему миру. Отправной точкой формирования этих практик можно считать 22 июня 1921 года – день учреждения Красного спортивного Интернационала (КСИ). Это структурное подразделение Коминтерна должно было взять под свой контроль рабочие спортивные ячейки в мировом масштабе. КСИ, тесно взаимодействуя со своей советской секцией, которой руководил Высший совет физической культуры (ВСФК) при ЦИК, предстояло реализовывать государственные задачи в области спорта.

В исторической науке сложился преимущественно взгляд «сверху» на эти процессы: в центре внимания исследователей находятся идеологические аспекты противостояния трех направлений спортивного движения – «буржуазного» (во главе с Международным Олимпийским комитетом), «социал-демократического» (Люцернский спортивный интернационал, созданный в 1920 г.) и «красного» [3, с.10]. Закономерно, что методологической основой таких работ служит институциональный подход, а ключевыми объектами изучения становятся межведомственные структуры и их взаимосвязи [1, с. 11].

Вместе с тем, для раннесоветского «общества зыбучих песков», которое было далеко от жесткой социальной стратификации [5, с. 164], было свойственно учитывать импульсы, идущие «снизу», при формировании новых социальных практик. Это способствовало постепенному переходу от революционной стихийности к планомерной созидательной деятельности, в том числе в культурной сфере [2, с. 722]. В этой связи представляется перспективным применить к анализу советской спортивной дипломатии 1920-х годов неинституциональный подход. Это позволяет рассмотреть данную сферу международной активности как совокупность рутинных практик, в которых ключевую роль играли сами спортсмены-рабочие. Их поведение и мнения становились значимым фактором, корректирующим векторы развития этой новой для страны внешнеполитической деятельности.

Формирование образа идеального советского спортсмена

Представления об идеальном советском спортсмене, культивируемые КСИ и ВСФК, на протяжении 1920-х годов претерпевали изменения. Неизменным оставалось лишь требование, чтобы рабочий атлет был полной противоположностью спортсмену буржуазному. Эта антитеза касалась прежде всего личной мотивации: погоне за рекордами и призовыми местами противопоставлялись глобальные идеологические задачи физической культуры. Считалось, что каждый советский физкультурник должен осознавать их суть – укрепление здоровья как общее дело и воспитание товарищеской солидарности между пролетариями-спортсменами всех стран.

Гораздо позже, в 1949 году, в газете «Советский спорт» было напечатано стихотворение Евгения Евтушенко, в котором эта идея нашла яркое выражение. Поэт противопоставлял западных спортсменов, вынужденных ценой здоровья и с помощью допинга угождать дельцам, и советских физкультурников, для которых спорт стал естественной частью повседневной жизни и подспорьем в труде. Хотя эти

строки написаны спустя четверть века, они точно передают риторику начала 1920-х годов. И чиновники, и пресса того времени постоянно выступали против «чемпиономании» и индивидуализма [6, с. 2].

В этом же русле велась борьба с грубостью на спортивных площадках. Показательный случай произошел в 1926 году, когда главная спортивная газета страны «Красный спорт» вынесла на первую полосу развернутый отчет о матче двух зарубежных команд – сборных Швеции и Италии. Интерес издания был вызван отнюдь не высоким уровнем игры. Материал вышел под заголовком «Политика фашистов на футбольном поле». Автор описывал, как уступавшие в классе итальянцы применили чрезмерно жесткие, грубые приемы, превратив матч в побоище с участием судьи, зрителей и полиции. Статья делала вывод о полном крахе «интернациональной смычки» на Западе, где от братства народов остаются лишь флаги и агрессивный национализм [6, с. 1]. Репортаж сопровождала карикатура с дерущимися футболистами, поверженным арбитром и портретом Муссолини над стадионом.

Подобное гротескное освещение событий не было чем-то исключительным. Так, «Красный спорт» приводил сведения о 18 смертельных случаях на футбольных полях Германии в 1925 году из-за чрезмерной жесткости — данные, которые не подтверждаются ни здравым смыслом, ни другими источниками того времени.

Разумеется, уровень допустимой жесткости в спорте 1920-х годов был выше современного. Однако проблема не имела отчетливой «классовой окраски», поскольку и в самом СССР конфликты на матчах были обычным делом. Потасовки нередко случались во время хоккейных матчей в Москве и Ленинграде. В Одессе весной 1925 года публика дважды пыталась напасть на судей на футбольных матчах, что привело к срыву игр и вмешательству милиции [6, с. 7]. А в Киеве полтора года спустя удаленный с поля игрок команды металлистов угрожал соперникам ножом [6, с. 3]. Пресса даже публиковала шуточные фельетоны с предложением официально разрешить избивать судью до матча – «авансом» за будущие, с точки зрения болельщиков, ошибки [6, с. 1].

В этой связи Спортинтерн и ВСФК в своих инструкциях особо подчеркивали необходимость избегать грубости в международных встречах. Вопиющие случаи недисциплинированности, привычные для внутренних соревнований, могли подорвать репутацию советского спорта за рубежом. Поэтому в отчетах о заграничных турне с особым удовлетворением отмечалось, например, что соперник получил 22 штрафных очка за грубость, а советская команда – всего 4, что, по мнению авторов, свидетельствовало о техничном ведении игры [8, Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 184]. В контексте указаний руководства такая статистика ценилась не меньше, чем итоговый счет.

Однако на этом единство подходов заканчивалось, и на первый план выступали разногласия, обусловленные разными приоритетами КСИ и ВСФК.

Красный спортивный Интернационал, будучи органом, ответственным за развитие «красного» спорта в мировом масштабе, отодвигал на второй план задачу повышения мастерства советских атлетов через встречи с сильнейшими зарубежными клубами. Его главной целью была борьба за недопущение любых контактов с «буржуазными» организациями, в которых как раз и была сконцентрирована спортивная элита большинства стран. Приоритетом для КСИ была дипломатическая (установление и поддержание связей) и политико-пропагандистская работа: достижение максимальной массовости движения, вовлечение спортсменов в зарубежные демонстрации и митинги, а также формирование местных ячеек самообороны.

В отличие от него, ВСФК, как орган внутреннего управления, стремился к росту уровня советского спорта именно через состязания с сильнейшими спортсменами. Победы на международных аренах должны были наглядно демонстрировать миру преимущества советской системы организации физической культуры, превращая спортивные триумфы в политический капитал.

Если перевести эти установки в практическую плоскость, можно выделить два ключевых аспекта такого «превращения».

Первый – это сами спортивные достижения. В отчете о визите украинских футболистов-шахтеров в Германию в 1926 году подчеркивалось, что ничто не может лучше продемонстрировать развитие физкультуры в пролетарском государстве, чем спортивные результаты поездки. Даже самая слабая из советских команд, когда-либо посещавших Германию, ни разу не уступила сильнейшим сборным немецких регионов. Каждый забитый в ворота соперника мяч уподоблялся кирпичу в фундаменте грядущей мировой революции [8, Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 185, 189]. Поездка была высоко оценена обеими сторонами, несмотря на то, что, как и в большинстве подобных случаев, вести прямую коммунистическую пропаганду из-за противодействия местных властей практически не удавалось.

Второй аспект – это физическая форма и внешний вид советских делегаций. В другом отчете о поездке в Германию в том же 1926 году сопровождающий от немецкого спортивного союза Леш

упоминает шквал вопросов о жизни в СССР, которыми засыпали делегацию повсюду: о заработке, продолжительности рабочего дня, питании, сне, о возможном возврате предприятий бывшим владельцам и о тяготах «диктатуры большевиков». Однако, по его словам, самым убедительным ответом на эти расспросы об ужасах советской власти были «здоровые, крепкие тела русских», которые выгодно отличали их от большинства западных рабочих [8, Ф. 537. Оп. 1. Д. 239. Л. 39]. Хотя такая оценка звучала пафосно, она полностью соответствовала представлениям ВСФК о пропагандистском эффекте зарубежных поездок.

Позднее, с конца 1920-х годов, культ физически совершенного тела и образ атлета, словно сошедшего с античных барельефов, станут неотъемлемой частью советской культуры – в живописи, скульптуре, архитектуре метрополитена [7, с. 146-152]. Но в рассматриваемый период этот физический идеал еще только формировался, и ВСФК приходилось отстаивать свою позицию в острых дискуссиях.

Самоидентификация советских спортсменов

Но как же сами советские атлеты, отправляясь за границу, видели себя – исключительно как спортсменов или же как своего рода дипломатов на стадионах, какими их стремился видеть Красный Спортинтерн, задумывая концепцию «спортивной дипломатии»? Это «самоопределение» в условиях противостояния двух моделей – «успех через пропаганду» и «успех через победы» – в 1920-е годы оказалось вполне однозначным.

Определяющую роль сыграл ряд факторов. Прежде всего, более сильные позиции Высшего совета физической культуры. Именно ВСФК формировал составы команд для зарубежных поездок, постоянно взаимодействовал со спортсменами на внутренних соревнованиях и обладал полномочиями наказывать за проступки во время турне. Однако на практике ВСФК чаще защищал атлетов и крайне редко прибегал к строгим дисциплинарным мерам. Для советских физкультурников КСИ оставался довольно абстрактной структурой, далекой от повседневной работы и обеспечивающей лишь идеологическое обрамление и принципиальные договоренности о международных контактах. Не случайно руководителям КСИ приходилось систематически инструктировать выезжающих спортсменов о задачах Интернационала и даже закладывать в цели всесоюзных стартов «популяризацию КСИ среди советских физкультурников» [8, Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 3].

Нельзя игнорировать и то, что основу советского спорта высших достижений в 1920-е годы составляли атлеты, сформировавшиеся еще в дореволюционный период. Они уже имели опыт международных выступлений за Российскую империю, которая требовала от них исключительно побед. Многие из них органично вписались в новую реальность, некоторые даже добровольцами участвовали в Гражданской войне в рядах РККА, однако их главным стимулом оставалось желание достойно представлять страну на спортивных аренах, используя свои лучшие качества.

Навязанная «пропагандистская» модель вступала в противоречие и с психологией спортсменов, для которых смысл профессиональной деятельности заключается в постоянном совершенствовании ради побед. Анализ источников показывает, что советские атлеты охотно общались с зарубежными коллегами, отвечали на вопросы и делились информацией. Но при этом за все рассматриваемое десятилетие не встречается примеров, чтобы они стремились освоить новые для себя компетенции и превратиться в профессиональных пропагандистов, транслируя идеологию не на бытовом, а на осознанном уровне.

Негативную роль играла и чрезмерная агрессивность лидеров Спортинтерна, которые нападали не только на конкурентов из Люцерна или буржуазных клубов, но и на собственных спортсменов. Отказ признавать поездки успешными, если они не сопровождались достижением конкретных политических целей (разоблачение «реформистов», участие в демонстрациях [8, Ф. 537. Оп. 1. Д. 190. Л. 1]; причем обязанности эти возлагались на всю команду, а не только на руководителей) – все это отвлекало от подготовки и вызывало у атлетов закономерное раздражение.

Яркой иллюстрацией двойственности положения советских спортсменов за границей служит фраза из отчета руководителя делегации футболистов Донбасса Хмары (1926 год): «Может быть, это и было ошибкой русских горняков-футболистов, но мы все же часто забывали, что мы футболисты, воображая себя рабочей делегацией Советского Рура (Донбасса)» [8, Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 188].

Это высказывание, которое, на первый взгляд, противоречит тезису о примате «спортивности», на деле встречается лишь однажды, и именно в отчете о поездке единственной по-настоящему провинциальной делегации из небольших промышленных городов (Макеевка, Горловка, Кадиевка, Сталино, Рутченково). Для этих спортсменов главным было знакомство с неведомым зарубежьем и обмен опытом с местными пролетариями – такие «скромные цели» фигурировали в официальном отчете. Спортивный же итог визита оказался впервые не в пользу СССР: общий счет всех матчей 18:16 в пользу немцев. В отношении же выездов сборных команд СССР и делегаций из Москвы, Ленинграда,

Харькова никакой рефлексии о своей «дипломатической роли» со стороны спортсменов мы не встречаем.

Неудачным в спортивном плане оказался и уникальный эксперимент 1927 года – массовая отправка всех желающих физкультурников на праздник в Финляндию, призванный продемонстрировать размах советского движения перед московской Спартакиадой КСИ 1928 года [6, 1927, №3, с. 1]. Поэтому призывы Красного Спортинтерна активнее привлекать периферию для зарубежных поездок так и остались нереализованными. В отношении команд из столичных центров доминировал именно настрой на победу. Это объяснялось и более высоким уровнем мастерства, и наличием опыта загранпоездки, благодаря которому иная социальная реальность уже не производила на них столь ошеломляющего впечатления. Однако и они по возможности общались с западными пролетариями в неформальной обстановке, хотя чаще всего — под давлением руководителей.

Ключевое значение именно живого, не скованного идеологическими шаблонами общения подчеркивал один из руководителей делегации Желдак, сопровождавший украинскую команду в Германии в 1925 году. Говоря о множестве вопросов к спортсменам, он замечал: «Пролетарии Германии сами превратили команду украинских спортсменов в делегацию русских рабочих» [6, 1925, №39, с. 2].

Таким образом, можно выделить два действительно эффективных компонента успешной поездки для демонстрации нового, советского образа жизни: спортивные победы, которые доказывали наличие у пролетариев времени и возможностей для физического развития, и колоссальный, повсеместный интерес населения принимающих стран к «другим», спортсменам из-за «занавеса», о которых они знали лишь по скудным критическим заметкам в прессе. Свободное общение без заранее заготовленных программных установок оказывалось наиболее действенным.

Можно с уверенностью утверждать, что попытка КСИ сконструировать спортсмена нового типа – вариацию «нового советского человека», который сочетал бы высокую физическую подготовку с приматом пролетарской солидарности, безупречной классовой сознательностью и умением транслировать эти идеи в мир, — по ряду объективных причин потерпела неудачу. Команды постоянно подвергались критике за «политическую неповоротливость», но с практической точки зрения это было совершенно закономерным следствием их реального состава.

ВСФК же, сделав ставку на проверенных спортивных бойцов, сумел наладить систему регулярных международных состязаний, в ходе которых осуществлялся и информационный обмен на всех уровнях, а также поднять общий уровень рабочего спорта.

Когда на рубеже 1930-х годов идеи мировой революции уступили место дискурсу о борьбе с фашизацией спорта и всеобщем разоружении, а в СССР оформился культ физически совершенного тела, созданного «по античным лекалам», модель спортивной дипломатии ВСФК утвердилась в качестве основной окончательно. КСИ утратил свои позиции, превратившись в номинальный орган, помогающий в вопросах коммуникации. Это полностью устраивало советских спортсменов, поскольку устраняло вынужденную двойственность их самоощущения.

Заключение

Двойственность в понимании сути советской спортивной дипломатии 1920-х годов проистекала из различий в приоритетах курировавших ее институций: одна делала упор на агрессивную внешнюю экспансию под флагом мировой революции (КСИ), другая – на развитие отечественной физкультуры и «живую» пропаганду социалистического образа жизни (ВСФК).

Практика показала, что «пропагандистская» модель КСИ изначально была малоэффективна прежде всего по социальным причинам. Советские спортсмены не испытывали желания заниматься целенаправленной идеологической работой во время зарубежных поездок. Не отрицая «политизации повседневной жизни» [9, с. 372] и формально участвуя в запланированных митингах, они никогда не проявляли политической инициативы и избегали навязчивой пропаганды. В качестве оптимальной утвердилась модель «пропаганды через победы» и непосредственное общение советских атлетов с зарубежными коллегами. В таком формате они могли рассказывать о своей жизни, условиях труда и наличии свободного времени для занятий спортом. Это обеспечивало максимальную результативность поездок. Подобное положение, при котором новые советские граждане не желали становиться «сознательными» помощниками партии, но и не были оппозиционно настроены, транслируя идеи в неформальном ключе, было типично для молодого советского государства. Оно не вызывало резкого отторжения у большинства управленцев, а, напротив, вело к корректировке векторов их работы.

Настроения советских спортсменов, что было характерно для всего общества той поры, нельзя описать простой бинарной оппозицией «лояльность – инакомыслие» [4, с. 219]. Скорее, их позиции располагались в широком спектре: от апатии и раздражения, вызванных навязываемой КСИ политической нагрузкой, до вполне доброжелательного отношения к трансляции необходимых идей в

формате рассказа о своей жизни зарубежному коллеге-пролетарию. Ведущие спортсмены не стремились «говорить по-большевистски». Они полагали, что их главный вклад – это регулярные победы, которые сами по себе служат лучшим подтверждением преимуществ советского строя. Вопреки логике «пропагандистского государства», эта позиция нашла определенное понимание у чиновников. Лучшие атлеты стабильно выезжали за рубеж, несмотря на случавшиеся конфликты с зарубежными рабочими союзами и нарушения дисциплины, получали звания мастеров спорта. Сделав ставку на элитных представителей советской физкультуры, ВСФК сумел наладить регулярные международные контакты, вести пропаганду через прямое общение и поднять уровень рабочего спорта, который в 1930-е годы стал постоянным инструментом международного сотрудничества и обороны.

Список литературы:

1. Боголюбова, Н. М. Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2012. – Вып. 2. – С. 107–114.
2. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков – М. : РОССПЭН, 2012. – 759 с.
3. Васильев, А. А. Зарождение и развитие международных связей советского спорта в 1920-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Васильев. – Саратов, 2001. – 209 с.
4. Великанова, О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов / О. В. Великанова. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 295 с.
5. Красильников, С. А. Размышления о социальной стратификации России/СССР в XX в. / С. А. Красильников // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 163–168.
6. Красный спорт : [архив] // Национальная электронная библиотека (НЭБ) : федеральная государственная информационная система : [сайт] . – URL: https://rusneb.ru/collections/1295_sovetskiy_sport (дата обращения: 24.01.2026).
7. О'Махоуни, М. Спорт в СССР. Физическая культура – визуальная культура / Майк О'Махоуни. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 293 с.
8. РГАСПИ. Российский государственный архив социально-политической истории.
9. Яров, С. В. Человек перед лицом власти, 1917-1920-е гг. / С. В. Яров. – М. : РОССПЭН, 2014. – 374 с.
10. Arnaud, P. Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport / P. Arnaud, J. Riordan. – New York : Routledge, 1996. – 240 p.
11. Gounot, A. Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921-1937 / A. Gounot // Journal of Sport History. – 2002. – 28(1):23-9. – P. 23–39.

Статья поступила в редакцию 18.02.2026

Glushich, A. M. *The Soviet Sportsman as an Actor of Sports Diplomacy of the USSR in the 1920s.*

The article examines the impact of social factors on the development of sports diplomacy in the USSR in the 1920s. Based on an analysis of documents from governing institutions and publications in Soviet periodicals, it is shown that social intentions – the athletes' psychological attitudes and their origin as representatives of the pre-revolutionary sports school – led to the emergence of “propaganda through victories” rather than ideological measures, as the dominant model of foreign policy sports work.

Keywords: sports diplomacy, Red Sport International (RSI), Supreme Council of Physical Culture (SCPC), workers' sport, soviet athlete.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.1:[330.101.8+327]

В статье рассматриваются основы миросистемного анализа, которые позволяют исследовать глобальные процессы в истории и современности через призму взаимосвязей между государствами, экономиками и культурами. Автор раскрывает теоретические истоки данной концепции, ключевые понятия миросистемной теории, структурные изменения и трансформации мировой системы на протяжении различных исторических периодов. Представлены точки зрения ведущих представителей данного направления. В статье акцентируется внимание на применении миросистемного подхода к истории России и анализе внутренних процессов российской государственности в контексте мировой системы. Автор исследует, как миро-системный подход позволяет выявить особенности развития России, её место в структуре центр-периферия, а также влияние внешних факторов на внутренние трансформации страны. Особое внимание уделяется критическому осмыслению возможностей и ограничений миро-системного анализа при интерпретации исторических процессов на российском материале. Проведенное исследование призвано облегчить адаптацию миросистемного подхода к специфике российской истории.

Ключевые слова: миросистемный подход, мироэкономика, мир-империя, история России, полупериферия, гегемония, методология истории.

Ю. В. Шахин, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

ОСНОВЫ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

К 1960-м годам специалистам, анализирующим проблемы стран третьего мира стало понятно, что ни традиционные линейно-стадиальные схемы, ни традиционные цивилизационные построения не объясняют специфику развития стран Азии, Африки и Латинской Америки в новейшее время. Из осознания этой проблемы вырос миросистемный подход. Его главную методологическую идею можно сформулировать так: изучение отдельных стран не дает нам понимания их истории. Отдельные страны – это части более глобальных общественных систем, поэтому мы должны изучать развитие этих систем как целого и только через целое сможем понять особенности развития их частей. Поэтому предметом анализа у этой школы выступают либо региональные, либо планетарные общественные системы. Все существующие версии миросистемного подхода, несмотря на их индивидуальное своеобразие, следуют этому принципу.

Один из основоположников миросистемного подхода И. Валлерстайн всегда уделял значительное внимание рефлексии над интеллектуальными корнями своих взглядов. Поэтому из работ Валлерстайна мы знаем, что у миросистемного подхода есть три источника. Это марксизм, теории зависимого развития и труды Ф. Броделя, одного из крупнейших представителей школы «Анналов» [2, с. 64-74]. В теоретико-методологическом плане эти источники были неоднородны. Бродель – позитивист, теоретики зависимого развития структуралисты, и марксизм представляет собой самостоятельную методологию. Тем не менее миросистемщики сумели их органично интегрировать по сути приняв за основу марксизм и несколько переосмыслив его традиционную версию.

Термин «миросистема» восходит непосредственно к трудам Ф. Броделя по экономической

истории Средиземноморья. В своих трудах он писал: «Мироэкономика... затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный быть в основном самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [1, с. 15-16]. Под мироэкономикой он подразумевал регион, связанный между собой в единое социальное целое за счет разделения труда и цепочек обмена. На этой основе возникла определенная хозяйственная специализация, что способствовало циркуляции товаров. Такое региональное разделение труда порождало устойчивую систему социальных связей. Бродель утверждает, что это отдельный мир, состоящий из множества различных регионов, обществ и политических систем, а объединяет его обмен. Именно такой социальный мир и обозначается термином «миросистема», при этом мироэкономика является не единственным из ее возможных вариантов.

Вторым и более важным источником миросистемного анализа является марксизм. В самом деле, концепция разделения труда как основы социального единства была впервые ясно сформулирована у К. Маркса и Ф. Энгельса. Задолго до Броделя в «Немецкой идеологии» и в «Манифесте коммунистической партии» они высказали эти мысли. Они анализировали в первую очередь капитализм и пришли к выводу, что этот строй, как таковой, является наднациональной системой, то есть капиталистическая экономика шире, чем границы отдельного национального государства, а в единое целое ее связывает обмен. Обмен же существует только благодаря разделению труда, следовательно, оно и порождает мировой рынок.

Важно указать, что Маркс и Энгельс выделяют два типа разделения труда: один из них порождает просто рыночный обмен, а другой деление на классы, причем даже если рыночного обмена как такового не существует. По сути там, где есть разделение труда, там в любом случае существует какое-либо распределение его продуктов. Но это распределение может идти либо в товарной форме, либо в нетоварной. Соответственно, специфика капитализма в том, что разделение труда здесь порождает товарное производство, и без товарного производства капитализм немыслим. Миросистемный анализ эти мысли Маркса и Энгельса принял, хотя и выразил в другой терминологии.

Третьим источником миросистемного анализа стала теория зависимого развития, которую разработали латиноамериканские экономисты во главе с Р. Пребишем. Именно они предложили ввести понятия ядра и периферии, которые станут визитной карточкой новой школы. Их вклад прекрасно описал Валлерстайн: «Теория «ядра-периферии» стала важнейшим вкладом ученых из стран третьего мира. Были, конечно, немецкие географы, которые предложили нечто подобное еще в 1920-е годы, и румынские социологи в 1930-е годы (хотя румынская социальная структура во многом напоминает структуру стран третьего мира), но только когда в 1950-е годы за дело взялись Рауль Пребиш и его латиноамериканские иконоборцы из ЭКЛА, социологическое сообщество действительно обратило внимание на концепцию. Основная идея была чрезвычайно проста. Международная торговля, говорили они, не есть торговля равных. Одни страны сильнее других экономически (это ядро) и, будучи сильнее, имеют возможность торговать на таких условиях, чтобы добавочная стоимость доставалась им, а не периферии, то есть странам слабым. Позже этот процесс назовут «неравным обменом». Пребиш также разработал механизмы борьбы с неравенством, применяя которые, государства периферии в среднесрочной перспективе могли выровнять позиции торгующих сторон. Такая простая идея, конечно же, оставляла без внимания множество деталей, что дало основание для бурных дебатов» [2, с. 66]. Они привели к новой постановке проблемы: капитализм в периферийных зонах не обеспечивает полноценного нормального развития. Как выразился А. Г. Франк, он развивает недоразвитость. Миросистемный анализ вырос именно вокруг попытки объяснить эту странную закономерность, противоречащую тогдашним представлениям о стадийности в истории.

Согласно Валлерстайну есть три типа миросистем. Это минисистемы, свойственные первобытному обществу, мироимперии и мироэкономике. В. В. Цыганков добавляет к этому, что каждая из них основана на одном из трех возможных способов обмена, выделенных К. Поланьи: реципрокация, редистрибуция и рыночный обмен [11, с. 97-98]. Мироимперии базируются на распределении материальных ценностей нерыночным путем, то есть оно происходит по социальным рангам, и в этом смысле они «доекономичны». Там имеет место редистрибуция, т. е. вертикальное административное перераспределение прибавочного продукта. Соответственно, в этой системе больше всего получают те, кто оказывается на вершине социальной пирамиды. Это могут быть крупные землевладельцы и высшие чиновники. Зачастую эти две роли совпадают. В отличие от мироэкономики мироимперия обладает политическим единством. Это необходимое условие ее существования, потому что только оно обеспечивает возможность административного распределения ресурсов.

Там, где такое политическое единство отсутствует, там, где разделение труда перешагивает за

рамки политической системы, там мы имеем дело с мироэкономикой. Миросистемный анализ считает, что мироэкономика может превращаться в мироимперию, если вся она оказывается объединена под единой политической властью. В этом плане очень показательна эволюция римского общества. Сперва Римская республика была частью средиземноморской мироэкономики, а затем полностью подчинила ее политически, после чего в поздней империи произошла деградация рыночных связей, а бюрократическое распределение прибавочного продукта в натуральной форме приняло огромные масштабы.

В свою очередь мироэкономики можно разделить на два типа. В отличие от мироэкономик предшествующих эпох, современная мироэкономика, как специально подчеркивает Валлерстайн, является капиталистической, потому что только в ней все отношения всецело подчинены накоплению капитала. Целью ее функционирования является накопление капитала ради самого накопления. В принципе, это не ново. Еще Маркс в «Капитале» призывал различать простое и капиталистическое товарное производство, т. е. теоретически подразумевал, что может существовать товарное производство и рыночная экономика, но не быть капитализма. Похожие идеи, только выраженные другим языком, мы находим и у Броделя. Таким образом возможны некапиталистические и капиталистические мироэкономики. То, что миросистемный анализ называет капиталистической миросистемой или капиталистической мироэкономикой по сути соответствует марксистскому понятию мировая капиталистическая система.

В одном принципиальном вопросе миросистемный анализ и классический марксизм расходятся. Маркс указывает, что различные общественные системы (формации) различаются по способам производства. Способ производства предполагает определенное единство производительных сил и производственных отношений, в свою очередь производственные отношения состоят из отношений производства, обмена и распределения, где первый компонент является определяющим. Миросистемщики в этом вопросе рассуждают иначе, следуя за Броделем. Для них главным критерием классификации общественных систем выступают отношения обмена, а не производства. Поэтому для них неважно в каком отношении с капиталом находится рабочая сила. Классический марксизм настаивает, что основа капитализма – накопление капитала с применением наемного труда, а миросистемщики считают, что главное – просто накопление капитала, а способ эксплуатации непосредственного производителя безразличен. В качестве непосредственного производителя в капиталистической мироэкономике с равным успехом может быть наемный рабочий, крепостной, раб и мелкий собственник, страдающий от неэквивалентного обмена. Марксизм признаёт, что капитал может существовать и без эксплуатации наемного труда, как, например, ростовщический или купеческий капитал, но капитализм рождается только тогда, когда капитал начинает увеличиваться за счет использования наемного труда.

Обмен существовал с глубокой древности. Еще для эпохи неолита получены доказательства перемещения материальных ценностей на огромные расстояния, поэтому возникает необходимость определить, какие обменные связи существенны для образования мироэкономик, а какие нет. Валлерстайн предложил критерий – торговля товарами массового потребления [3, с. XXV-XXVI, 48-52]. Он позволяет исключить из рассмотрения большую часть международной транзитной торговли докапиталистических обществ, потому что в ней обращались предметы роскоши. Если не следовать такому критерию, можно получить курьезную концепцию вроде той, что разработал А. Г. Франк. Он считает, что с появлением классовых обществ возникла одна единая мировая система, которая существует по сей день. Ее центром почти всегда был Китай, и только в XVIII-XX вв. центр аномальным образом сместился в Западную Европу и США, но в наши дни он опять движется в исходную точку, и вековечный расклад скоро восстановится.

Историю современной миросистемы разные представители школы начинают с разного времени. Например, Дж. Арриги видит ее истоки в XIV веке, а Валлерстайн в XVI в. Значительно больше единства в понимании родины миросистемы. Большинство исследователей сходится во мнении, что ее родина – Средиземноморье. В XVI веке она вышла в Атлантику, связала воедино Северную Европу, Средиземноморье, Америку и побережье Африки, после чего началось ее триумфальное шествие по миру, поглощение и подчинение еще сохранявшихся мироимперий и региональных мироэкономик. К XIX в. она охватила весь земной шар. Эта территориальная экспансия сопровождалась смещением центра миросистемы. В XVI в. он находился в Генуе, но уже в XVII в. переместился в Голландию, в XVIII-XIX в. он переходит в Британию, а в XX в. перемещается в США. В нынешнем столетии идет процесс перемещения этого центра в Китай, однако многие миросистемщики убеждены, что он не завершится, потому что капиталистическую миросистему ждет полный крах.

Миросистемный анализ считает, что в рамках капиталистической мироэкономики имеется

структурное неравенство. Оно является необходимым элементом системы и часто себя проявляет географически, но ничего общего не имеет с географическим детерминизмом. Валлерстайн просто до усталости повторяет эту мысль, чтобы миросистемный анализ здесь не путали с геополитикой. Итак, выделяется три компонента миросистемы: ядро, периферия и полупериферия. Критерием их разделения оказываются производственные процессы, определяемые производственными технологиями, т.е., говоря марксистским языком, характер производительных сил, их структура и степени развития. Есть производственные процессы свойственные центру, а есть производственные процессы свойственные периферии. Центру присущи передовые в технологической плане процессы, которые обеспечивают монопольную прибыль. Наоборот, процессы, которые уже являются технологически отсталыми или рутинными, то есть распространились по всей миросистеме, свойственны странам периферии и туда постоянно выталкиваются. Получать с их помощью монопольную прибыль уже невозможно, потому они там и концентрируются [2, с. 93-95]. Хорошим примером служит машинное производство тканей. В конце XVIII в. это была революционная технология, свойственная ядру системы, а в наши дни она вынесена на задворки — в Бангладеш, Камбоджу и другие нищие страны. Важно, что такие технологии историчны. Они каждый раз меняются, соответственно, содержательное наполнение процессов, характерных для ядра и периферии, тоже претерпевает изменения.

Периферийное положение приводит к развитию в соответствующих зонах миросистемы форм эксплуатации рабочей силы, опирающихся на принуждение и внеэкономические способы извлечения прибавочного продукта. Ярчайшим примером служит распространение плантационного рабства в Америке. Хотя со временем и на периферии утверждается наемный труд, система принуждения там все равно оказывается более жесткой, чем в центре. Таким образом, капитализм в периферийных странах консервирует, а то и прямо вызывает к жизни докапиталистические методы эксплуатации трудящихся. Впрочем, они тесно переплетаются с капиталистическими, так как подчинены вполне капиталистической цели максимального извлечения прибыли.

Полупериферия — это та зона, где процессы свойственные ядру и периферии перемешаны или представлены в примерно равных долях. Поскольку соотношение этих процессов меняется, то и принадлежность к периферии или ядру тоже может меняться. Как уже было сказано, эти процессы могут иметь определенную пространственную локализацию. То есть в какой-то стране могут сконцентрироваться преимущественно производственные процессы свойственные ядру, в какой-то будет такая промежуточная смесь, а в каком-то будет господство периферийных процессов. Положение полупериферийных государств Валлерстайн определяет как наиболее трудное по сравнению с государствами других зон: «Они оказались меж двух огней: с одной стороны на них давят страны ядра, с другой — они сами оказывают давление на страны периферии. Главная забота стран полупериферии — не скатиться в периферию, но гораздо лучше для них было бы приблизиться к ядру, и они делают для этого все возможное. Обе задачи не просты, и обе требуют серьезного вмешательства государства в дела мирового рынка. Именно государства полупериферии особенно активно и публично проводят так называемую протекционистскую политику. Они надеются таким образом защитить свое производство от конкуренции со стороны более сильных фирм извне и в то же время увеличить эффективность работы местных производителей, чтобы им проще было конкурировать на мировом рынке. Они всегда с готовностью воспринимают у себя производство некогда ведущих товаров, что теперь называется достижением «экономического развития». В борьбе за новые производства странам полупериферии приходится конкурировать не со странами ядра, а со странами той же полупериферии, всегда готовыми запустить у себя новые производства, которых на всех желающих, конечно же, не хватает» [2, с. 96]. Вследствие этих обстоятельств полупериферийные государства играют особенно активную роль в экономической жизни своих стран.

Хотя положение страны в рамках пространственного деления мироэкономики может меняться в разные эпохи, тем не менее, в общем и целом страны ядра удерживают своё лидерство. С тех пор как определился круг развитых капиталистических стран, принадлежащих к ядру, это ядро в основном своё лидерство и сохраняет. Другой вопрос, что в рамках этого ядра меняется гегемон. Валлерстайн настаивает на том, что адекватная для капитализма политическая надстройка — это система национальных государств, каждое из которых обладает суверенитетом. Если какое-то из них чрезмерно усилится, есть риск превращения мироэкономики в мироимперию, ибо может возникнуть достаточно сильный политический центр, который навяжет системе иные задачи, чем логика бесконечного накопления капитала. В миросистеме было несколько случаев, когда те или иные крупные политические центры пытались эту логику нарушить, и каждый раз против таких государств ополчались остальные, заставляя их отступить.

Одну из самых серьезных угроз капиталистической миросистеме представлял Советский Союз и его союзники. Если бы действительно удалось реализовать ленинскую идею планетарного союза советских республик, он точно бы прервал мировую логику накопления капитала. Но Советскому Союзу это не удалось. Поэтому возникает сложный вопрос, какое место занимал СССР в капиталистической миросистеме? В общем и целом миросистемщики считают, что СССР являлся неотъемлемой частью капиталистической миросистемы и был включен в систему глобального накопления капитала, хотя и пытался из нее вырваться. Самир Амин в этой связи даже разработал понятие делинкинга, т. е. контролируемого отключения от хозяйственных связей мирового капитализма. Несмотря на неудачу советской попытки Самир Амин до конца своих дней рассматривал делиндинг как единственно перспективный вариант выхода из капиталистической миросистемы [9, с. 9, 11, 50, 98, 119].

Миросистемный анализ говорит, что в ядре может выделяться политически наиболее влиятельное государство, которое приобретает функции мирового гегемона. Оно не обязательно должно быть самым сильным в военном плане, главное, чтобы оно было способно навязывать свои интересы другим государствам без применения значительной военной мощи. Иначе говоря, если для отстаивания своих интересов нужно задействовать военную силу, достаточно ее применения буквально по минимуму. Чем чаще то или иное государство от этого правила отходит, тем явственней его неминуемый закат в качестве гегемона. Гегемония не уничтожает полицентричной системы национальных государств, гегемония, по сути, указывает, что в этой системе выделяется лидер, который может навязывать свои интересы, и за которым выстраиваются по определенному рангу остальные государства земного шара. Гегемония не остается чисто политическим явлением. Она порождает еще и определенные культурные последствия: в культурном плане гегемон оказывается наиболее влиятельным в рамках миросистемы.

Гегемония конкретного государства — явление преходящее. Гегемон меняется в результате, как выражается Валлерстайн, тридцатилетних войн. Он выделяет в качестве примера три таких войны. Во-первых, настоящая Тридцатилетняя война 1618-1648 года. Во-вторых, англо-французские войны 1792-1815 гг., основную часть которых мы знаем как Наполеоновские. В-третьих, две мировые войны в XX веке и связывающий их межвоенный период 1914-1945 гг. В результате этих глобальных конфликтов гегемония последовательно переходила к Голландии, Англии и США.

В свое время Бродель подчеркивал, что фактическая принадлежность к миросистеме, основанной на мироэкономике не предполагает осознания такого единства. Миросистемщики повторяют эту идею и говорят, что входящие в капиталистическую мироэкономику регионы отнюдь не обязаны иметь общую культуру, равно как и осознавать свою принадлежность к миросистеме. Тем не менее в рамках этой единой системы у них вырабатываются некие минимальные общие образцы культурного поведения, которые позволяют им поддерживать правильные взаимоотношения, то есть поведение в рамках логики систем. Этот минимальный общий культурный компонент Валлерстайн назвал геокультурой. Возникла она не сразу, а лишь к XIX веку, и ее стержень образует либеральная идеология. Именно она задает основные образцы поведения. При этом у либерализма есть еще два оппонента близнеца. Это парадоксально, но Валлерстайн относит к ним консерватизм и социализм, понимаемые и как идеологии, и как социальные движения. Консерватизм и социализм являются факторами устойчивости миросистемы. Они конвергентно сближаются с либерализмом, который образуют центральную ось, а они — дополняющие его альтернативные варианты, и за счет этого система поддерживает стабильность. Правда, тут к миросистемщикам возникает вопрос. Из истории мы знаем, что все три идеологии оформились к началу XIX в., а капиталистическая миросистема возникла в XVI, а по мнению некоторых исследователей даже в XIV в. Каким образом, она три столетия успешно функционировала без геокультуры и побеждала своих конкурентов? Ну и наконец внимательное прочтение Валлерстайна показывает, что под социализмом он понимает идейно-политическое течение, известное в советской исторической науке как революционная демократия, а это уже разрушает всю теоретическую конструкцию геокультуры.

Миросистемный анализ, несмотря на свое глобальное планетарное мышление, объясняющее закономерности развития человечества, никогда не пытался выстроить общую схему мировой истории. Если не считать Франка, миросистемщики редко погружаются дальше XV-XVI вв. Это время, когда средиземноморская мироэкономика вышла из пределов своего региона и начала триумфальное поглощение всех прочих социальных миров, существовавших на планете. Сколько существовало мироимперий и мироэкономик до этого хронологического рубежа? Каковы были их пространственные границы, как они менялись? В чем причины их упадка и расцвета? На эти вопросы школа миросистемного анализа не отвечает. По сути дела в мировом масштабе она разработала только

понимание процессов относящихся к XVI-XXI вв.

Одной из теоретических проблем является соотношение миросистемного подхода со стадийным. За исключением Франка, миросистемщики не предпринимали попыток дать общую картину развития человечества через призму своей теории, поскольку, как уже отмечалось, их внимание сконцентрировано на последних пяти или шести веках мировой истории. Из-за этого сопоставление двух подходов возможно лишь в самом общем виде. Минисистемы Валлерстайна можно соотнести с первобытным обществом, которое выделяется в разной форме в качестве начального периода развития человечества во всех стадийных теориях, а далее прямые сопоставления оказываются затруднительны. В стадийном подходе следующую ступень развития человечества образуют докапиталистические классовые общества, если мы берем марксистскую версию, или традиционные, если мы принимаем позитивистские теории модернизации. Есть соблазн отождествить общества, достигшие этой стадии, с мироимпериями, однако это будет не совсем правомерно, поскольку миросистемный анализ допускает параллельное сосуществование мироимперий с мироэкономиками. Таким образом, для этой стадии прямой аналогии в миросистемном подходе нет. Если мы перейдем к следующей стадии развития человечества, то в стадийном подходе это капитализм или модернизированное общество. Здесь включение миросистемного подхода в стадийный вновь оказывается осуществимой задачей. Данную стадию можно легко отождествить с капиталистической миросистемой, ибо последняя охватила весь земной шар и определила развитие всех современных обществ за исключением нескольких мелких первобытных племен.

Как видно из проделанного сопоставления, двум подходам свойственна близость, но она не переходит в тождество. Это обстоятельство порождает ряд фундаментальных отличий. В связи с тем, что приверженцы миросистемного подхода не рассматривают миросистемы в качестве последовательных стадий развития человечества, для них остается непроявленным вопрос о направленном характере исторического процесса и прогрессе в истории. Даже в рамках развития капиталистической миросистемы оказывается затруднительным говорить о прогрессе. Например, Валлерстайн ставит под сомнение прогрессивный характер буржуазных революций. Для него это всего лишь трюки, которые проделали господствующие классы, чтобы усилить эксплуатацию трудящихся масс. Поскольку направленное прогрессивное развитие не является для миросистемщиков закономерным свойством человеческой истории, то и теория революции как способа смены формаций не привлекает их своей объяснительной силой. В результате они не могут выяснить, почему произошло торжество капиталистической мироэкономики над всеми другими миросистемами. После прочтения трудов Валлерстайна складывается твердое ощущение, что переход к капитализму для него — историческая случайность.

Соотнося особенности миросистемного анализа с историей России, мы сразу же можем заметить несколько важных моментов. Теория капиталистической миросистемы с ее структурно-пространственным делением может быть непосредственно применена к истории России лишь на протяжении последних пяти веков ее существования. Для более ранних периодов русской истории должны действовать иные закономерности, определяемые динамикой мироимперий и некапиталистических мироэкономик, которые еще только предстоит вычлениить и изучить в качестве самостоятельных систем. Последнее обстоятельство порождает трудности, которые необходимо преодолевать исследованиями как теоретического, так и эмпирического характера.

Основоположники миросистемного анализа сделали ряд наблюдений над историей России. Они неоднократно подвергались анализу в отечественной историографии, и можно констатировать, что во многом они носят эмпирический характер. «Ф. Бродель определял Россию как «долгое время саму по себе мир-экономику». Историк отмечал, что Российское государство до XVIII в. имело тенденцию организовываться в стороне от Европы как самостоятельный мир-экономика со своей собственной сетью связей. Торговые отношения с Югом и Востоком были по объему большими, чем с Европой. Запад требовал от России лишь сырье (конопля, лен, смола, корабельные мачты) и продовольствие (хлеб, соленая рыба), снабжал ее предметами роскоши и чеканной монетой. Напротив, Восток покупал у нее готовые изделия: кожевенное сырье, пушнину, скобяной товар, железные изделия, оружие, воск, мед, продовольственные товары, реэкспортируемые европейские изделия. Сам же Восток поставлял России красящие вещества, снабжал ее предметами роскоши, а также тканями по низкой цене, шелком и хлопком. Причинами российской «квазиавтономии» в период развития капитализма на Западе (с XVI по XVIII в.), по мнению Броделя, была не отрезанность ее от Европы, а внутренние факторы развития самой страны: недостаточная плотность населения, обширная территория, «многотрудное и без конца возобновляющееся установление ее внутреннего равновесия», всемогущество государства, что способствовало контрабандной торговле, ужесточение крепостничества, незначительная роль городов

(за исключением крупных торговых портов и столиц) и др. Бродель отмечает, что в России феодальный строй закрепился именно тогда, когда на Западе он уже начал разрушаться» [10, с. 59]. В период с XV по XX в. веке Бродель констатирует процесс европеизации России, который до революции захватывал лишь часть населения. Россия и СССР догоняли промышленно развитые общества ценой значительных жертв. Российская экономика имеет традиционно сырьевой характер по отношению к Западу, но это отношение позволяет проводить частичную модернизацию [10, с. 59].

Валлерстайн рассматривал Россию как полупериферию мировой капиталистической системы. Как и Бродель, Валлерстайн отмечает замкнутость и автаркичность России в период становления в Европе мироэкономики, полагая, что Российское государство в это время переживало «бурный рост собственной мир-империи». Раннее столкновение мироэкономики Запада и Московского царства в ходе Ливонской войны закончилось взаимным отбрасыванием. Попытки применить тактику «догоняющей» модернизации во времена правления Петра I, Екатерины II, Александра II, незавершенные реформы Витте, сталинская индустриализация были направлены лишь на «военно-бюрократическую модернизацию» и выявили слабость аппарата управления.

Россия в ходе своей истории не стала колониальной периферией, как и не смогла войти в капиталистическое «ядро». По определению Валлерстайна, Россия представляет собой «полупериферийного военного гиганта, у которого, однако, было хронически слабое «сердце» и случались закупорки в «сосудах» бюрократического управления». Свое уязвимое экономическое положение Российское государство компенсировало политически. Так было и во время существования СССР. Как полагает И. Валлерстайн, с экономической точки зрения социалистические страны были частью современной мир-системы и составляли ее полупериферию, активно участвуя в капиталистическом разделении труда. В политическом плане Советский Союз превратился в идейного лидера стран полупериферии и периферии, в альтернативный идеологический центр мир-системы. По прогнозам Валлерстайна, дальнейшая российская модернизация будет «полууспешна», не будет ни катастроф, ни процветания, а обычная для России «ухабистая история» [10, с. 59].

Оценки советского периода самим Валлерстайном содержат немало сомнительных положений. «Суждения самого Валлерстайна о российской истории порой кажутся достаточно спорными и уже не раз подвергались критике. Особенно сомнительно всегда звучали его высказывания о том, что Советский Союз был «субимперской» державой, тайно находившейся под контролем США». «Валлерстайн строит свою концепцию истории СССР как «субимперской» державы, которая лишь на словах противостояла миру капитала, а на деле была весьма удобной и послушной полупериферией, помогавшей ядру держать периферию под ярмом, или даже частью ядра. Обосновать такую теорию весьма непросто, если учесть, что перипетии холодной войны дают множество примеров прямого и скрытого противостояния СССР и США», – отмечает К. Е. Новиков [7, с. 137]. Анализируя аргументацию Валлерстайна он показывает, что его система доказательств имеет вид теории заговора.

В начале 1970-х гг. независимо от западных теоретиков идеи весьма близкие к миросистемному подходу высказал советский востоковед В. В. Крылов. В отличие от западных миросистемщиков он опирался только на два теоретических источника – марксизм и теорию зависимого развития, поэтому его вариант миросистемности получился куда более строгим с марксистской точки зрения, но в то же время и менее масштабным. Крылов оперировал понятием мировой капиталистической системы, в которой выделял только центр и периферию, при этом стараясь обозначать их другими терминами. Ничего соответствующего понятию полупериферии в его работах нет. Критерием единства такой системы выступает по Крылову не торговля и поддерживающее ее разделение труда, а процесс воспроизводства капитала. Международное разделение труда и торговля оказываются лишь подчиненными моментами в его функционировании. Подобно западным миросистемщикам Крылов считал, что потребности воспроизводства капитала способны порождать и интенсифицировать в периферийных зонах докапиталистические формы эксплуатации, однако различие между центром и периферией он видел не в технологическом характере производственных процессов, а в зависимости периферийного экономического развития от нужд капитала в центре. Любопытно и другое расхождение: сильную роль государства, как фактора общественного развития Крылов относил к периферийной зоне и связывал его со становлением колониализма и попытками освобождения от него. Вторжение мирового капитала в страны «третьего мира» привело к деформации и фрагментации их социальной структуры, породило мозаичную картину разных укладов, интегрированных вокруг мирового (инострannого) капитала так, что ведущие уклады стран «третьего мира» пространственно пребывают за их пределами. Государственный сектор является единственным инструментом интеграции местных укладов и аморфных социальных процессов в национальную экономику как единый хозяйственный организм, позволяющим национальному обществу воспроизводить себя, хотя

и виде особого элемента мировой капиталистической системы, поэтому он закономерным образом растет во всех странах, освободившихся от колониальной зависимости [6, с. 369, 370-371, 375-376].

В политическом плане роль государства как средства, предотвращающего распад целостного общественного организма, приводит к появлению государственности национально-самодержавного типа, где типичным общественным состоянием личности оказывается «не гражданин, но административно управляемый подданный», а вместо разделения властей и торжества принципов свободы, равенства и братства происходит «мощное вторжение политических институтов в чуждую им социальную и экономическую сферу», глубоко деформирующее самостоятельные общественные процессы. Альтернативой этому состоянию является установление аналогичных порядков руками колониальной администрации либо распад общества на враждующие милитаристские банды [6, с. 391-392]. Таким образом, сохранение или завоевание политической независимости в странах капиталистической периферии имеет своей ценой резкое усиление роли государства и торжество этатизма в общественных отношениях.

Крылов путем тщательного анализа текстов Маркса показал, что понимание капитализма как мировой системы, которую нужно рассматривать как единое целое со своими пространственными особенностями, было заложено в самом фундаменте марксистской теории капитализма, но будучи работником советского научно-исследовательского института, он считал, что мировая капиталистическая система в его дни не охватывает всего земного шара – ей противостоит более слабая, но набирающая силу мировая социалистическая система. Разумеется, западные миросистемщики этого взгляда не разделяли. Наконец, у Крылова нельзя найти никаких намеков на мироимперию, вместо этого он развивал формационное учение в его стадийной версии. Таким образом, для Крылова пространственное неравенство путей развития отдельных стран и территориальная неоднородность охватываемой этими странами социальной системы является внутренним свойством капиталистической общественной формации, которая не имеет отношения к Советскому Союзу. Все эти особенности миросистемной версии Крылова ограничивают возможности ее применения к истории России, заставляя полностью исключить временные рамки 1917-1991 годов, а для предшествующего и последующего временных отрезков требуют иной классификационной схемы, где российское общество может быть только периферийным или центральным, а полупериферийный статус по определению исключен.

Нет пророка в своем отечестве. В отличие от концепций западных миросистемщиков идеи Крылова не получили широкого распространения, однако когда российское научное сообщество начало активно изучать труды Валлерстайна, выяснилось, что в отечественной исторической науке была другая, более известная фигура, чьи взгляды имеют с ними точки соприкосновения – это М. Н. Покровский. Подобно миросистемщикам Покровский придавал решающее значение отношениям обмена. На определенных этапах отечественной истории он ставил их выше отношений производства, отклоняясь от традиционного марксизма. На этой основе он даже создал учение об эпохе торгового капитализма в истории России [8, с. 36, 40, 43-44, 53-57, 62, 70, 74-75]. Оно подверглось резкой критике в 1930-е гг., было отвергнуто и забыто, а в современных историографических условиях закономерно вызвало интерес. Поэтому не удивительно, что в первых попытках последовательно применить миросистемный анализ ко всей истории России ощущается значительное влияние работ Покровского. Они были предприняты в нулевые годы XXI века и связаны с именами Б. Ю. Кагарлицкого (в мае 2022 г. признан иноагентом) и ученика Валлерстайна Г. М. Дерлугьяна.

В исследованиях Кагарлицкого (признан иноагентом) имеется три особенности по сравнению с концепцией Валлерстайна. Во-первых, он нигде не пытается целенаправленно анализировать структуру торговли и разделять оборот предметов роскоши и товаров массового потребления. Во-вторых, он не применяет к истории России концепцию мироимперии, хотя неоднократно упоминает это понятие. В-третьих, классифицируя положение России в миросистеме, он никогда не использует термин полупериферия, признавая только такие статусы как периферия и центр.

В целом история России у него распадается на две части: до середины XVI в. и после. На первом этапе он просто прослеживает влияние торговли и международных торговых путей на политическую историю, не выделяя специальным образом ни мироэкономику, ни мироимперию. Лишь один раз он сообщает, что Древняя Русь сложилась как посредническая зона между балтийской и средиземноморской мироэкономикой. Собственно миросистемный анализ начинается у него со второй половины XVI в. Согласно Кагарлицкому (признан иноагентом), с 1550-х гг. Россия втягивается в европейскую торговлю в качестве поставщика технического сырья, каковым являлись лес, пенька, канаты и лен, а с 1630-х гг. выходит на европейский рынок как поставщик зерна, а к 1780-м гг. превращается в главную житницу Европы. Взамен Россия получает оружие, ремесленные изделия

и новые технологии. Страна становится частью капиталистической миросистемы к середине XVII в., и тогдашняя структура торговли на столетия закрепляет ее периферийный характер.

Вплоть до XVI в. Россия, как стремится показать Кагарлицкий (признан иноагентом), не имела в своей истории принципиальных отличий от Западной Европы, а затем ее социальное развитие пошло по качественно новой траектории. Отличия появились именно по причине вхождения в миросистему. Своеобразным ответом на периферийный статус стало усиление экономической роли государства с середины XVII в. Оно становится «мотором, движущей силой и главным агентом развития» и важным источником инноваций в экономике, действуя в партнерстве с иностранным капиталом, а усилившуюся зависимость от него компенсирует политикой меркантилизма, насаждением крепостничества, которое парадоксальным образом превращается в источник кредитования западного капитализма. С того же времени российские элиты начали воспринимать проблему периферийного развития как проблему «отсталости». Сперва она компенсировалась культурным самоутверждением, противопоставлением московского благочестия западным нравам, а затем началась петровская эпоха и культурное самоутверждение на длительный период было отвергнуто. Начались реформы, подчиненные логике догоняющего развития. Радикальный характер петровских преобразований еще больше усилил мощь государства, доведя власть до деспотических форм. «Историческая трагедия петровских реформ состоит в том, что, решая проблему технической отсталости и культурной изоляции, они еще больше встраивали Россию в формирующую мировую систему, закрепляя как раз периферийное положение страны» [5, с. 248]. «Логика экономического взаимодействия между Россией и миросистемой предполагала сохранение авторитарной системы власти, не только в государстве, но и в обществе. Этот авторитаризм не мог не пронизывать всю глубину социальных отношений» [5, с. 257]. К началу XX в. государственное присутствие в экономической жизни по-прежнему отличало Россию от стран Запада. «Многочисленные промышленные ведомства создавали собственные предприятия во всех сферах экономики. «Казенные» заводы давали значительную часть общего объема производства. Ни одно государство Европы в конце XIX — начале XX века не имело такого количества официальных учреждений, регулировавших хозяйственную жизнь. Всевозможные комиссии, канцелярии, министерства, комитеты, палаты, советы и т.д. играли ключевую роль в решении буквально любых вопросов. В свою очередь, предприниматели и их организации тесно сотрудничали с этими ведомствами, участвовали в их работе» [5, с. 406-407]. Правительство являлось одним из главных потребителей, решающую роль в формировании внутреннего рынка играло государственное железнодорожное строительство, частный капитал подпитывался государственными средствами и программами.

К концу XIX в. несмотря на бурное развитие промышленности зависимость России от центра усилилась, и сложилась модель отношений, свойственная Латинской Америке начиная с 1970-х гг., когда кризис перенакопления капитала в центре вызывал следом долговой кризис на периферии. В сельском хозяйстве сохранялись многочисленные некапиталистические черты: помещичьи хозяйства продолжали использовать отработки и кабальную аренду, а крестьяне вели натуральное хозяйство, поставляя на рынок лишь излишки, необходимые им для покрытия собственных потребностей.

Революция 1917 года, по мнению Кагарлицкого (признан иноагентом), выключила Россию из мировой капиталистической системы примерно на пятьдесят лет. Произошел делинкинг, и всё это время СССР не являлся частью мировой системы. Он не участвовал в капиталистическом разделении труда и глобальных процессах накопления капитала, хотя и оставался частью мирового рынка. Только в 1970-е гг. началось его возвращение обратно. Тогда брежневское руководство столкнулось с нарастанием внутренних экономических проблем, но выбрало стратегию компенсации. Нарастив экспорт энергоносителей в кооперации с западным капиталом оно закупками потребительских товаров закрывало образующиеся в экономике прорехи. Советские экономисты надеялись, что потом удастся обеспечить технологический рывок и решить назревающие проблемы, но этого не произошло. В результате СССР начал возвращаться в международное разделение труда, заняв там то же место, которое ранее занимала Россия. Усиление экономической зависимости от Запада и нарастание военного давления с его стороны в конечном счете погубило Советский Союз, а современная Россия заняла в мировой системе периферийное место на худших условиях, чем царская. «Российское общество рубежа XX и XXI веков, при всех своих постсоветских особенностях, приобрело вполне типичные черты периферийного капитализма и жило по его логике... Российская экономика теперь была полностью вписана в миросистему, включена в глобальное разделение труда, отвечавшее интересам транснациональных корпораций... Россия вновь стала источником сырья и финансовых ресурсов для Запада» [5, с. 520-521]. «Российское государство уже вновь обрело черты, присущие царизму эпохи 1905–1914 годов, с той лишь разницей, что формальное восстановление монархии

(неоднократно обсуждавшееся в российской элите) для этого не понадобилось. Устаревшая модель сословной монархии была заменена более «современной» олигархической республикой» [5, с. 433].

Некоторые попытки применения миросистемного анализа к истории России предпринял также Г. М. Дерлугьян. Он считает, что Россия в момент формирования капиталистической мир-системы сразу же оказалась за пределами этого процесса, а в дальнейшем заняла полупериферийное положение, разместившись в иерархии мирсистемы «где-то чуть позади района Австро-Венгрии, но впереди Турции». Россия предпринимала неоднократные и успешные попытки догнать Запад, но он тоже развивался, поэтому ее положение в структуре мирсистемы оказывалось неизменным – она столетиями балансировала на грани ядра мирсистемы и полупериферии. Это положение предопределило своеобразие российской истории: «В ситуации неустойчивого баланса такие факторы, как идейные представления или даже личные характеристики лидеров начинают играть самостоятельную роль. Субъективный фактор и даже случайность в такой точке исторической траектории могут определить форму долгосрочных объективных структур» [4, с. 46]. По Дерлугьяну, Россия обладала следующими признаками периферийности: «военная организация общества и государства, зерноэкспортирующая экономика, эксплуатация дешевого крестьянского труда, пол неуспешность реформ, пропасть между элитой и народом, «долгодогоняющее развитие», «экономика рывка», бюрократическая организация, централизация власти. Эти признаки были характерны как для Московской Руси, как для эпохи Российской империи, так и для Советского Союза. За всю историю благодаря этим особенностям в России было осуществлено три прорыва: создание стрелецкого войска при Иване Грозном, создание имитационного абсолютистского государства в XVIII в., создание современного военно-индустриального режима в СССР». Дерлугьян считает, что и в XXI веке эта система, теряя целостность, распадаясь на сегменты, не меняется внутренне. «Поэтому, по его мнению, в современной России до сих пор не произошла капиталистическая революция, а наблюдается «сегментация старого брежневского режима», которая во многом продолжается в наших провинциях, в некоторых отраслях, на некоторых предприятиях. Сегодня главной проблемой для России, считает Дерлугьян, является решение вопроса о том, как построить индустриальную экономику нового типа на собственных ресурсах» [10, с. 59-60].

Впрочем, Дерлугьян не дал целостного очерка истории России с позиций миросистемного подхода. При изучении истории России его куда больше заботят перспективы догоняющей модернизации. Суть концепции, развиваемой в этой связи Дерлугьяном, хорошо выразил В. В. Цыганков: «По его мнению, происходит неумолимое сужение возможностей реализации традиционных «мобилизационных» стратегий вывода России из очередного кризиса. Данные стратегии исчерпали себя вследствие «деруризации» (режимы власти в России, решая краткосрочные проблемы, привели дело к «раскрестьяниванию» русского населения, утратив, таким образом, основной компенсатор «мобилизаций»» [11, с. 101].

Таким образом, применение миросистемного анализа к России демонстрирует его ограничения. Во-первых, он оставляет без ответа вопрос о характере социальных систем, существовавших на российской территории до XVI-XVII вв. Во-вторых, он испытывает затруднения с классификацией Советского Союза. Для одних исследователей он часть мирсистемы, для других в большей или меньшей степени отделен от нее делинkinгом. В-третьих, нет однозначного понимания, какое место занимает Россия в пространственной структуре мирэкономки. Для одних это полупериферия, для других периферия. В отечественной научной литературе встречается даже трактовка полупериферии, как мироимперий, включенных в капиталистическую мирэкономку в качестве подчиненных элементов системы. В частности, такой тезис выдвинул Цыганков [11, с. 98], по-видимому, к нему близок и Кагарлицкий (признан иноагентом), так как он определил Россию как периферийную империю прямо в заголовке своего исследования. Указанные наблюдения свидетельствуют, что проблема последовательной интерпретации истории России в духе идей миросистемного подхода еще далека от окончательного решения.

Список литературы:

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. : [в 3 т.]. Т. 3. Время мира / Фернан Бродель. - [2-е изд.]. – М. : Весь мир, 2007. – 752 с.
2. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн. – М. : Территория будущего, 2006. – 248 с.
3. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна : [в 3-х томах]. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Иммануил Валлерстайн. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 552 с.

4. Дерлугьян, Г. М. Траектория российского государства в миросистемной перспективе, 1860-е – 2000 гг. / Г. М. Дерлугьян // Вестник Института цивилизации. – 2001. – Вып. 4. – С.41-115.
5. Кагарлицкий, Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б. Ю. Кагарлицкий. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2009. – 576 с.
6. Крылов, В. В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове / В. В. Крылов. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2024. – 575 с.
7. Новиков, К. Е. Мир-системная теория И. Валлерстайна: анализ идейных истоков спорных суждений о российской истории / К. Е. Новиков // Социологический журнал. – 2015. – Том 21, № 2. – С.130-149
8. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – М. : Партиздат, 1933. – 541 с.
9. Самир Амин. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. – М. ; СПб. : ИНИР, 2017. – 148 с.
10. Хакимов, Г. А. Российская модернизация в свете мир-системных концепций / Г. А. Хакимов // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – №3. – С.57-63.
11. Цыганков, В. В. Миросистемный анализ: «твёрдое ядро» и «защитный пояс» / В. В. Цыганков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – №4(20). – С.95-101.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025

Shakhin, Y. V. *Fundamentals of the World-System Approach and Russian History: Understanding and Application Problems*

This article examines the fundamentals of world-system analysis, which allows us to study global processes in history and modern times through the prism of the interrelations between states, economies, and cultures. The author reveals the theoretical origin of this concept, key concepts of world-system theory, and structural changes and transformations of the world system over various historical periods. The perspectives of leading representatives of this field are presented. The article focuses on the application of the world-system approach to the history of Russia and the analysis of the internal processes of Russian statehood in the context of the world system. The author examines how the world-system approach allows us to identify the specific features of Russia's development, its place in the center-periphery structure, and the influence of external factors on the country's internal transformations. Particular attention is paid to a critical understanding of the possibilities and limitations of world-system analysis when interpreting of historical processes based on Russian material. This study is intended to facilitate the adaptation of the world-system approach to the specifics of Russian history.

Keywords: world-system approach, world-economy, world-empire, history of Russia, semi-periphery, hegemony, methodology of history.

УДК 94(47)“1802/1855”+930.2:929Нахимов

Рассматривается историография истории жизни и деятельности П. С. Нахимова. Установлено, что она обширна, но однообразна. В имперское время личность героя трактовалась как идеал офицера и дворянина. В советское (после 17 лет отрицания имперской истории в целом) — как исключительного явления в крепостнической Николаевской России, человека, который противостоял эксплуататорскому антинародному государству. В постсоветский период личность Нахимова в основном трактуется в рамках дореволюционного дискурса. Особенностью последнего десятилетия стало появление критических публикаций, в которых критикуется не столько сам Нахимов, сколько исторические последствия его Синопской победы. Среди основных историографических проблем в изучении биографии П. С. Нахимова — неравномерность изученности его биографии. По-прежнему в тени остаются ранние годы. Не закончены споры о месте и точной дате рождения героя. Малоизученной остается роль П. С. Нахимова в развитии отечественного кораблестроения и в так называемой Абхазской экспедиции Черноморского флота.

Ключевые слова: Павел Степанович Нахимов, историография, биография, флот.

В. В. Хапаев, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: khapaev007@mail.ru

ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ НАХИМОВ: ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ГЕРОЯ¹

Павел Степанович Нахимов является одним из популярнейших героев военной истории России. Ему установлено множество памятников, в его честь названы медаль и орден, улицы и площади ряды городов России. Поэтому создается иллюзия, что его биография изучена во всех подробностях. Тем более что сборники документов П. С. Нахимова издавались трижды, что встречается в историографии нечасто. Однако, как будет показано далее, биография героя изучена крайне фрагментарно. Большая часть написанной о нем литературы — публицистика, создающая «лакированный» образ, практически «житие», в котором основной акцент сделан на двух эпизодах жизни Нахимова: Синопском сражении и руководстве обороной Севастополя. То есть в фокусе внимания историков находится не вся его биография равномерно, а лишь два ее финальных эпизода, обессмертивших имя Павла Степановича в отечественной и мировой истории.

Изучению вопрос о том, почему такая неравномерность возникла и исправляется ли этот перекос в современной историографии посвящена данная статья.

Военный историк Сергей Сергеевич Курочкин в публикации 2019 год [15, с. 328-331] предложил периодизацию историографического изучения биографии П.С. Нахимова, разделив ее на 5 этапов. Полагаю эту периодизацию корректной и обоснованной, хотя содержательное наполнение этих периодов автор изложил весьма кратко. Постараемся этот пробел восполнить, следуя предложенным пяти этапам.

Первый этап охватывает время от гибели адмирала в 1855 г. до конца XIX века. Он характеризуется изучением общих черт биографии героя, созданием его художественного образа, мемориализации в музейных экспозициях и живописи.

В это время были созданы как книги и статьи, авторы которых стремились описать всю биографию героя, так и статьи, посвященные отдельным аспектам его биографии и вклада в историю страны.

К первой категории следует отнести следующие произведения.

1. В 1865 г. в художественном издании «Портретная галерея русских деятелей» А. Мюнстера опубликован впоследствии многократно тиражированный литографический портрет П.С. Нахимова с картины Алексея Александровича Васильева (1811—1879), написанной в 1862 году [40, с. 64], к которой прилагалась биография героя. Автором ее текста был Михаил Дмитриевич Хмыров (1830—1872), историк и публицист.

2. Биографический очерк Авраамия Богдановича Асланбегова «Адмирал Павел Степанович Нахимов», впервые напечатанный в журнале «Русский Архив» в 1868 г. [3, стб. 373-410], участника

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Русского географического общества «У моряка нет трудного или легкого пути, есть только один путь – славный» (Договор о предоставлении гранта от 04.07.2025 № 01/2025-И).

Обороны Севастополя, лично знавшего П.С. Нахимова. Соответственно, его труд представляет собой ценный нарративный источник.

3. Вышедшая без указания авторства в 1872 г. в качестве основного дидактического материала брошюра «Адмирал Павел Степанович Нахимов» [2]. Поскольку она была издана Департаментом Уделов, это было изложение официального взгляда на биографию героя. На самом деле ее автором был тот же А. Б. Асланбеков, и брошюра представляет собой переиздание вышеупомянутого очерка.

4. Небольшая брошюра Д.Н. Сеславина «Адмирал П. С. Нахимов: биографический очерк», опубликованная в 1899 году [34].

Примером тематического исследования может служить статья военного историка Александра Петровича Соколова «О значении адмирала П. С. Нахимова в Севастопольской обороне», опубликованная в 1876 году [35].

Рубежом между первым и вторым этапом изучения и популяризации биографии П. С. Нахимова стало растянувшееся на 11 лет «празднование» полувекового юбилея событий Крымской войны и Обороны Севастополя — от 1898 года, когда началась установка памятников героям тех событий (в том числе самому П. С. Нахимову), по 1909 год, когда череда торжеств, открытий мемориалов (в числе которых Панорама Ф. А. Рубо) завершилась открытием памятника Э. И. Тотлебену на Историческом бульваре в Севастополе.

Соответственно, количество исследований и популярных трудов о Крымской войне в целом и о П. С. Нахимове как ее самом знаменитом герое, в этот период значительно увеличилось.

Второй этап историографического осмысления роли личности П. С. Нахимова в истории приходится на 1898/1900—1917 годы (до начала Великой Российской Революции).

На стыке двух историографических периодов находится включенная в серию «Энциклопедическая библиотека» под ред. В. И. Марова относительно подробная брошюра литератора Дмитрия Николаевича Сеславина «Адмирал П. С. Нахимов. Биографический очерк» [34].

Среди вышедших в это время трудов (в основном обобщающих) следует отметить следующие.

1. Брошюра авторитетного историка флота, генерала от инфантерии Евгения Васильевича Богдановича «Адмирал Павел Степанович Нахимов» [6], вышедшая в свет в 1902 году. В ней под одной обложкой объединены результаты двух исследований — участия П. С. Нахимова в Наваринском сражении 1827 года и руководство Синопским сражением в 1853 г., т.е. две ключевые «точки» биографии героя — от храброго лейтенанта до великого флотоводца. Работа представляет собой юбилейный панегирик, о чем свидетельствует ее подзаголовок: «Памяти слав. рус. богатыря-героя по случаю 100-лет. годовщины со дня его рождения».

2. Вышедшее тогда же в Севастополе относительно объемное дидактическое издание авторства лейтенанта Петра Ивановича Белавенца (впоследствии известного и авторитетного историка флота), предназначенное для проведения воспитательной работы среди нижних чинов Черноморского флота «Адмирал Павел Степанович Нахимов. Рассказ для ниж. чинов к столет. юбилею дня рождения адмирала» [4].

2. Труд В. Малышева 1904 г. издания «Адмирал Павел Степанович Нахимов». Он сконцентрирован на следующих вехах его биографии: учебе в Морском кадетском корпусе, участии в Наваринском сражении, командовании корветом «Наварин» в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов, руководстве Синопским сражением [22].

Примером узко тематического «исследования» второго историографического периода может служить двухстраничная (sic!) публикация специалиста по малороссийским родословиям Вадима Львовича Модзалевского (1882—1920) «Догадка о происхождении рода Нахимовых» [23], в которой автор выдвинул гипотезу о малороссийском происхождении предков Павла Степановича — от некоего казака Андрея Нахименко, жившего во второй половине XVII века. При этом он опирался на материалы «Русской родословной книги» князя А.Б. Лобанова-Ростовского [18].

Третий этап, который можно условно назвать «революционным», находится в хронологических границах 1917—1934 годов, когда П. С. Нахимов был фактически вычеркнут из истории, наряду с множеством других деятелей «царского режима», несмотря на всю его прославленную в литературе любовь к нижним чинам и заботу о них. Его памятник был снесен в Севастополе в 1828 году (на постаменте водрузили памятник В. И. Ленину), а в его усыпальнице (вместе с другими 12-ю адмиралами Российского флота) во Владимирском соборе создали авиационную мастерскую. Соответственно, из историографического дискурса П. С. Нахимов в это время полностью выпал: писать о нем плохо не было оснований, а писать хорошо было нельзя.

Четвертый этап (1934—1953). Постепенное возвращение СССР к историческим истокам, начавшееся после XVII съезда ВКП(б) и усилившееся в годы Великой Отечественной войны,

предопределило возвращение и в идеологический дискурс, и в научную повестку многих исторических деятелей досоветской эпохи, среди которых был и П. С. Нахимов.

Официальная реабилитация П. С. Нахимова ознаменовалась созданием Нахимовских училищ (21.08.1943), учреждением Ордена и медали Нахимова (03.08.1944), и выходом в том же году в серии с говорящим названием «Великие люди русского народа» научно-популярного труда «Павел Степанович Нахимов», написанного академиком Евгением Викторовичем Тарле [18]. В вышедшей годом ранее двухтомной «Истории Крымской войны» Е. В. Тарле, начавший работать над этой книгой в 1939 г., также посвятил П. С. Нахимову немало теплых слов [36], [37]. В ходе Второй героической обороны Севастополя параллели с его Первой героической обороной стали важной частью политико-пропагандистской работы среди моряков и солдат.

Важнейшим научным достижением этого периода стал выход в свет в победном 1945 году первого сборника документов П. С. Нахимова, предисловие к которому написал Е. В. Тарле [1]. Сборник был еще относительно небольшим, однотомным, но важен был сам факт его появления.

Роль молодого лейтенанта П. С. Нахимова в Наваринском сражении отражена в вышедшей в том же 1945 году брошюре военного историка, ветерана ВОВ (впоследствии доктора исторических наук) Ростислава Николаевича Мордвинова «Наваринский бой» [24].

В том же году вышло в свет небольшое исследование еще одного, нового, историографа П. С. Нахимова, военного историка Сергея Федоровича Найды «Адмирал Нахимов» [26]. Основной темой его научного творчества было изучение революционного движения на флоте. Поэтому, в отличие от посвященных этой теме трудов, его публикации о П. С. Нахимове это всегда небольшие брошюры. В вышеупомянутом труде автор уделяет внимание не только традиционным темам — Нахимов в Синопском бою и в Обороне Севастополя, но и становлению его как личности — в Морском кадетском корпусе и в ходе службы под руководством М. П. Лазарева (в том числе в кругосветном плавании), а также его роли как воспитателя следующего поколения моряков. В 1949 году опубликована стенограмма публичной лекции С. Ф. Найды о Синопской победе [27]. Вышедшее в 1952 г. информационно-пропагандистское издание «Выдающийся русский флотоводец — адмирал П. С. Нахимов» [28] в основном повторяет содержание публикации 1945 года.

После выхода на экраны в 1946 году художественного фильма «Адмирал Нахимов», сценарий которого правил лично И. В. Сталин, процесс советской «канонизации» П. С. Нахимова в образе народного героя был окончательно завершен.

Это в полной мере отразилось в брошюре военного историка Николая Павловича Мазунина «Адмирал П. С. Нахимов» [19], вышедшей в свет в 1952 году и подводящей своеобразную «черту» под четвертым историографическим периодом — временем реабилитации героя. Тематически работы, опубликованные в этот период, в основном посвящены заключительному этапу жизни и деятельности П. С. Нахимова — как командира эскадры в Синопском сражении 1853 года и руководителя Обороны Севастополя в октябре 1854 — июле 1855 гг.

Следующий, пятый историографический этап, который можно условно назвать «послесталинским», характеризуется выходом довольно значительного числа работ о П. С. Нахимове, как публицистических, так и научных. Но главным достижением эпохи стало составление и публикация большого, по-настоящему фундаментального сборника документов П. С. Нахимова. Вышедший в 1954 году сборник был втрое объемнее первого [29].

В ряду историографии этого периода следует отметить следующие публикации.

1. Вышедшая в год 100-летия окончания Обороны Севастополя (вслед за расширенным сборником документов) книга смоленского историка Бориса Ивановича Зверева «Выдающийся русский флотоводец П. С. Нахимов» [10]. В том же году Б. И. Зверев защитил кандидатскую диссертацию по истории Черноморского флота в годы Крымской войны, главным героем которой стал П. С. Нахимов [9]. Его публикации стали началом целой смоленской «ветви» историографии П. С. Нахимова, которая существует до сих пор. Смоленские историки особенно пристально изучают биографию и родословную своего великого земляка.

В большом ряду публицистической, научно-популярной и пропагандистской литературы о П. С. Нахимове наконец нашлось место и фундаментальной монографии о флотоводце: «Павел Степанович Нахимов», вышедшей в свет в 1960 году. Ее автор — военный историк, доктор исторических наук Василий Дмитриевич Поликарпов (1918—2008). Основной круг его научных интересов, как и С. Ф. Найды, состоял в изучении истории Гражданской войны в России. Но, в отличие от коллеги, в изучении биографии П. С. Нахимова В. Д. Поликарпов не ограничился изложением информации, добытой дореволюционными историками, но и представил результаты собственных исследований. В частности, на основе впервые выявленных архивных материалов уточнены многие

детали биографии героя, в том числе место его рождения, подробно рассказано о ранних годах жизни, трудах в Архангельске, Кронштадте, Николаеве, участии в боевых действиях на Кавказском побережье. Хотя основное внимание автора (и это естественно) приковано к деятельности адмирала в последние два года его жизни [32].

В новейшей (постсоветской) литературе на шестом историографическом этапе, с одной стороны, продолжилась публикация публицистических и научно-популярных произведений о Павле Степановиче. С другой развернулся научный поиск по темам, которые ранее не освещались или были изучены слабо.

Главным событием этого этапа стала публикация в 2003 году третьего (и самого обширного) сборника документов и материалов П. С. Нахимова, который напечатан на этот раз в двух томах. От издания 1954 года он выгодно отличается не только увеличением количества опубликованных документов, но и отсутствием идеологических купюр, характерных для предыдущего издания [30; 31].

Первым импульсом к оживлению интереса к личности П. С. Нахимова стало празднование в 2003–2006 годах 150-летия Крымской войны и Первой Обороны Севастополя. Это, в частности, привело к росту числа публикаций о П. С. Нахимове.

Классик отечественной исторической науки д.и.н. Владимир Викентьевич Лапин (р. в 1954 г.) опубликовал статью, посвященную роли образа П. С. Нахимова в национальной памяти россиян [17], а затем расширил ее до монографии, проведя (в стиле Плутарха) сравнительный анализ памяти о двух севастопольских героях – Ф. Ф. Ушакове и П. С. Нахимове [16].

Особое внимание личности П. С. Нахимова было уделено в ходе событий Русской весны 2014 года, многие из которых разворачивались в Севастополе, и после них. «На злобу дня» к главной странице биографии П. С. Нахимова – руководству обороной Севастополя – обратился работающий в журнале «Родина» философ, д. филос. н. Семен Аркадьевич Экштут [44].

Молодой петербургский исследователь Сергей Сергеевич Курочкин, в ходе работы над кандидатской диссертацией, посвященной деятельности Э. И. Тотлебена, опубликовал статью о периодизации историографии П. С. Нахимова, ранее уже упомянутую [15].

Наиболее интенсивные исследования, связанные с личностью, биографией, родословной П. С. Нахимова развернулись в Смоленске, на малой родине героя. Там проводятся тематические научные конференции, публикуются статьи.

Примером такой публикации служит вышедшая в 2002 г. статья смоленского историка, кандидата (впоследствии доктора) исторических наук Дмитрия Евгеньевича Комарова (1971—2024) «Нахимов не был похож ни на кого...» [14], опубликованная в Военно-историческом журнале. В ней автор анализирует историографию о П. С. Нахимове (хотя и менее подробно, чем в настоящей статье). Как и ряд упомянутых выше авторов, Д. Е. Комаров не был профильным специалистом по эпохе П. С. Нахимова. Основное направление его исследований (в том числе обеих диссертаций) — история Великой Отечественной войны. То есть его статья, опубликованная в преддверии 150-летия начала Крымской войны, также создана «на злобу дня».

Не только смоленские авторы обращаются к образу П. С. Нахимова, но и их московские коллеги, публикуя результаты своих исследований в смоленской научной периодике. Один из них – Андрей Игоревич Макаров, заведующий редакцией истории России (XIII—XIX вв.) Российской исторической энциклопедии. В частности, он опубликовал в 2017 г. статью, посвященную родственным связям П. С. Нахимова на Смоленщине [20]. Он же (в отдельной публикации) описал процесс передачи архива рода Нахимовых в отдел рукописей РГБ [21]. Его молодые смоленские коллеги Ю. В. Шевченко и С. С. Чиков изучили историю сохранения памяти о П. С. Нахимове на Смоленской земле [42].

Личность П. С. Нахимова входит и в сферу интересов севастопольских историков. Историк-архивист, к.и.н. Анжелика Артуровна Фесенко изучила историю празднования юбилеев адмирала в городе-герое [39]. Ее молодая коллега и землячка Т. О. Якимова представила рассуждение о том, кем в первую очередь был наш герой — новатором или альтруистом [45].

Отдельными аспектами биографии П. С. Нахимова заинтересовались и представители других наук. Инженер-кораблестроитель Александр Алексеевич Чернышев (1946—2019), с юных лет увлекавшийся историей российского флота, в 2002 г. опубликовал в профильном журнале «Судостроение» статью о кораблях, на которых служил П. С. Нахимов [41]. Медики В. С. и А. В. Карташовы опубликовали статью, анализирующую сведения доктора Х. Я. Гюббенета о смертельном ранении П. С. Нахимова [11]. В ведомственном журнале МЧС опубликована статья о Синопском сражении [43].

Еще одним важным центром изучения биографии П. С. Нахимова и смежных вопросов стал г. Санкт-Петербург. Молодой петербургский историк и педагог Алексей Сергеевич Борский опубликовал

ряд статей по тем аспектам биографии П. С. Нахимова, которые традиционно находятся на обочине научного дискурса. Одна из них посвящена Наваринскому сражению как первому практическому боевому опыту будущего флотоводца [7]. Другая — учебе Павла в Морском корпусе [8].

К личности П. С. Нахимова обращаются исследователи не только в регионах, связанных с личностью героя, но и весьма отдаленных. От таких публикаций не приходится ожидать значимой научной новизны (в основном это студенческие работы). Но сам факт их появления говорит о росте популярности личности адмирала, как в обществе в целом, так и в научном сообществе [5].

На текущем историографическом этапе, помимо большого массива традиционно хвалебных публикаций о П. С. Нахимове, продолжающих полуторавековую традицию его прославления, появилось и некоторое количество критических или, по крайней мере, не комплиментарных.

В 2007 году опубликована статья вологодского историка-архивиста Любови Николаевны Мясниковой о П. С. Нахимове, выступающем в необычной для него роли помещика-крепостника [25].

Петербургский историк, д.и.н. Александр Сергеевич Пученков опубликовал остро дискуссионную статью о «конструировании мифа» об Обороне Севастополя 1854—1855 годов как «победоносного поражения». Отмечу, что статью эту уважаемый профессор СПбГУ опубликовал в малоизвестном иркутском журнале, издаваемом местным техническим университетом [33].

Серию публикаций под общим названием «Пирров Синоп» разместил на различных электронных ресурсах историк и журналист, уроженец Донецка Юрий Владимирович Кирпичев. Он развивает становящуюся все более популярной в медийном пространстве мысль, что негативные исторические последствия Синопа «перекрывают» чисто военный успех этого сражения [13].

Ему же принадлежит статья на весьма «деликатную» тему — о роли евреев в истории Черноморского флота, в том числе — в судостроении. Он анализирует, сколько кораблей и какие в эскадре П. С. Нахимова, принимавшей участие в Синопском сражении, было построено подрядчиками-евреями. При этом он дискутирует с теорией «мирового еврейского заговора» против России вообще и Черноморского флота в частности, которую выдвинул и популяризирует другой публицист — В. В. Шигин [12].

Таким образом, историография истории жизни и деятельности П. С. Нахимова достаточно обширна, но довольно однообразна. В имперское время его личность трактовалась как некий идеал офицера и дворянина. В советское (после 17 лет отрицания имперской истории в целом) — как исключительного явления в крепостнической Николаевской России, человека, который противостоял как мог эксплуататорскому антинародному государству (аналогично подавался и образ Ф. Ф. Ушакова). В постсоветский период личность П. С. Нахимова в основном трактуется в рамках дореволюционного дискурса.

Особенностью последнего десятилетия стало появление критических публикаций, в которых критикуется не столько сам П. С. Нахимов, сколько исторические последствия его Синопской победы. Среди основных историографических проблем в изучении биографии П. С. Нахимова можно отметить неравномерность изученности его биографии. По-прежнему в тени остаются ранние годы. Не закончены споры о месте и точной дате рождения героя. Малоизученной остается роль П. С. Нахимова в развитии отечественного кораблестроения и в так называемой Абхазской экспедиции Черноморского флота.

Список литературы

1. Адмирал Нахимов / под ред. кап. 1-го ранга Н. В. Новикова и канд. ист. наук П. Г. Софинова ; предисл. акад. Е.В. Тарле. — М. ; Л. : Военмориздат, 1945. — 250 с. — (Материалы для истории русского флота).
2. Адмирал Павел Степанович Нахимов. — СПб. : Тип. деп. Уделов, 1872. — 30 с.
3. Асланбегов, А. Адмирал Павел Степанович Нахимов. (Биографический очерк) / А. Аслабнегов // Русский архив, 1868. — Изд. 2-е. — М., 1869. — Стб. 373-410.
4. Белавенец, П. И. Адмирал Павел Степанович Нахимов : Рассказ для ниж. чинов к столет. юбилею дня рождения адмирала : Сост., по поручению его превосходительства гл. командира Черномор. флота и портов Черного моря в-адм. С. П. Тыртова / лейт. П. И. Белавенец. — Севастополь : типо-лит. Д. О. Харченко, 1902. — 172 с. : ил. : 20.
5. Биба, И. С. П. С. Нахимов: исторический портрет / И. С. Биба // Россия молодая : сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16-19 апреля 2019 г. — С. 1—5. — URL: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2019/RM19/pages/Articles/90201.pdf> (дата обращения: 28.02.2026)
6. Богданович, Е. В. Адмирал Павел Степанович Нахимов / Богданович Е. В. — СПб. : печ.

Р. Голике, 1902. – 15 с.

7. Борский, А. С. Наваринское сражение – как первый крупный практический боевой опыт п. с. нахимова / А. С. Борский // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия : сборник статей по материалам XVIII международной научно-практической конференции. – М. : Международный центр науки и образования, 2018. – Том 5 (18). — С. 11-15.

8. Борский, А. С. Учеба П.С. Нахимова в Морском корпусе до 1818 г. / А. С. Борский // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия : сборник статей по материалам XVIII международной научно-практической конференции. – М. : Международный центр науки и образования, 2018. – Том 5 (18). – С. 11-15.

9. Зверев, Б. И. Русский Черноморский флот в Крымской войне 1853-1856 гг. : автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук / Б. И. Зверев ; Ин-т истории Акад. наук СССР. – М., 1954. — 16 с.

10. Зверев, Б. И. Выдающийся русский флотоводец П. С. Нахимов / Б. И. Зверев. – Смоленск : Кн. изд-во, 1955. – 88 с.

11. Карташов, В. С. Доктор Х. Я. Гюббенет о ранении адмирала П.С. Нахимова / В. С. Карташов, А. В. Карташов // Актуальные проблемы современной науки. – 2015. – № 4(83). – С. 32-33.

12. Кирпичёв, Ю. Еврейские герои Синопа / Ю. Кирпичёв // Заметки по еврейской истории. — 2017. – № 8-9. – URL: <https://litbook.ru/article/10703/> (дата обращения: 28.02.2026)

13. Кирпичёв, Ю. Пирров Синоп / Ю. Кирпичёв. – Текст : электронный // Mil.Press FLOT : [сайт]. – URL: <https://flot.com/science/view/pirrovsinop/> (дата обращения: 28.02.2026).

14. Комаров, Д. Е. «Нахимов не был похож ни на кого...» / Д. Е. Комаров // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 7. – С. 66-67.

15. Курочкин, С. С. Образ П.С. Нахимова в советской историографии, литературе и исторической памяти / С. С. Курочкин // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее : материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции : в 4 т. – СПб. : СПбГУ пром. техн. и дизайна, 2019. – Том 3. – С. 328—331.

16. Лапин, В. В. Два адмирала: ф. ф. ушаков и п. с. нахимов в исторической памяти / В. В. Лапин. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2002. – 272 с.

17. Лапин, В. В. Адмирал Нахимов в национальной памяти / В. В. Лапин // Россия XXI : [журнал]. – 2012. – № 6. – С. 58-85.

18. Лобанов-Ростовский, А. Б. Русская родословная книга : в 2 т. Т. 2 / А. Б. Лобанов-Ростовский. — СПб. : Изд. А. В. Суворина, 1895. – 479 с.

19. Мазунин, Н. П. Адмирал П. С. Нахимов / Н. П. Мазунин. – М. : Воен.-мор. изд-во, 1952. – 48 с.

20. Макаров, А. И. Перекрёстки судеб: к вопросу о родственных связях Нахимовых на Смоленщине / А. И. Макаров // Край Смоленский. – 2017. – № 8. – С. 14–23.

21. Макаров, А. И. Род Нахимовых: три века служения России. Передача архива Нахимовых в отдел рукописей Российской государственной библиотеки / А. И. Макаров // Край Смоленский. – 2024. – № 1. – 11-25.

22. Малышев, В. Адмирал Павел Степанович Нахимов / В. Малышев. – СПб. : Воен-мор. изд-во, 1904. – 150 с.

23. Модзалевский, В. Л. Догадка о происхождении рода Нахимовых / В. Л. Модзалевский. – М. : Ист.-родословное о-во в Москве, 1915. – 2 с.

24. Мордвинов, Р. Н. Наваринский бой / Р. Н. Мордвинов. – М. : Госполитиздат, 1945. – 32 с.

25. Мясникова, Л. Н. «Объяви всем крестьянам: если не будут уплачивать назначаемый оброк, то я имение продам». Неизвестные письма адмирала П.С. Нахимова в Госархиве Вологодской области. 1853-1855 гг. / Л. Н. Мясникова // Отечественные архивы. – 2007. – № 2. – С. 114–118.

26. Найда, С. Ф. Адмирал Нахимов / С. Ф. Найда. – М. : Госполитиздат, 1945. – 72 с.

27. Найда, С. Ф. Синопская победа русского флота: стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве / С. Ф. Найда. – М. : Правда, 1949. – 31 с.

28. Найда, С. Ф. Выдающийся русский флотоводец – адмирал П. С. Нахимов / С. Ф. Найда. – М. : Знание, 1952. – 32 с.

29. Нахимов П. С. Документы и материалы / П. С. Нахимов ; под ред. полк. А. А. Самарова. — М. : Воениздат, 1954. – 832 с. — (Русские флотоводцы).

30. П. С. Нахимов. Документы и материалы : [в 2 т.]. Т. 1 / П. С. Нахимов. – СПб. : Петерб. ин-т печати, 2003. – 430 с.

31. П. С. Нахимов. Документы и материалы : [в 2 т.]. Т. 2 / П. С. Нахимов. – СПб. : Петерб. ин-т

печати, 2003. – 464 с.

32. Поликарпов, В. Д. Павел Степанович Нахимов / В. Д. Поликарпов. – М. : Воениздат, 1960. – 312 с.

33. Пученков, А. С. Победоносное поражение? Конструирование культурного мифа об обороне 1854-1855 гг. / А. С. Пученков // Известия лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19, № 4(49). – С. 209–213.

34. Сеславин, Д. Н. Адмирал П. С. Нахимов : биограф. очерк Д. Н. Сеславина / Д. Н. Сеславин. – Киев ; Харьков : Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1899. – 40 с.

35. Соколов, А. О значении адмирала П. С. Нахимова в Севастопольской обороне / А. Соколов // Яхта. – 1876. – № 7. – С. 15-18.

36. Тарле, Е. В. Крымская война : [в 2 т.]. Т. I / акад. Е. В. Тарле ; Ин-т истории Акад. наук СССР. – М. : Военмориздат, 1941. – 725 с.

37. Тарле, Е. В. Крымская война : [в 2 т.]. Т. II / акад. Е. В. Тарле ; Ин-т истории Акад. наук СССР. – М. : Военмориздат, 1943. – 648 с.

38. Тарле, Е. В. Павел Степанович Нахимов / акад. Е. В. Тарле. – М. : Молодая гвардия, 1944. – 135 с. – (Великие люди русского народа).

39. Фесенко, А. А. Празднование юбилеев П. С. Нахимова в Севастополе / А. А. Фесенко // История в подробностях. – 2010. – № 2. – С. 56-61.

40. Хмыров, М. Д. П. С. Нахимов, адмирал / М. Д. Хмыров // Портретная галерея русских деятелей : в 2-х т. Том 1 : 100 портретов : с биографиями. – СПб. : тип. А. Мюнстера, 1865. – 124 с.

41. Чернышев, А. А. Корабли адмирала Нахимова / А. А. Чернышев // Судостроение. – 2002. – № 3 (742). – С. 74-78.

42. Шевченко, Ю. В. Сохранение памяти об участнике Крымской войны адмирале Нахимове П. С. на Смоленской земле / Ю. В. Шевченко, С. С. Чижев // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сборник статей по материалам CIV международной научно-практической конференции. – М. : Интернаука, 2019. – Т. 4(104). – С. 13-16.

43. Шишов, А. У мыса Синоп. Последнее крупное сражение парусного флота российской империи / А. Шишов // Основы безопасности жизнедеятельности. – 2018. – № 11(227). – С. 60-64.

44. Экштут, С. А. Адмирал Нахимов или «Отстоим Севастополь» / С. А. Экштут // Родина. – 2014. – № 5. – С. 117-118.

45. Якимова, Т. О. Адмирал Нахимов: бесстрашный новатор или самоотверженный альтруист? / Т. О. Якимова // Политехнический молодежный журнал. – 2017. – № 2(7). – С. 2.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026

Khapaev, V. V. Pavel Stepanovich Nakhimov: The Historiography of the Hero's Biography

The article examines the historiography of P.S. Nakhimov's life and work. It is established that this historiography is extensive but monotonous. During imperial times, the hero was interpreted as the ideal officer and nobleman. During the Soviet era (after 17 years of rejecting imperial history as a whole), he was seen as an exceptional phenomenon in the feudal Russia of the Nikolas I period, a man who resisted an exploitative, anti-people state. In the post-Soviet period, Nakhimov has been primarily interpreted within the framework of pre-revolutionary discourse. A distinctive feature of the last decade has been the appearance of critical publications that criticize not so much Nakhimov himself as the historical consequences of his victory at Sinop. Among the main historiographical problems is a lack of P. S. Nakhimov's biographical research studies. His early years remain obscured. The debate about the place and exact date of his birth remains unresolved. P. S. Nakhimov's role in the development of Russian shipbuilding and in the so-called Abkhazian expedition of the Black Sea Fleet remains little studied.

Keywords: Pavel Stepanovich Nakhimov, historiography, biography, navy.

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск №33
2026

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

E-mail: iorbook@sevsu.ru

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Отпечатано в издательстве СевГУ

РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Учредитель и издатель

ФГАОУ «Севастопольский государственный университет» ул. Университетская, 33.
Севастополь, 299053

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

№ рег. СМИ: ПИ №ФС77-64133 от 25.12.2015

Главный редактор: Максимова Елена Николаевна

Составление, верстка, оригинал-макет – А. Ю. Опара

Подписано к печати 15.04.2026. Заказ № 9/2026 Дата выхода в свет: 20.05.2026

Тираж 30 экз. Цена: Бесплатно. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Объем усл. печ. л. 7,67. Уч.-изд. л. 7,54.

Севастополь, 2026

* Философия * История *

* Политология *

